

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

**С. А. Козлов, И. В. Василенко,
О. С. Кавецкая, А. Л. Семенова,
Д. Н. Васильева**

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ:
«НОВГОРОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ
ВЕДОМОСТИ» (1838–1918)
«НОВГОРОДСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ
ВЕДОМОСТИ» (1875–1920)**

**Великий Новгород
2024**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

**С. А. Козлов, И. В. Василенко, О. С. Кавецкая,
А. Л. Семенова, Д. Н. Васильева**

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ:
«НОВГОРОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ
ВЕДОМОСТИ» (1838–1918)
«НОВГОРОДСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ
ВЕДОМОСТИ» (1875–1920)**

Монография

Великий Новгород
2024

УДК 025.173(470.24)
ББК 76.023(4Нов)
К59

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент **Т. Л. Каминская**
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород)

доктор филологических наук, профессор **Д. Б. Терешкина**
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Новгородский филиал, г. Великий Новгород)

Козлов С. А.

К59 Официальные издания Новгородской губернии: «Новгородские губернские ведомости» (1838–1918), «Новгородские епархиальные ведомости» (1875–1920): монография / С. А. Козлов, И. В. Василенко, О. С. Кавецкая, А. Л. Семенова, Д. Н. Васильева; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2024. – 190 с.

ISBN 978-5-89896-914-1

DOI: 10.34680/978-5-89896-914-1/2024.periodical

Коллективная научная монография рассматривает становление и развитие официальной печати в Новгородской губернии. По указу Николая I в Российской империи была создана система губернских изданий, которые должны были выполнять информационно-административную функцию. Первое печатное периодическое издание – «Новгородские губернские ведомости». С 1875 года появились «Новгородские епархиальные ведомости», аудитория которых была уже, чем у губернских ведомостей, ограничиваясь конфессиональной принадлежностью. Но оба издания оказали большое влияние на местную публику, формируя традиции местной журналистики, осваивая различные темы местной жизни, используя различные жанровые формы.

Книга будет востребована студентами, учителями, всеми, кто интересуется историей Новгородского края, кто исследует историю отечественной журналистики, в том числе провинциальную.

УДК 025.173(470.24)
ББК 76.023(4Нов)

ISBN 978-5-89896-914-1

© Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого, 2024
© С. А. Козлов, И. В. Василенко, О. С. Кавецкая,
А. Л. Семенова, Д. Н. Васильева, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. «Новгородские губернские ведомости» (1838–1918 гг.)	7
Особенности официальной части «Новгородских губернских ведомостей» (1838–1839)	11
Исторические характеристики губернии в неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» (1840–1863)	14
Тематика публикаций «Новгородских губернских ведомостей»	17
Историко-этнографическая тема	17
Тема сельского хозяйства	19
Освещение общественно-культурной жизни	24
Изменения в редакционной политике неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» (1863–1917)	29
Представления об общественно-культурной жизни в неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей»	32
Развитие уездной корреспонденции о крестьянстве: проблемы земства и народного образования	39
Театральная журналистика как инструмент информационной поддержки местной власти	42
Формирование рубрикации неофициальной части (1840–1865)	46
Формирование рубрики «Местная хроника»: инструмент концентрации местной информации	50
Рубрика «Местные известия»: редакторский дневник как форма фельетона	55
«Новгородские губернские ведомости» в контексте местных частных газет (1881–1882, 1903–1917)	62
Заключение	66
Литература и источники	68
Перечень приблизительно и точно установленных имен редакторов «Новгородских губернских ведомостей»	70
Тексты из «Новгородских губернских ведомостей» (1838–1918)	71

Глава 2. «Новгородские епархиальные ведомости» (1875–1920)	90
1875–1905 гг.: становление издания	91
1875–1893 гг. как церковно-административный орган епархии	92
1894–1905 гг. как информационно-публицистическое издание	106
1906–1920 гг.: период расцвета и вынужденное закрытие издания	125
Отражение православной жизни епархии (еженедельное издание):	
1906–1913 гг.	126
Отражение событий Первой мировой войны и революции:	
1914–1920 гг.	145
Заключение	163
Литература и источники	165
Цензура «Новгородских епархиальных ведомостей»	166
Тексты из «Новгородских епархиальных ведомостей» (1875–1920)	168
Библиография	176
Сведения об авторах	190
Сведения о рецензентах	190

ВВЕДЕНИЕ

История Великого Новгорода богата большим количеством артефактов средневековья, когда Господин Великий Новгород играл большую роль на Северо-Западе Руси, являясь крупным торговым центром, в котором процветали ремесла, науки, искусство.

История города с Петровской эпохи была сильным контрастом «великому средневековью», и губернский город между двумя столицами воспринимался как провинциальный русский город, центр обширной губернии, в которую входило 11 уездов.

Состав Новгородской губернии [1]

№	Уезд	Уездный город	Площадь, верст	Население (1897), чел.
1	Белозерский	Белозерск	13 057,7	86 906
2	Боровичский	Боровичи	9 045,2	146 368
3	Валдайский	Валдай	5 772,7	95 251
4	Демянский	Демянск	4 322,9	79 791
5	Кирилловский	Кириллов	12 171,7	120 004
6	Крестецкий	Крестцы	7 878,2	104 389
7	Новгородский	Новгород	8 803,4	185 757
8	Старорусский	Старая Русса	8 379,5	191 957
9	Тихвинский	Тихвин	16 169,3	99 367
10	Устюжский	Устюжна	11 317,1	99 737
11	Череповецкий	Череповец	7 245,7	157 495

В первой половине XIX века население Новгородской губернии заметно увеличилось. И эта тенденция продолжалась вплоть до начала XX века.

Количество обнаруженных на раскопках берестяных грамот – прекрасное доказательство грамотности древних жителей города. Культура XI–XVIII веков запечатлена в многочисленных храмах, монастырях, изделиях новгородских ремесленников. На этом историческом фоне несколько теряется город XIX–XX веков. Не так много свидетельств его высокого культурного развития, в сравнении с предыдущей эпохой, они не столь впечатляющи.

В XVIII веке, оказавшись между двух столиц – Москвой и Санкт-Петербургом, Новгород стал лишь одной из станций на этом тракте, а с постройкой железной дороги в XIX веке и вовсе остался в стороне от важных путей сообщения. Все это не могло не повлиять на культурную жизнь города. Эти процессы отразились и в истории новгородских газет и журналов.

На рубеже 1830–1840-х годов российская власть рассматривала формирование губернской системы печати как важный фактор государственной информационной политики. История новгородской журналистики начинается с появления «Новгородских губернских ведомостей» (1838–1918). Это издание за все долгие годы своего существования было обречено на неизбежный официоз и сдержанность публицистических приемов. Однако история становления и развития «Новгородских губернских ведомостей» показывает, что в почти вековой истории этого издания есть свои достижения, свои особенности, свое лицо.

История новгородской губернской газеты раскрывает специфику журналистского процесса: с одной стороны, характерные для всех изданий этого типа черты, с другой – важный новгородский колорит, проявившийся в первую очередь в содержании издания. На страницах этой газеты запечатлена новгородская история, которая представляет несомненный интерес. С 1875 года система официальной печати дополнилась «Новгородскими епархиальными ведомостями», в истории которых можно наблюдать эволюцию от некоторой конфессиональной замкнутости к освещению острых социальных проблем в период революции 1917 года. Эти издания долгое время не имели конкурентов в Новгороде, при этом они сыграли большую роль в формировании информационного поля губернии, становлении журналистского дела, развития тематического и жанрового разнообразия.

При подготовке этой монографии важную роль сыграло содействие сотрудников библиотек и архивов: Новгородской областной универсальной научной библиотеки (особенно краеведческого отдела НОУНБ), библиотеки Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Государственного архива Новгородской области (ГАНО) и Государственного архива новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Выражаем всем искреннюю благодарность и признательность за профессиональную помощь и поддержку в работе по истории новгородских официальных изданий. Большую помощь в работе с архивными источниками в РГИА и газетными фондами РНБ оказала грантовая поддержка научных фондов РГНФ, РФФИ и Администрации Новгородской области.

Глава 1. «НОВГОРОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1838–1918 гг.)

Провинциальная печать в Российской империи развивалась крайне медленно. Цензурный контроль над печатью был весьма жестким, самоиздательское дело требовало финансовых вложений, которые не всегда окупались. На издательский процесс влияло экономическое положение в губерниях и уровень грамотности.

В Новгородской губернии первый местный орган печати появился в 1823 году – ежедневная газета «Семидневный листок военного поселения», учрежденная главным начальником военных поселений Новгородской губернии А. А. Аракчеевым. Она выходила полтора месяца, имела узкую аудиторию (военные чины), публиковала вариации на тему военно-патриотических поучений в монархическом духе, а также разъяснения смысла, полезности и предполагаемых результатов от проведения военных реформ А. А. Аракчеева [2], сочинения офицеров на заданные темы.

Появление полноценного периодического издания в Новгородской губернии и дальнейшее развитие печати стало возможным благодаря созданию системы «Губернских ведомостей» и основанию при Губернском правлении типографии. Согласно сведениям справочного издания «Русская периодическая печать» [3] 1959 года, в котором есть статья о губернских ведомостях, это произошло по распоряжению императора Николая I в 1838 году, когда был издан указ о создании в губернских городах Российской империи официальных периодических изданий, состоящих из официального отдела, в котором печатались распоряжения и приказы местных властей, и неофициального, предназначенного преимущественно для публикаций по местной истории, географии, этнографии и статистике. С 1838 года издавалось 38 еженедельных «Губернских ведомостей» и два ежедневных (Пензенские и Харьковские).

Однако дальнейшие исследования позволили выявить и более ранние образцы губернских ведомостей, о чем пишет, например, Ю. Л. Мандрика, указывающий, что с первенцем провинциальной казенной прессы и сегодня можно познакомиться в газетном отделе Российской государственной библиотеки. Подшивка за 1831 год не сохранилась, но в комплекте за 1832 год имеются приложения к отдельным номерам «Ярославских губернских ведомостей» за предшествующий год [4]. Автор также указывает на существующие разнотечения в среде исследователей губернских ведомостей, которые транслируют сведения из справочника, не удосужившись

познакомиться с более поздними работами, которые по сути опровергают единую дату появления ведомостей в 1838 году.

В Новгороде и Новгородской губернии первый номер официального издания «Новгородские губернские ведомости» вышел 8 января 1838 года. Они стали первым официальным печатным изданием губернии. История их существования насчитывает 80 лет: с 1838 по 1918 год. До 1895 года «Новгородские губернские ведомости» выходили еженедельно, объем был не регламентирован и варьировался от 4 полос и до 10–12 в среднем. С 1895 года стали выходить два раза в неделю. В 1870-е годы увеличился формат издания и периодически возникали трудности с наполнением неофициальной части, когда «Новгородские губернские ведомости» могли выходить на двух полосах. Изменяя формат издания и повышая его периодичность, редакторы стремились привести издание к газетному виду. В редакционных статьях и программах ведомости часто назывались «газетой», хотя такой статус оспаривают некоторые ученые, указывая на то, в исследованиях XIX века губернские ведомости определяются как журнал. Вопрос типологии издания по-прежнему остается не до конца выясненным.

С начала выхода в 1838 году «Новгородские губернские ведомости» имели лишь обязательную официальную часть. Неофициальная, которая называлась «Прибавления к № ... Новгородских Губернских Ведомостей», стала издаваться с 1840 года. Структура издания в это время была представлена двумя отделами – I (официальной частью) и II, который делился на официальную и неофициальную части. Позднее указание на отделы в издании исчезает и остается традиционное деление на официальную и неофициальную части. Обе части издания были формально независимы и, за исключением 1899 года, редактировались разными чиновниками. В 1895 году была реализована попытка отдельной подписки на неофициальную часть издания, которая была практически полноценной газетой. Но эта практика была прекращена в 1896 году, после ухода Д. Городецкого, который и был автором этой идеи.

Редактором официальной части считался губернатор, который отвечал за содержание номеров, при этом никак не проявляясь в качестве автора. Отбором текстов и приведением их в соответствующий требованиям вид занимались другие люди. Формально в редакции числился лишь один сотрудник – редактор неофициальной части, которым становились чаще всего учителя, врачи, духовные лица, земские деятели, т. е. люди, которым образование позволяло выполнять эту работу. Гонорары в официальных изданиях не предполагались, все публикации рассматривались как выполнение общественного долга.

К сожалению, имена не всех редакторов известны исследователям. Мы располагаем данными только о некоторых из них, причем часто эти данные ограничены лишь именем или фамилией, указанными в издании. Первым редактором, имя которого доподлинно установить по подписи удается только с 1852 года, стал Игнатий Викторович Лесневский, старший учитель Новгородской классической мужской гимназии, редактировавший ведомости с 1852 по 1857 год (возможно, он выполнял редакторские обязанности и раньше, однако установить это на данный момент не представляется возможным). И. В. Лесневский проявил себя как грамотный и знающий особенности работы периодического издания редактор. При нем была сформирована система рубрикации, которая практически без изменений просуществовала несколько десятилетий, сложился круг постоянных авторов, каждый из которых был специалистом в конкретной области – истории, народном образовании, культуре и искусстве, сельском хозяйстве.

Еще одним редактором (1857–1863) неофициальной части стал старший учитель Новгородской мужской гимназии Иван Матвеевич Вишневский, создавший рубрику «Местная хроника» и наполнивший ее собственными публикациями, т. е. стал основателем местной колумнистики – именно с этим современным жанром сопоставимы его публицистические работы, в которых затрагивались темы общественной, культурной, экономической жизни города и губернии.

О редакторах, возглавлявших издание до 1895 года, сохранилось мало информации, лишь имена и, за редким исключением, должности, которые они занимали помимо редакторской деятельности, однако для «Новгородских губернских ведомостей» этот период не ознаменовался значительными событиями или значимыми изменениями редакционной политики.

Лишь в 1895–1896 годах, когда редакцию возглавил Дмитрий Городецкий, в работе издания произошли значительные перемены. За полтора года пребывания на своей должности Д. Городецкий создал из официального органа печати с отдельными периодами публицистической и журналистской активности полноценную газету. Он возродил редакторскую колонку (утраченную в 1870–80-е годы), в которой обращался непосредственно к читателю, расширил жанровый репертуар издания, в котором теперь печатались фельетоны, новости, отчеты, рецензии, очерки и другие формы. Д. Городецкий сформировал уездную корреспондентскую сеть, привлек читательскую аудиторию к активному обсуждению общественных вопросов, которые, однако, по-прежнему находились за рамками политических процессов.

Но практически все предыдущие достижения были утрачены в начале XX века, а с 1912 года с приходом редактора С. И. Градова ведомости вновь вернулись к форме информационного дайджеста, мало изменяясь вплоть до закрытия.

Официальная часть всех «Губернских ведомостей» (в том числе и Новгородских) содержала циркуляры и распоряжения, касающиеся самых разных вопросов жизни губернского населения: политических, экономических, культурных, отчасти идеологических и прочих. Например, в издании регулярно публиковались извещения о сыске беглых крестьян, объявления о продаже и покупке имений и других видов собственности.

Неофициальная часть затрагивала интересы всего грамотного населения губернии. Публикация научно-практических очерков по сельскому хозяйству, медицине, народной гигиене и образованию, применимых к местности, адресовались помещикам. Статьи исторического содержания, театральные и концертные рецензии, светская хроника (дворянские балы, открытие памятников и новых зданий, общественные увеселения) могли быть интересны и городским обывателям, и интеллигенции, и военным (а также читателям крупных уездных городов).

С развитием земских реформ 1860-х гг. появилась необходимость их осмыслиения и обсуждения успехов и неудач на страницах ведомостей, что затронуло даже самые отдаленные города и поселения губернии. Именно в этот период формируется уездная корреспонденция. Во время Первой мировой войны издание публиковало телеграммы с фронта. В рубрике «Местная хроника», или «Местные известия» «Новгородские губернские ведомости» помещали разного рода публикации – редакторскую колонку-дневник, рецензии, репортажи с гуляний, публицистические очерки фельетонного характера, краткие известия о приездах высокопоставленных особ или членов императорской семьи, торжественных богослужениях и молебствиях по поводу больших религиозных праздников или важных государственных событий.

«Новгородские губернские ведомости» – официальное издание, но его можно считать общественно-деловым качественным изданием для максимально широкого круга подписчиков. Как тип издания, губернские ведомости вмешали в себя в разные периоды признаки газеты и журнала с преобладанием газетного типа. Как газета издание отмечено и в первых исследовательских сочинениях начала XX века, а также в более поздних научных работах конца XX – начала XXI века.

В разное время с «Губернскими ведомостями» сотрудничали видные ученые, публицисты, фольклористы, общественные деятели. Среди прочих

официальных изданий «Новгородские губернские ведомости» были отмечены в обзоре «Нового слова». Автор журнала «Новое слово» в статье «Губернская пресса» (1896 год) [5] всесторонне проанализировал подобные провинциальные газеты, при этом официальное издание Новгородского губернского правления получило одобрительные отзывы. Оно было противопоставлено изданиям других северных губерний – Вологодской и Архангельской, которые публиковали в основном административную информацию, избегая освещения событий культурной и общественной жизни. Это выигрышное сравнение стало возможным благодаря деятельности в 1894–1895 годах Д. Городецкого, редактора «Новгородских губернских ведомостей». В остальном же контент издания в конце XIX – начале XX века также практически состоял из отчетов органов местных комитетов и перепечаток из столичных газет. Состояние местной официальной печати в те годы практически все исследователи оценивали как застойное.

С 1838 года «Новгородские губернские ведомости» на долгое время стали развивающейся площадкой для формирования общественного мнения, информирования читателей о наиболее важных, с точки зрения губернских властей, событиях. Одновременно с этим происходило формирование образа Новгорода и Новгородской губернии в глазах не только местных жителей, но высшего начальства и сторонних подписчиков.

Особенности официальной части «Новгородских губернских ведомостей» (1838–1839)

Официальные публикации «Новгородских губернских ведомостей» служили объединению губернского общества, способствовали усилению активной позиции жителей по вопросам преобразования социальной и политической жизни, формированию образа губернии.

Позиция губернского начальства, личности редакторов напрямую влияли на редакционную политику. В зависимости от смены власти и редакторов, целесообразно выделить следующие периоды в работе «Новгородских губернских ведомостей»:

1838–1839 – выход официальной части без прибавлений (неофициальной части); зарождение приемов формирования положительного образа губернии;

1840–1851 – становление неофициальной части, формирование основных тематических направлений в качестве инструментов формирования положительного образа губернии;

1852 – апрель 1863 – расцвет неофициальной части, зарождение рубрикации как поиска жанрово-стилистического своеобразия, формирование общественно-публицистической позиции редактора;

май 1863 – 1894 – изменения в редакционной политике под воздействием реформ: а) стимулирование общественной активности губернских жителей посредством порицания негативных тенденций; б) усиление роли уездных корреспондентов, пишущих о проведении реформ на местах; в) насыщение официальными отчетами о деятельности земств без публицистического комментария как замалчивание несостоительности некоторых аспектов их деятельности;

1895–1896 – выпуск неофициальной части в качестве газеты с закрепленной рубрикацией и кругом освещаемых тем;

1897–1916 – упадок издания под влиянием революционных событий, сокращение объема публицистических материалов в неофициальной части вплоть до полного их исчезновения;

1917–1918 – возобновление местного публицистического компонента для поддержания политики Временного правительства, неофициальная часть становится публицистическим комментарием официальной, закрытие издания в феврале 1918 года.

Как уже упоминалось ранее, с начала выхода издания губернские ведомости имели лишь обязательную официальную часть. Неофициальная (литературная) стала издаваться с 1840 года. Но даже в номерах 1838–1839 годов видны попытки выйти за рамки официальной части, в которых подчеркивались положительные стороны жизни Новгородской губернии и позитивные изменения в политическом управлении страной в целом.

За издание «Новгородских губернских ведомостей» отвечал сам губернатор, в его отсутствие экземпляры ведомостей подписывались вице-губернатором. С 1845 года это стало прямой обязанностью вице-губернатора.

«Официальная часть Губернских Ведомостей, – говорилось в «Общем учреждении губернском» (статья 540), – содержит в себе: все следующие к общему исполнению или сведению уездного, городского и волостного управления указы губернского правления, циркуляры и предписания начальника губернии; ежемесячные сведения о состоянии делопроизводства в присутственных местах; созыва дворянства и городских обществ на выборы и на чрезвычайные собрания; частные по какому-либо уезду предписания и разрешения; объявления о вакантных местах, с вызовом желающих занять их;

объявления об учреждении каких-либо новых мест или должностей в губернии...» [6, с. 64] и еще ряд пунктов.

Первый номер вышел на одном листе, объемы последующих составляли от 4 до 6 страниц. Поначалу предписанных тем было немного, сообщения размещались в случайном порядке. С № 3 появилось некоторое структурирование информации по степени важности. Так, сначала располагались предписания чиновникам, затем объявления о торгах, сообщения о назначениях и награждениях. Однако местной информации было немного, а объявления из других губерний, которые были обязательны к публикации, шли потоком. Новгородские объявления ставились в общую очередь, и для знакомства с ними приходилось просматривать все столбцы выпуска.

Пункт закона, содержащий информацию «об утвержденных тахсах всякого рода», исполнялся на отдельных листах (они назывались «припечатанными»), часто большего формата, которые складывались и подшивались в общий годовой комплект.

В конце официальной части публиковались примечания следующего рода: «Примечание. К сему № Губернских ведомостей к исполнению Градских и Земских Полиций и Становых Приставов следуют еще четыре особые статьи на отдельных листках, для присоединения оных к подлежащим делам, на коих отмечается о сделанном исполнении» [7. 1838. № 1]. Имеются в виду распоряжения для уездных чиновников по губернии (например, о сыске беглых крестьян). В. А. Павлов называет особые (публикационные) статьи отличительной особенностью «Губернских ведомостей» и трактует это явление в качестве иллюстрации того, как «крепостническое государство использовало газету в помощь полицейским службам» [8].

Такая структура официальной части не позволяла определять ее как газету. По наблюдениям исследователей, «Новгородские губернские ведомости» по структуре и функциональной нагрузке стояли в одном ряду с правительственные бюллетенями, которые выходили еженедельно, содержали местный компонент, выполняли административную функцию, а также функцию регулирования и контроля полицейско-судебной системы Российской Империи.

С 1839 года «Новгородские губернские ведомости» имели более упорядоченный и строгий вид. Количество страниц в среднем увеличилось до 12-ти. Отдельные информационные блоки нумеровались римскими цифрами. С № 4 начинается сплошная годовая нумерация, не учитывающая пустые листы в

номере (текст располагается в две колонки, в которые укладывались даже очень длинные заголовки).

Однако не только краткие объявления и извещения публиковались в первых номерах издания. Существовали еще так называемые циркулярные предписания, которые по своей форме и стилю резко отличались от большинства текстов и заменяли первое время настоящие статьи, тематикой которых были проблемы губернской жизни социального, экономического и политического характера.

В 1839 году местные объявления и извещения помещаются в первых абзацах номера, подчеркивая их предпочтительность для читательской аудитории. Объявления из других губерний снабжаются ссылками на источник публикации с указанием номера и года издания. Часто объявления о продаже имений и вызовах к торгам публикуются со значительной задержкой. Так в № 15 обнаруживаются ссылки шестинедельной давности, из № 8, что, вероятно, связано, во-первых, с особенностями функционирования почты, во-вторых, с тем, что появление таких сообщений на страницах издания обуславливается лишь официальным предписанием к публикации.

Следует отметить также, что первый период издания «Новгородских губернских ведомостей» (1838–1939) показал слабую кадровую подготовленность к выпуску подобных изданий, как в области составления и редактирования, так и в части типографского набора. Издания этого периода изобилует опечатками, ошибками, диалектными и устаревающими формами отдельных слов.

Исторические характеристики губернии в неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» (1840–1863)

С 1840 года начинают выходить Прибавления к «Новгородским губернским ведомостям». С 1845 года этот блок входит в структуру издания как отдел II, т. е. неофициальная часть.

Следует отметить, что каждые «Губернские ведомости» не являлись сугубо местным изданием, а могли быть выписаны любым жителем Российской Империи.

Редакция и стоящая за ней власть стремились расширить читательский репертуар, найти путь к другой аудитории, не ограничивающей себя официальными сведениями. Но возможности редакции в удовлетворении этой

потребности также строго определялись регламентом. Как следовало из статьи 541 закона, «В части неофициальной губернских ведомостей могут быть помещаемы относящиеся до местности сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и проч.; о чрезвычайных явлениях и происшествиях в губернии; о явлениях метеорологических; статьи и сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве, о рыночных и справочных ценах, состоявшихся торговых и других обществах; о выданных привилегиях на изобретения; некрологи известных в губернии лиц, и проч.» [6, с. 65].

Некоторые исследователи считали, что с помощью неофициальной части редакции пытались «под прикрытием гласности воздействовать на умы провинциальных читателей в монархическом духе» [9] и формировать выгодный власти образ территории. Однако местной интеллигенции издание губернского периодического издания дало возможность делиться исследованиями и опытом в различных областях.

Рассылкой официальных изданий в подчиненные правлению места и должностным лицам занимались редакторы – начальники газетного стола. Имена первых из них не сохранились, но в дальнейшем они указывались в конце неофициальной части (а затем отдельно указывался и редактор официальной части). В Новгородской губернии этот пост занимали люди разного сословного статуса, некоторые из них совмещали несколько должностей. Иногда редактор состоял в должности несколько месяцев или даже недель. За весь период существования «Новгородских губернских ведомостей» имеются сведения о 21 редакторе. В начале XX века встречаются упоминания о помощниках редактора неофициальной части.

Первый редактор (или редакторы) Прибавлений выполнял роль составителя, используя данные статистического комитета, перепечатки из столичных газет и журналов, а также других «Губернских ведомостей». Выражение поддержки политическому режиму встречалось в отдельных статьях на исторические темы.

Статьи и объявления в неофициальной части были пронумерованы римскими цифрами, преимущественно тематически структурированы в соответствии с принятой иерархией: общественно важное событие городской жизни – историко-статистическая статья – сельскохозяйственная или промысловая статья – происшествия по Новгородской губернии – библиографическое известие – частные объявления. Начиная с Прибавлений к

№ 4 от 27 января 1840 года, завершались номера рубрикой «О приехавших и выбывших» (реестр передвижения жителей Новгорода, а также лиц иногородних, иностранных и проездом).

Прибавления, в отличие от официальной части, не предполагали большого объема, поэтому статьи разбивались и печатались в нескольких номерах (от 2 до 4-х), кроме первого раздела №№ 1 и 2, обещанные продолжения которых так и не появились в печати. Как отмечают исследователи, это вполне соответствует общей редакторской неаккуратности губернских ведомостей 1840-х годов. Статьи Прибавлений с 1840 по 1852 год составили основной массив исторических сведений и картину состояния Новгородской губернии того периода.

По всей видимости, в 1852 году сменился редактор. Вероятнее всего, им стал И. В. Лесневский, старший учитель Новгородской гимназии. Он ввел рубрику «Местная хроника», в которой долгое время публиковал собственные статьи. Своего расцвета рубрика достигла в 1857–1863 годах, уже при другом редакторе и под новым названием – «Местные известия». Основная заслуга здесь принадлежит И. М. Вишневскому, который, став редактором, кроме прочего, публиковал фельетоны, поднимавшие важные вопросы общественной жизни города и губернии, в том числе и в контексте общегосударственных событий.

Денежного вознаграждения за публикацию не предполагалось, все авторы назывались корреспондентами, присылающими свои статьи в редакцию. Среди таких авторов можно отметить ряд непрофессиональных журналистов, публикации которых составили значительный жанровый репертуар издания. Стоит отметить следующих публицистов этого периода: Руф Гаврилович Игнатьев (1818–1886) – историк, археолог, этнограф, фольклорист, архивист, журналист; бывший губернатор Николай Назарьевич Муравьев (1815–1818), писатель, историк, почетный член Российской академии; Поликарп Иванович Пузино (1781–1866) – врач, участник походов в Пруссию в 1809 и 1812–1813 годах, участник Отечественной войны 1812 года, действительный статский советник; Николай Гаврилович Городчанинов, действительный статский советник, ревизор при Казенной палате.

Таким образом, несмотря на появление в новгородском издании крупных корреспондентов, их было мало и основными авторами местных статей становились сами редакторы.

Тематика публикаций «Новгородских губернских ведомостей»

Если темы официальной части были известны и даже запланированы заранее, представляли собой распоряжения высшего и губернского начальства, то неофициальная часть издания содержала тексты на самые разные темы, касающиеся разных аспектов губернской жизни того периода. Среди популярных можно назвать историко-этнографическую, сельскохозяйственную, общественно-культурную, театральную тематику. В каждой из них были особенности, на которые стоит обратить внимание.

Историко-этнографическая тема

Лидером по частоте появления на страницах газеты можно назвать историко-этнографическую тему, что логично связано с историческим положением и богатейшим наследием Новгорода и губернии в целом, интерес к которым не утихал в любые времена. Статьи о Новгороде и его истории активно печатались в периодике других городов, в том числе Москвы, Санкт-Петербурга. Учитывая отсутствие указания автора в большинстве публикаций «Новгородских губернских ведомостей», нельзя однозначно говорить об их принадлежности новгородским журналистам, высока вероятность перепечатки некоторых текстов из газет других губерний.

Во второй половине 1840-х годов на страницах издания появились статистические сведения, которые готовились Губернским статистическим комитетом, находившимся в ведении губернатора. Поначалу это было далекое от публицистики скрупулезное описание значительных исторических событий, различных достопримечательностей, зданий и строений, монастырских сокровищ, которые, тем не менее, были интересны и даже полезны читателям. Историческую тему поддерживали и перепечатки из других изданий (не указанных), которые предлагали своеобразные экскурсии по достопримечательностям и древним памятникам новгородской земли.

Большое количество текстов прямо или косвенно посвящены жизни и деятельности Петра I, а также актуальным событиям описываемого периода, связанным с личностью императора, как, например, извлечение из «Санкт-Петербургских полицейских ведомостей» под заглавием «Портрет Петра Великого», в котором сообщается о создании нового портрета Петра и о возможности покупки его репродукции. Вероятно, тема эта укладывалась в предпочтения редактора и самого губернатора И. Г. Синявина.

Авторским вкладом в историко-краеведческую тему можно считать публикации духовных лиц Новгородской епархии. Несмотря на официально-

деловой стиль и изобилие цифр и подробных описаний, тексты эти были интересны читателям и востребованы еще долгое время после публикации, о чем свидетельствуют ссылки к ним в текстах других авторов.

Публикации об историческом прошлом Новгорода, истории новгородской археологии, литературные и фольклорные произведения о Новгороде часто появлялись на страницах «Новгородских губернских ведомостей». В них прослеживалось желание наиболее выгодного представления губернии и ее истории, акцент на наиболее значимых и положительных, с точки зрения редакции, моментах. Обращалось внимание также на необходимость историографических и археологических изысканий, а также на сохранение существующих памятников истории и культуры, поскольку Новгород и уездные города представлялись как средоточие уникальных артефактов древности.

Научными изысканиями занимался Руф Игнатьев, который с 1849 по 1856 г. стал практически постоянным автором исторических статей и краеведческих очерков. Он нашел и обработал для печати многие документы, касающиеся истории новгородской земли. Редакция «Новгородских губернских ведомостей» сознательно шла на публикацию письменных источников, поскольку считала это единственной возможностью их сохранения для потомков. Однако осуществить эти планы в полной мере не удалось по «не зависящим от редакции обстоятельствам», такой формулировкой чаще всего объясняли невыполнение тех или иных обязательств, связанное, вероятнее всего, с цензурой.

Отдельного внимания заслуживает и издание редакцией особых приложений – литографированных экземпляров старинных грамот, автографов, рисунков и планов исторических объектов, о которых идет речь в статьях номера. Таким образом, редакция пыталась с одной стороны, привлечь новую аудиторию, с другой – обеспечить повышение интереса к подписке на издание. Напечатанные на плотной бумаге и в высоком качестве, т. е. малым тиражом, такие приложения рассыпались только частным подписчикам. Вместе с журнальными научно-популярными статьями эти приложения составляли солидное представление об историко-культурном потенциале Новгорода и его современных архитектурно-археологических достоинствах.

Таким образом, историко-этнографическая тема раскрывала перед читателями серьезность и значительность исторического прошлого Новгорода в государственном отношении с одной стороны, с другой, благодаря работам Руфа Игнатьева, привлекала внимание к Новгороду и его окрестностям как месту, где сконцентрировано большое количество источников и экспонатов для занятия благородным археологическим и историко-описательным трудом.

Тема сельского хозяйства

В первой половине 1840-х годов управлял губернией Е. А. Зуров. Именно он уделял особое внимание сельскому хозяйству, лично инспектировал присутственные места и делопроизводство, регулярно обезжая все до последнего стана. Редакционные статьи Прибавлений в этот период активно и подробно писали о сельскохозяйственных проблемах губернии, о вопросах, связанных с бытом помещиков и крестьян в эти годы. «Новгородские губернские ведомости» публиковали дайджест советов по сельскому хозяйству, создали обширный справочник по вопросам хлебопашества, новых зерновых культур, хлебных вредителей и переработки урожая, по выращиванию и обработке картофеля.

По-прежнему встречались в достаточном количестве перепечатки из других периодических изданий – «Земледельческой газеты», «Журнала Министерства Внутренних Дел», «Мануфактурных и Горно-заводских Известий», «Губернских ведомостей» других регионов. Но уже через полгода появляются тексты, принадлежащие новгородским корреспондентам, указывающим в подписях к публикациям свои полные данные, включая адрес. Появились и постоянные авторы из числа помещиков и грамотных крестьян, желающих поделиться своими наблюдениями и успехами, например, в вопросах выращивания «ржи-муравьевки», борьбы с болезнями рогатого скота, приготовления солода и т. п.

Ведомости использовали любой предлог для публикации сведений о достижениях местных помещиков и крестьян, а также о подобных достижениях в других губерниях, описанных в центральных изданиях, как и раньше, без указания первоисточника. Так, например, заметка «За полезные труды воздаяние», которая рассказывала о крестьянине Афанасии Артамонове из деревни Дмитриева гора Крестецкого уезда Корнилогорской волости, который «с дозволения общества государственных крестьян означенной волости» осушил и расчистил болото, потерпев при этом большие издержки. Очевидная апелляция к хорошему примеру, которому следует подражать, частый ход в публикациях данной тематики, продиктованный позицией правительства, демонстрировавшего заботу об отличившихся согражданах широкому кругу обывателей.

Некоторые материалы публиковались согласно циркулярным предписаниям. Например, активно продвигалась настоятельная рекомендация знакомить помещиков и крестьян с такой овощной культурой как картофель, который открывал новые и более дешевые возможности для обеспечения

продовольствием. «Для надлежащего объявления, препровождено при сем циркуляре новое наставление о разведении картофеля, которое помещено в Прибавлениях сего номера Ведомостей. Наставление же о заведении четвертого овощного поля будет также разослано при этих Ведомостях, по отпечатании» [7. 1840. № 19], – сообщалось в № 19 от 11 мая 1840 года. В дальнейшем тема развивалась в объемном, на 6 страниц, тексте о разведении картофеля, который положил начало многочисленным публикациям об этой культуре в течение нескольких десятков лет. Печатались даже рецепты картофельного хлеба как альтернатива значительно поднявшемуся в цене ржаному.

Одним из представителей местного дворянства, оставившего заметный след в сотрудничестве с губернским изданием, стал Поликарп Иванович Пузино. Он дебютировал в Прибавлениях к № 37 от 14 сентября 1840 года корреспонденцией. В личном архиве, хранящемся в ГАНО, представлены вырезки и выписки из различных газет и журналов, наброски собственных статей: «Домашнее приготовление солода» [10. Ед. хр. 203. Л. 8] или черновая записка об устройстве жнетки [10. Ед. хр. 206] с правками стиля, уточнениями, а также рукописный справочник [10. Ед. хр. 205], в котором были собраны сведения о различных травах, насекомых, сельскохозяйственных инструментах и прочее. (Эту коллекцию продолжал и его сын, Поликарп Поликарпович, бывший, помимо занимания различных общественных должностей, лесничим, подполковником Лесного департамента Министерства Государственных Имуществ). Эти документы подробно проанализированы И. А. Хайле в статье «П. И. Пузино и его записки, касающиеся сельского хозяйства». По наблюдению исследователя, написание документов относится к 1855–1858 годам. К этому времени Поликарп Иванович – автор уже 9 статей на страницах «Новгородских губернских ведомостей». И деятельность эта не осталась незамеченной. В 1846 году помещик получил письмо с предложением о сотрудничестве от редактора «Журнала Министерства Государственных Имуществ» Константина Веселовского. Ответ был утвердительным: «...имею особенную честь изъявить Редакции искреннюю благодарность мою за это приглашение, которое буду стараться по возможности выполнить на самом деле, сколько позволят настоящие судебные обязанности, к которым Новгородское Дворянство призвало меня от любимых моих сельских занятий» (из черновика ответа на письмо [10. Ед. хр. 64. Л. 2]).

По замечанию И. А. Хайле, «судя по текстам рассматриваемых документов, их автор был образованным человеком» [11, с. 26]. Такое высказывание кажется излишним. Несмотря на то, что в используемом архиве

семьи Пузино хранится письмо К. Веселовского, исследователь не знал о корреспондентской деятельности П. И. Пузино и не предполагал, что его работы могли быть опубликованы, ведь «замыслы Пузино не были реализованы в ходе проведения преобразований <реформ 1860-х годов – С. К.>, оставшись лишь на бумаге» [11, с. 28]. Нет оснований предполагать, что человек, видевший Европу и занимавший высокие и ответственные должности, был усадебным графоманом. Конечно, статьи Пузино не отличаются ярко выраженным публицистическим слогом, и являются скорее научно-популярным анализом чужих замечаний и положений, подкрепленным собственным эмпирическим опытом.

В первой публикации «О земляных хлебных червях» П. И. Пузино так и заявляет свою корреспондентскую программу: «Вот мнения Гг. Членов Экономического Общества! Все оне более или менее полезны, но не все равно удобны, не все сподручны крестьянину нашему. Предоставляя на произвол каждого хозяина, в случае надобности, из показанных средств избирать те, которые для него найдутся удобнейшими, я позволяю себе прибавить оказавшиеся на самом опыте действительными» [7. 1840. № 37]. И все эти средства оказались достаточно прогрессивными для своего времени. Стремясь упорядочить и усовершенствовать крестьянский труд и быт, П. И. Пузино не выказывает тех снисходительно-барских, высокомерно-патерналистских интонаций одновременно с умилиительно слашавым оттенком, которыми отмечены подобные труды «Орловского помещика Александра Бурнашева», «Лифляндского Ландрата Барона Брюйнингке», «Курляндского помещика Барона Фелькерзима» и других корреспондентов правительственные изданий, встречаемых на страницах «Новгородских губернских ведомостей».

Интересы Поликарпа Ивановича не ограничивались хлебопашеством. Тематическое разнообразие сделанных публикаций показывает широкую заинтересованность автора в вопросах сельского хозяйства, отвечающих запросам местности. В личном архиве семьи Пузино сохранился черновик заметки «О пользе местного общества сельского хозяйства», публикация окончательного текста состоялась в № 36 «Новгородских губернских ведомостей» от 8 сентября 1856 года (отдел II, часть неофициальная). Не остался он в стороне и от участия в разведении картофеля. В соответствии с полученным «наставлением» от уездного предводителя дворянства по правительственной программе, П. И. Пузино занимается приоритетным направлением и докладывает о своих успехах в официальный печатный орган. Очевиден и просветительский посыл: «<...> чтобы очевидно доказать

крестьянам пользу разведения картофеля в полях, я начал убеждение их в этом самом опыте» [7. 1841. № 48], – пишет помещик. В этом же номере Прибавлений приведена вторая заметка, «Употребление картофеля в печении хлеба». Обе статьи датированы 10 ноября, когда сбор урожая закончен, и подписчики губернских ведомостей могли сравнить свои успехи с чужими, сделать надлежащие выводы. «Как не сказать от души великое спасибо благодетельному Правительству, указавшему нам на такое легкое и надежное средство для продовольствия крестьян, особенно в нынешние скучные урожаями годы» [7. 1841. № 48], – заключает автор свои заметки, высказывая свою гражданскую позицию. И это не просто традиционное изъявление верноподданнических чувств. П. И. Пузино являлся членом Новгородского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян и составил в 1858 году записку «Взгляд на улучшение и устройство быта помещичьих крестьян», адресованную Николаю Павловичу Бахметеву (Бахметьеву), губернскому предводителю дворянства. В ней он осторожно, по примеру европейских государств, предлагал меры к освобождению крестьян от крепостной зависимости. Даже в 1858 году такие тексты не могли попасть на страницы местного официального органа печати. Однако все это вскрывает цели, с которыми образованный, общественно активный и пишущий помещик выходил на страницы «Новгородских губернских ведомостей».

Этот кропотливый и ответственный труд выполнялся совершенно бескорыстно, у редакции не было возможности оплачивать публикации. Поэтому все, на что мог рассчитывать автор, это «то верно – скоро скажут мне доброе, Русское спасибо» [7. 1840. № 52] читатели губернских ведомостей, воспользовавшись советами. И редакция не могла не воспользоваться просто изложенными, далекими от какой-либо политической борьбы и направленными исключительно на экономические усовершенствования ко всеобщему благоденствию статьями.

Судя по архивным документам, Поликарп Иванович активно читал другие интересующие его газеты и журналы, из которых делал выписки. И, видимо, из них он почерпнул те немногие литературно-публицистические интонации и приемы, которыми изобиловала профессиональная корреспонденция. Это хорошо видно в патетических восклицаниях. Примечательна и такая филиппика: «Словом сказать: чудно нынешнее лето! Где только весною было брошено в землю зерно, везде растет прекрасный хлеб, дающий надежду на богатую жатву!» [7. 1852. № 35] Стремление сделать некоторое лирическое обобщение даже в такой стандартной отчетной статье,

как «Об урожае хлеба и травы», показывает не только газетно-журнальную моду того времени, но, пусть слегка инфантильное, осознание общего благого дела, желание через физический и писательский труд почувствовать единение идей и представлений об окружающем мире на отдаленных расстояниях. Усадебное философствование не лишено своего очарования, если учесть, какие эмоции на этот предмет испытывал сам автор и реальную пользу от его трудов: «Когда, при разведении всех растений, принято за правило употреблять для посева самые лучшие, зрелые семена, – почему же один картофель должен составлять исключение из этого правила? Природа никогда не делает отступлений от основных законов своих и действует всюду, во всех случаях одинаково, как в отношении к животным, так и в царстве растительном» [7. 1852. № 45], – пишет Поликарп Иванович в отчете «Об урожае картофеля в 1852 году». На страницах периодического издания, а тем более своего, местного, подобные тексты обращают на себя внимание литературным пафосом, стремлением к публицистичности, когда автор знает, что у него есть собеседник, читатель, и тот должен не только умом, но и сердцем откликнуться на страстный призыв.

Образное и пространственное мышление П. И. Пузино оставило нам еще образец репортажного описания, из которого редактор «Новгородских губернских ведомостей» счел нужным сделать «Выписку из частного известия, полученного от новгородского помещика Г. Действительного Статского Советника Пузино». В 1840 году подряд три июньских выпуска Прибавлений были посвящены этой теме. Выпуск от 15 июня содержал по свежим следам небольшое известие о буре, произошедшей в ночь с 13-го на 14-е число. Через неделю отчет дополнился подсчетом жертв, разрушений и убытков. Масштабы этого стихийного бедствия не укладывались в рамки одной из последних рубрик с происшествиями, и описание его занимало первые столбцы Прибавлений к губернским ведомостям.

Таким образом, Поликарп Иванович Пузино, который никогда не представлял себя связанным с профессиональной корреспондентской деятельностью, оказался одним из первых новгородцев, чье имя появилось на страницах «Новгородских губернских ведомостей». Как единичный случай активного сотрудничества с местным официальным органом печати для достижения практических целей, он очень показателен. В этот период редактору еще приходилось заимствовать сведения о достижениях своих соотечественников из центральных изданий. А материалы П. И. Пузино отвечали важным задачам губернских ведомостей – представлять достижения

Новгородской губернии и собирать энциклопедические сведения о местных природных особенностях и заметки о средствах улучшения и развития экономической жизни. Пример Пузино в некотором смысле повлиял на активность тех уездных корреспондентов, которые возникли в пореформенный период. Тема сельского хозяйства занимала уже не такое значительное место на страницах издания, но сформировался круг других проблем, требовавших анализа и разрешения.

На страницах «Новгородских губернских ведомостей» регион представлен как перспективный в области сельского хозяйства, несмотря на историческое отсутствие благоприятных условий для этого, с активной обратной связью губернского начальства и местных жителей, которые, следуя призывам правительства, усердно занимались хозяйством и добивались заметных результатов.

В пореформенный период тема сельского хозяйства отошла на второй план, поскольку оформился перечень других проблем, которые требовали внимания и решения, а количество полос губернских ведомостей было все же ограниченным. Тем не менее, значение этой темы для формирования образа Новгородской губернии довольно высоко. Как и в случае с исторической темой, можно отметить стремление к формированию пространственного мифа, набору представлений об успешном регионе в отражении, в данном случае, редакции «Новгородских губернских ведомостей» и их авторов в расчете на внутрирегиональную читательскую аудиторию и высшее начальство.

Освещение общественно-культурной жизни

В период с 1840 по 1851 год в публикациях об общественной жизни Новгорода и губернии много случайного как в периодичности, так и в жанровом отношении.

Довольно часто на страницах ведомостей печатались некрологи, которые представляли собой обзор жизни и общественных достижений покойного, представленный в исключительно эмоциональной манере с использованием безграничного числа эпитетов. Встречались и информационные сообщения из различных областей общественной жизни («известия»), более подходящие газетному формату изданий. Среди информационных жанров Прибавлений можно выделить две группы: официальные сообщения о визитах высокопоставленных особ (члены царской фамилии, высшее духовенство) в начале номера, сводки несчастных случаев и уголовных происшествий губернии – в конце; статьи-отчеты о недавних важных событиях, выполненные в жанровой манере репортажа (в качестве передовых статей).

Сообщения о визитах важных персон можно считать отличительной чертой издания первой половины 1840-х годов. Обычно они помещались в начале официальной части как сухое и краткое изложение фактов, либо в Прибавлениях в виде развернутого описания визита с элементами публицистики. Чаще всего такие тексты появлялись в ближайшем по отношению к событию номере, были обязательны как отчет для начальства и, несмотря на деловой стиль и официозную подачу, удовлетворяли обывательский интерес горожан к светской хронике.

Вторую группу составляли материалы передовицы, фиксировавшие важные события в обстановке реального времени, отражавшие их значение для сегодняшнего дня. Тематический ряд таких публикаций весьма широк – от описания празднования памятных дат императорской фамилии до отзывов о развлекательных и благотворительных мероприятиях.

Первая подобная публикация встречается в 1840 году, в номере от 6 июля, в котором третьим пунктом под заголовком «Новгород, 2 Июля» стоит замечание о погоде, которая мешает городским гуляниям. Сообщение проникнуто пафосом и отражает интересы местной власти: «Родные звуки Русских песен, которые пели несколько хоров песенников, разных военных ведомств, находящихся в Новгороде, собирали множество слушателей» [7. 1840. № 27].

Встречаются отдельные пункты, которые обычно названы «Увеселения» и содержат хронику массовых культурных мероприятий Новгорода за определенный временной период.

Так, например, в такой хронике в Прибавлениях к № 1 1840 года впервые в истории издания публикуется текст, более всего похожий на театральную рецензию, посвященную представлениям труппы антрепренера *Лотоцкаго*. В данном случае важен сам факт появления такой жанровой формы, попытка анализа события, а не простой его фиксации. Можно сказать, в становлении новгородской периодической печати 50-х годов XIX века благодаря отдельным личностям возникнет явление, соотносимое с театральной журналистикой.

В том же номере встречается еще несколько сообщений о праздничных увеселениях, «многолюдных вечерах и игрищах», о частной уездной школе рукоделия девицы Васильевой. Однако далее, вплоть до середины 1852 года, теме культурной жизни губернии посвящены лишь сообщения о торжественных актах, открытиях Губернских собраний дворянства, молебнах и гуляниях по случаю официальных дат, что позволяет сделать предположение о застое в культурной жизни Новгорода.

Исключением можно назвать лишь опубликованное в июле 1841 года частное извещение, помещенное в фигурной рамке по всей ширине страницы: «К удовольствию новгородской публики» о благотворительном концерте в Новгороде, который давали «проезжающие из С. Петербурга через г. Новгород в Москву 40 человек, Французские Горские певцы, воспитанники Баньерского музыкального общества в Пиренейских горах, благотворительного общества в пользу бедных пастухов долины» [7. 1841. № 28]. Далее о подобных событиях не сообщалось, даже если они и происходили.

Вероятно поэтому рассказ некоего А. Д. о благотворительном концерте, опубликованный уже в 1851 году, свидетельствует о своеобразном прорыве в этом направлении. Помещенный на первых страницах неофициальной части второго отдела, с заголовком во всю ширину страницы «Благотворительный концерт в Новгороде», текст стал началом периода театральной и культурной журналистики «Новгородских губернских ведомостей». По сути своей представляющий официальный отчет о событии, текст носил черты рецензии с побудительным публицистическим пафосом, включающий эмоциональную авторскую оценку с большим количеством выразительных средств. «Желательно, чтобы Гг. Любители и прекрасные Любительницы почаще и в большем числе являлись перед публикой в подобных Концертах, чтобы в Новгороде почаще повторялись подобные праздники, дающие нам возможность благотворить с двойным наслаждением» [7. 1851. № 12], – высказывает свою позицию А. Д.

Спустя несколько месяцев на страницах издания появилась и оценка коммерческого профессионального искусства. Кроме этого, в ведомостях поднимались вопросы духовных потребностей общества и их удовлетворения собственными творческими силами и с помощью единственного местного периодического издания. Все вместе давало возможность говорить о формировании в губернском печатном органе положительного общественно-культурного образа региона и о грядущих изменениях в этой области. Изменения наступили в 1853–1854 годах, когда на страницах «Новгородских губернских ведомостей» наблюдалось зарождение театральной журналистики. Крупный цикл публикаций на эту тему дает обширный исследовательский материал специалистам.

Со второй половины 1854 года сообщений об общественно-культурной жизни губернии крайне мало. Лишь однажды, в 1855 году встречается развернутая статья «Зверинец Бернабо в Новгороде», подписанная «Алек.», в которой автор, используя в качестве информационного повода развлекательное

мероприятие, пытается связать его с проблемами общественной жизни. С 1855 года неофициальная часть снова превращается в дайджест с пронумерованными римскими цифрами статьями. Публикации об увеселениях и важных общественных событиях отсутствуют, с 1856 года исчезают и метеорологические наблюдения. Появляются лишь редкие заметки о праздничных церковных службах в «местной хронике». Исследователи связывают такую ситуацию с указом от 22 февраля 1855 года, запрещающим помещать в губернских ведомостях сообщения, содержащие вымысел, или описание не свойственной теме обстановки.

Следуя этому указу, ведомости не должны были содержать резкие заявления и суждения по рассматриваемым вопросам, перепечатывать из частных изданий известия и слухи о возможных распоряжениях правительства, помещать политические и юмористические статьи и вообще материалы легкого характера [12, с. 40]. Надо заметить, подобные сведения на страницах «Новгородские губернские ведомости» и не появлялись, но после указа и вовсе пропали любые «развлекательные» материалы. Вся информация о военных событиях в сокращенном виде заимствовалась из правительенной периодики и помещалась в официальной части второго отдела, с одной стороны, делая его актуальнее, с другой – демонстрируя сочувствие местной власти происходящему в стране.

С апреля 1857 года в конце неофициальной части стал указываться редактор, что ранее не было принято. С № 14 (6 апреля) по № 41 (12 октября) 1857 года издание публиковало только программы периодических изданий (библиографические известия) и изредка частные рекламные объявления. Очевидно, новый редактор И. М. Вишневский, имя которого теперь известно читателям, испытывает явные затруднения с заполнением страниц ведомостей. Вероятно, из-за этих трудностей в издании появилась растянувшаяся на 12 номеров (до конца 1857 года) публикация «Обманы чувств, или Что такое привидение?» (Извлечение из рукописной «Истории чародейства и тайных наук»), перепечатанная из журнала «Сын Отечества».

И. М. Вишневский поднимал в газете социально-значимые темы общественного реформирования, например, уездного образования и отсутствия женской гимназии, которые в других регионах массово открываются в это время, ремесленного профессионального образования и наличия специальных дипломов и аттестатов у подмастерьев, устройства путей сообщения и др. Редактор использовал в публикациях разнообразные литературные приемы: аллюзии, метафоры, эпитеты, что позволяло привлечь к острым и

действительно важным проблемам губернии дополнительное внимание, придавая им еще большую значимость и остроту, одновременно избавляясь от казенного слога и официоза. С таким подходом закономерно было бы ожидать публикации на страницах издания обстоятельных статей о реформе 1861 года, однако в официальной части появился лишь манифест Александра II, а также народная реакция на само событие оглашения манифеста, тему отмены крепостного права губернские ведомости не поднимали.

Со сменой редактора продолжились публикации, которые в той или иной форме представляли Новгород как передовой, прогрессивный, активный город, успешно отражающий нападки и упреки недоброжелателей. Однако в 1860–1861 годах на страницах «Санкт-Петербургских Ведомостей» были опубликованы две статьи, в которых автор, некто Новгородец, открыто и с возмущением писал о проблемах города и критиковал положительный имидж, активно продвигаемый губернской властью, в том числе, на страницах официального новгородского губернского издания, подвергая его сатирическому осмеянию. На эту публикацию последовал ответ И. Вишневского, редактора «Новгородских губернских ведомостей», в свойственной ему манере эмоциональной и изобилующей тропами речи. Можно заключить, что данный эпизод, несмотря на потенциал публичной полемики, следует считать сведением личных счетов двух редакторов, мало что добавляющим к освещению общественной жизни губернии и не расширяющим границ деятельности местного органа печати. Основываясь на особенностях стилистики текстов, можно сделать предположение, что под псевдонимом «Новгородец» скрывался предыдущий редактор И. В. Лесневский, однако подтвердить это предположение не представляется никакой возможности ввиду отсутствия каких-либо документов.

Отдельно стоит сказать о факте освещения в «Новгородских губернских ведомостях» важного для Новгорода и страны в целом события – празднования тысячелетнего юбилея России. Учитывая активную работу редактора И. Вишневского, который старательно выстраивал на страницах издания позитивный образ города, стараясь привлечь к нему внимание столичных гостей, приезжающих на отдых, тема подготовки к празднованию и самого праздника не могла пройти мимо внимания редактора. Однако в редакционной политике произошел необъяснимый сбой и в течение 1861–1862 годов опубликовано лишь три местных текста о подготовке к празднованию, один из которых – краткий официальный отчет о закладке памятника О. Микешина, изобилующий штампами и клише, а освещение самого празднования и вовсе не

было выполнено изданием. Лишь 29 сентября 1862 года в № 39 опубликован официальный дневник за 8–10 сентября, перепечатанный из «Северной Почты». Таким образом, новгородские читатели не имели возможности узнать о столь значительном для них событии из местного издания.

Если говорить об уездной корреспонденции, то с ней дела обстояли не очень успешно. Доходила она до редакции губернских ведомостей с опозданием, да и заинтересовать редакцию могли только происшествия, например, пожары, особенно в дореформенный период. Кроме того, высока вероятность того, что подобными сообщениями редактор заполнял «Местные известия» в отсутствие городских событий. Однако сами попытки уездных корреспондентов сообщить о чем-нибудь, кроме хозяйственных и археологических сведений, демонстрирует активную работу редакции и влиятельность губернских ведомостей, которой удалось добиться лишь спустя 15 лет издания неофициальной части.

Со второй половины 1863 года со сменой редактора и под влиянием реформ издание значительно пересмотрело свои позиции, что привело в конечном итоге к появлению качественно иного издания под тем же названием.

Изменения в редакционной политике неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» (1863–1917)

В мае 1863 года редакцию возглавил секретарь Статистического комитета с 1862 по 1878 гг. Николай Гаврилович Богословский. Приход нового редактора стал началом нового этапа издания, различавшегося от предыдущего. С № 18 от 4 мая 1863 года губернские ведомости – не правительственный бюллетень с приложением, а единое издание. На это обстоятельство, как общее для всех «Губернских ведомостей», указывает Ю. Л. Мандрика: «...в целях экономии материальных ресурсов конфиденциальным письмом из МВД было рекомендовано издавать отделы ГВ вместе. При этом между первым отделом, официальной и неофициальной частями не должно быть незапечатанных мест» [4, с. 174]. Здесь возникает некоторая путаница с датами, поскольку впервые подобное изменение формата издания произошло в 1863 году, а Ю. Л. Мандрика говорит о 1865 году, когда после возвращения к прежнему виду со сменой редактора «Новгородские губернские ведомости» вновь становятся единым изданием. Вполне вероятно, что подобные распоряжения министерства поступали неоднократно в разные годы.

Новому редактору, без устоявшихся корреспондентских связей, было трудно удержать издание на прежнем уровне. Вновь возвращаются перепечатки из других изданий в большом количестве, почти исчезнувшие при И. Вишневском. Связать это также можно с активной краеведческой деятельностью редактора. По заданию статистического комитета он собирал экспонаты для Новгородского музея (который фактически открылся на рубеже 1867–1868 годов). Часть его археологических изысканий была опубликована на страницах издания и после ухода Н. Богословского с должности редактора [13].

Понимая, что надо сохранить прежние позиции вверенного ему дела, Н. Богословский обращается к читателям в традиционном «Объявлении об издании Новгородских Губернских Ведомостей» следующим образом: «Печатное слово есть неоспоримо самое лучшее и верное средство соединить общество, развить мену мыслей и сообщить полезные сведения. Для этого может служить посредником Неофициальная часть Губернских Ведомостей <...>» [7. 1863. № 49]. Следует отметить, что официальный орган печати на службе консолидации общества и его просвещения успешно выполнял свои функции, а вот «развить мену мыслей» он не мог исключительно по правовым причинам, несмотря на проявления сознательности отдельных авторов губернских ведомостей.

После Н. Богословского редакторами становятся А. Баршев (январь – май 1864), А. Воинов (июнь 1864 – ноябрь 1865). Последний остался редактором официальной части, а за неофициальную часть ответственным стал Ф. Павлинский. С его приходом на должность «Местные заметки» в качестве графической рубрики перестали существовать, но принцип некоторое время сохранялся. До 1867 года в газете исправно публиковались официальные отчеты о деятельности земств и благотворительных сборах, но появлялось также много текстов о культуре, поскольку эта тема была интересна редактору. Он также охотно следил за театральными новостями и публиковал исторические и бытовые очерки. За неимением широкой корреспондентской сети, Ф. Павлинский обращался к читателям с призывом содействовать изданию в сообщении разных сведений, а также часто помещал перепечатки из других изданий, однако во всех них так или иначе упоминался Новгород или уезды. Иногда перепечатки, которые привлекли внимание редактора и были размещены в газете, сопровождались сносками о том, откуда взят материал и что он, по мнению редактора, непременно будет интересен читателю.

Безусловно, Ф. Павлинский был хорошо знаком с традициями издания «Новгородских губернских ведомостей», и в своей деятельности также видел

возможность оставить свое имя для истории, о чем он прямо заявлял в случаях, когда в газете публиковались какие-либо исторические документы.

Не исключением в смысле потока перепечаток стала деятельность следующего редактора – М. А. Селигерского. Он, как и предшественники, также обращался к читателям с призывом присыпать свои сообщения, однако его программа отличалась особенной подробностью и включала неожиданные пункты, касающиеся, например, взаимоотношений молодых людей, существования «противных православию сект», староверов и др. По его мнению, новая тематика могла бы помочь «Новгородским губернским ведомостям» честно трудиться на пользу родного края, ведь газета – это лицо губернии, отражение ее активности, включенности в современность.

С № 1 за 1895 год начался новый, самый краткий по времени, период существования издания: 1895 – июнь 1896 года. Редакцию возглавил Дмитрий Городецкий, при котором неофициальная часть губернских ведомостей приобрела черты полноценной газеты. Факты биографии Городецкого остаются невыясненными, но из его публикаций можно заключить, что он был приезжим, как и многие другие яркие имена в газете. Новому редактору практически сразу удалось не только развить традиции издания, но и значительно модернизировать их в соответствии со столичными образцами. Вместо одного раза в неделю ведомости стали выходить два раза (по воскресеньям и четвергам), обсуждению вопросов местной жизни предполагалось отвести значительное место и делать это в соответствии с задачами официального органа. Редактор, обращаясь к публике, писал: «Обсуждение этих вопросов отнюдь не должно быть обязательно сухим, но оно должно быть серьезным, спокойным и лишенным какого бы то ни было полемического характера, не соответствующего достоинству официального органа» [7. 1895. № 1].

Новый редактор буквально сразу изменил внешний вид, подачу газеты, жанровое, стилистическое и тематическое наполнение. За полтора года в газете появились фельетоны, новости, отчеты, рецензии, очерки и другие материалы. Также Д. Городецкому удалось уменьшить подписную цену для народных учителей, сельских священников и крестьян, установить возможность подписываться в складчину и расплачиваться в рассрочку. В газете появилась четкая рубрикация, большинство рубрик стали постоянными: «Новгород», «Местная хроника», «Общие известия», «Разные известия», «Заграничная хроника», «Справочные сведения» (расписания поездов, таблица выигрышных займов), «Библиография». Была сформирована уездная корреспондентская сеть: сведения доставлялись регулярно одними и теми же лицами. Читательская аудитория активно сотрудничала с редакцией.

В течение второй половины 1896 года, после смены редактора, все преобразования Городецкого были ликвидированы, и «Новгородские губернские ведомости» вернулись к прежней форме существования – официального органа с приложением в виде случайной информации прикладного характера. Так продолжалось до 1917 года, когда в издании снова начали печатать местные материалы в поддержку политики Временного правительства. Неофициальная часть газеты этого периода становится по сути публицистическим комментарием официальной вплоть до закрытия издания в феврале 1918 года.

Представления об общественно-культурной жизни в неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей»

Во второй половине XIX века император Александр II активно продвигал разного рода реформы, которые сопровождались освещением в губернских СМИ. Особенно подробно освещались земская реформа, предусматривавшая введение системы местного самоуправления в сельской местности, и судебная, вводившая в России суд «скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных». Благодаря императорским указам «Новгородские губернские ведомости» имели возможность печатать подробные отчеты о деятельности губернских земств, в дополнение к отчетам других обществ, стенограммы судебных заседаний, подробные отчеты с публичных заседаний. Подробнейшие стенограммы из зала суда, часто с продолжением в нескольких номерах, составляли своеобразный срез времени. Для такой работы не требовались литературные или журналистские способности, авторами часто становились простые горожане, оставлявшие под публикацией свои подписи (например, А. Алексеев, выдвинувшийся впоследствии как публицист).

Во второй половине 60-х годов редактор по сути изменил профессиональный подход к наполнению издания, теперь это были скорее новости, поданные в сжатом информативном виде – деловой стиль сообщений и публицистические заметки с минимальной литературной составляющей. Временные правила о цензуре и печати от 6 апреля 1865 года, отменявшие предварительную цензуру, практически не повлияли на тематическое и жанровое наполнение, издание и в предыдущие годы ни разу сознательно не пыталось преодолеть границы закона и существовало в тесном контакте с властью.

Что касается обратной связи, редакция регулярно обращалась к читателям с предложением «помещать в неофициальной части статьи, в коих содержатся

материалы для истории, топографии и статистики губернии и всякие другие полезные сведения», причем просила «присыпать такие сочинения в Редакцию ведомостей с подробным означением адреса, чина или звания, имени и фамилии сочинителя». Несмотря на это, присланные тексты часто не подписывались, а потому отличить корреспонденцию от редакторского выступления не всегда было возможно. Читатели писали на самые разные темы, часто на страницах «Новгородских губернских ведомостей» печатались живо и интересно написанные материалы, посвященные вопросам, волнующим жителей губернии. Иногда публикации содержали как открытую рекламу коммерческих заведений, приглашая читателей издания купить некую продукцию, так и скрытую, которую редакции, вероятно, не всегда удавалось отследить. Прочно обосновались на страницах издания и материалы, которые как бы ненавязчиво, но откровенно позитивно позиционировали деятельность губернатора, что заставляет предположить заказной характер подобных текстов. Такие материалы, написанные спокойным, деловым стилем, без многословных восхвалений, принятых раньше, выполняли свою важную административную функцию – создавали положительный имидж власти, осознавшей необходимость формирования общественного мнения по поводу значительных и повседневных городских преобразований. Все чаще на страницах издания публиковались имена новгородцев, сделавших значительный материальный вклад в обновление и преобразование губернии.

С 1868 года подобные имиджеформирующие публикации, составляющие передовые материалы неофициальной части губернского издания, написанные от лица читателей, но не имеющие подписей, отмечены особыми интонациями, настроениями и жанровым своеобразием, откровенно напоминающими манеру и руку редактора Михаила Селигерского. Такой прием вполне укладывался в общие традиции печатной периодики того времени, в том числе и губернских ведомостей.

Основным редакторским жанром в это время становится заметка. Большинство его публикаций повествует о проведении различных празднеств и благотворительных вечеров, о мероприятиях по благоустройству города. Не каждая публикация отмечена конкретной датой (как, например, текст об устройстве фонтана [7. 1875. № 26]), некоторые отличают подробные описания с приведением фамилий участников (народное гулянье 26 августа 1979 года со сбором в пользу попечительного о бедных общества [7. 1879. № 38]). Отзывы на значимые события губернии публиковались, как и прежде, с большим опозданием. Очевидно, редактору было нечего сказать, кроме постоянного

использования утверждения о Новгороде как о месте возникновения отечественной государственности и активном упоминании имени губернатора в связи с его неустанной заботой об общественном благе. Деятельность Селигерского как хроникера губернской жизни практически уничтожила все достижения предшественников.

Позиционирование губернатора как благодетеля и защитника губернских жителей настойчиво продвигалось в издании, даже несмотря на то, что в 1868 году, когда в стране начался голод, губернатор отказал уездным земствам в прошении выдавать зерно на посев особо нуждающимся, ведь «министр внутренних дел П. А. Валуев, преследуя собственные интересы, в официальных заявлениях и в докладах императору настойчиво опровергал “слухи” о голоде в стране. Заявление министра для новгородского губернатора Лерхе было весомее реального голода в его собственной губернии» [14].

Этот положительный образ губернатора меняется в конце 1880 года – теперь современники отзываются о нем куда менее лестно, причем упоминается его управление не только Новгородской, но и Калужской губернией [15–17]. Постепенно позитивные, откровенно заискивающие интонации в текстах о губернаторе и способах его правления сменяются критическими. Особенно в этой связи следует отметить публикации Ивана Лихачева из Старой Руссы, который писал о благотворительном движении в своем городе. Статус курорта и присутствие гостей разных сословий заставляло Лихачева поднимать болевые вопросы. «Надо пожалеть лишь о том, что материальные средства [старорусского вольного пожарного] общества весьма ограничены, – сообщает он. – <...> Земство не дает ничего, и даже общество взаимного страхования в последний год отказалось в пособии <...>» [7. 1892. № 39].

Этот автор четко излагал цифры и факты, однако не стремился к глубокому анализу, а лишь обозначал проблемы. Даже поговорки в его текстах отличались максимальной точностью и ненавязчивостью, стиль максимально приближен к деловому, но, в отличие от отчетов «Губернских ведомостей», канцеляризмов в них нет. В текстах ясно обозначена осознанная гражданская позиция автора, служащая примером читателям.

Таким образом, губернская жизнь, описываемая ведомостями, разделяется на две части – фиксация достижений губернатора и описание трудной жизни простого народа в уездах. Официальный орган стал как бы зеркалом, в котором отражалась не просто разобщенность центра и периферии, но и очевидное противопоставление заботящегося о народе губернатора уездным земствам, не справляющимся со своими задачами. Однако подробные

отчеты о заседаниях земств регулярно публикуются в издании и дальше. С № 47 от 25 ноября 1878 года для них выделяется даже специальная рубрика «Земская хроника».

Стоит отметить, что за редким оживлением, когда губернские ведомости публиковали все же некоторые корреспонденции, написанные живым языком и затрагивающие актуальные или интересные темы, 80-е – первая половина 90-х годов отличается застойностью. За период с 1882 по 1896 гг. сменилось два губернатора – А. Н. Мосолов (1882–1894) и Б. В. Штюрмер (1894–1896), соответственно, поочередно были назначены четыре редактора «Новгородских губернских ведомостей», два из которых были духовными лицами. Наиболее важный и насыщенный период издания связан с деятельностью редактора Дмитрия Городецкого, который вступил в должность в 1895 году. Несмотря на короткий период редакторства (до июня 1896 года), при нем произошла своеобразная концентрация накопленного изданием опыта и выход его на иной, более высокий уровень.

В единственном итоговом фельетоне «На елку», который больше всего походил на редакторское обращение, принятое в журналах, Городецкий приглашал всех на «редакционную елку» – серию святочных рассказов, написанных новгородскими авторами. Редактор отмечал успехи обновленных «Губернских ведомостей»: «Редакционная наша семья с каждым месяцем увеличивается. Если нам невозможно и думать о том, чтобы собраться когда-нибудь всем вместе, то пусть по крайней мере раз-два в году сойдутся рядом наши имена, наши произведения. Это напомнит нам хоть мысленно, что все мы – члены одной духовной семьи, сообща трудящейся для хорошего, полезного дела». Не только корреспонденты, но и читатели «также все прибывают постепенно в нашу семью, увеличивая ее численность и упрочивая ее устойчивость. Большинство из них мы имеем полное основание считать нашими друзьями» [7. 1895. № 99].

Однако примиряющий тон взял Городецкий только накануне Рождества. В большинстве его публикаций наблюдалась плохо скрываемое высокомерие и резкость по отношению к жителям губернии. Именно новый редактор взял за правило не только отвечать на письма, приходившие в редакцию, но и вступать с авторами в спор, наполненный полемическим задором, имитирующим бурную общественную мысль: «Неужели практические, насущные вопросы, которым уделяет преимущественное внимание редакция – не жизнь? Правда, «не одним хлебом жив человек» – есть еще сфера духовных интересов. Интересы эти очень важны, без сомнения. Но где же им взяться в газете, если

их нет в действительности? Ведь, газета есть отражение жизни, зеркало ее. Новгородские философы, моралисты, доброжелатели и порицатели! Я обращаюсь к вам с убедительной просьбой: укажите, ради Бога, где они, духовные интересы местной жизни и в чем они выражаются? Укажите, – и мы займемся ими» [7. 1895. № 14].

Еще одним нововведением стала републикация архивных материалов издания с комментариями редактора, которые были более чем примечательны, активно критиковали и представляли в невыгодном свете его предшественников и образ жизни горожан. Редактор завоевывал популярность, противопоставляя прежний Новгород, в котором царили весьма свободные нравы, культурному и высоконравственному «сегодняшнему». Однако, как видно из активной полемики с читателями, и современный ему город не вполне отвечал высоким требованиям.

Беря на себя роль миссионера и просветителя, Д. Городецкий дважды в неделю представлял читателям набор агитационных лозунгов, резких, категоричных и более язвительных, чем ироничных. В своих «советах» редактор заменяет местоимение «мы» на «я», в корне меняя мягкую дневниковую манеру прежнего редактора: «Я советую столичным танцмейстерам-неудачникам обратить серьезное внимание на Демянск: там можно дела делать. Серьезно» [7. 1895. № 20]. Приведенная цитата связана с анализом отчетной справки о книжных магазинах, библиотеках и типографиях, «как об учреждениях, характеризующих сравнительную степень просвещенности городов Новгородской губернии», в которой Демянск оказался последним: типографий в нем нет, а книгохранилище – одно, «да и то, вероятно, больше знакомо мышам, чем читателям». Резкими нападками редактор расправлялся с демянскими любителями танцев, приводя, в качестве аргументов, отчет с подробными цифрами, подчеркивающий уничижительный пафос и неоспоримость фактов.

Несмотря на столь специфический способ обратной связи, редактору удалось убедить читателей в том, что официальное издание способно помочь в решении реальных проблем простых обывателей. Теперь письма уездных корреспондентов не просто описывают проблемную ситуацию, а открыто обращаются в адрес начальства с призывом к устранению недостатков. Таким образом неофициальная часть издания использует свои возможности для преодоления негативных тенденций и непорядков губернской жизни.

Благодаря редактору появились в газете и элементы политической аналитики. Д. Городецкий комментировал события губернской жизни с

акцентом на позитивных действиях и решениях правительства. Он также внимательно изучал отчеты различных земств и губернских управ и давал оценку происходящему, строил прогнозы.

Вероятно, именно такое высокомерное отношение к аудитории и, в особенности, к новгородскому привилегированному обществу, стало причиной отставки редактора.

Несколько попыток объединить новгородское общество и показать, что Новгород не остается в стороне от общих бед страны, предпринял редактор С. И. Градов (1912–1917), в связи с ходом Первой мировой войны призывавший читателей помогать армии вещами. Для новгородцев особенно действенными оказались, на первый взгляд, стандартные слова, в которых звучало древнее и гордое название города («Великий Новгород»), возникавшее в публикациях в особо торжественных случаях; архаическая форма «поле брани», намекавшая на древнюю военную историю Новгорода; упоминание исторически сложившегося многонационального и многоконфессионального населения губернии, которое часто описывалось в этнографических очерках.

Революция на страницах издания была представлена традиционно для официального органа – редактор публиковал общественно-политический обзор по Новгороду с комментариями по некоторым событиям, акцентируя внимание на необходимости избрания в городские власти такого человека, который пользовался бы «<...> общественным доверием и по своим умственным и нравственным качествам в это тяжелое время вполне удовлетворяющий такому высокому, почетному и ответственному посту <...> [7. 1917. № 18]». Таким способом издание подчеркивало важность и серьезность происходящих в стране изменений, а также обращало внимание на высокую ответственность затеявших такие грандиозные преобразования людей. Отдельное внимание обращалось и на позицию духовенства по вопросам революционных преобразований.

Объяснялась такая пафосная подача информации просто – у власти находилось дворянство, которое пыталось сохранить свои позиции и использовало официальный орган, чтобы сформировать представление о себе как о единственном возможном выборе на главенствующую роль в создавшейся ситуации.

Практически до последнего номера «Новгородские губернские ведомости» поддерживали исторический и культурный статус Новгорода, публикуя пафосные эпические воззвания о роли новгородского дворянства, пытавшегося предостеречь государя от опасного влияния его советников.

Не последнее место на страницах издания занимали публикации об исторической роли Новгорода в становлении отечественной государственности. Такие тексты встречались еще и после февральской революции, когда уже новый редактор Д. Забелин опубликовал несколько краеведческих очерков о Старой Руссе и Тихвине, но основное место неофициальной части занимали военные сводки и материалы о революционных преобразованиях в стране.

Официальный орган выражал позицию новой власти: «Пал старый режим. Россия всколыхнулась, везде пошло обновление России: смена старых властей, выборы новых на основе самоуправления. Как не порадоваться тому, что русскому народу дали право и свободу самому устраивать свою жизнь! Но что же мы видим? Сначала как будто народ воспрянул, оживился духом, радовался, принимал, по силе возможности живейшее участие в выборах в разные комитеты, но потом, т. е. теперь, как будто замер, стал равнодушно относиться ко всяким выборам, комитетам и т. п. Чем же объяснить такое равнодушие? Отчасти тем, что <...> когда-то, лет 50–60 тому назад, управление административного центра волости так было неправильно устроено, что это все видели при старом строе, а в настоящее время, когда вся Россия перестраивается по новому, это неправильное устройство волостей и служит главным злом для всех жителей», – написал некто из Устволенской волости Крестецкого уезда [7. 1917. № 44].

Именно в таком формате подавалась повестка дня, не подразумевавшая фиксации местных событий, осмысления или анализа ситуации в губернии. Только сухие отчеты о выборах новой власти всех уровней.

В попытке приблизиться к местной проблематике редактор все же позволял себе критику действий духовенства, хотя и по весьма незначительному поводу, которому было придано общественное значение. Таким образом «Новгородские губернские ведомости» продолжали проявление заботы о положительном образе губернии. «Начато и не окончено и вышло ни то ни се. Так можно сказать про архиепископскую затею разбить перед Софийским собором газон с куртинами цветов, – пишет Забелин. – Конечно, к таким делам можно бы отнестись в высокой степени безразлично, но в данном-то случае здесь дело общественное. Подобным пустырем пакостится вид исторического собора и исторической площади» [7. 1917. № 50].

Вторая половина 1917 года для «Новгородских губернских ведомостей» проходит под знаком почти тотальной перепечатки из столичных газет текстов о войне и партийной борьбе, а во время октябрьской революции неофициальная часть издания и вовсе не выходит. С конца октября она оформляется в конце номера как одна из рубрик и содержит лишь хронику общероссийских событий.

Последний номер, вышедший 31 января 1918 года, состоял из единственного объявления: «Согласно постановлениям Исполнительного Комитета Новгородского Губернского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов от 24 января с. г. издание «Новгородских Губернских Ведомостей» с 14 февраля (1 февраля ст. стиля) 1918 г. прекращается; взамен их будут выходить «Известия Новгородского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов», которые являются единственным официальным органом высшей губернской власти. Подписчикам упраздненных «Ведомостей» будут высыпаться «Известия Раб. Солд., и Кр. Депутатов».

Несмотря на то, что «Новгородские губернские ведомости» в это время уже практически утратили свое идеологическое положение в системе периодической печати губернии, новая власть сочла нужным учредить собственный официальный печатный орган, который хотя бы формально в сознании подписчиков противопоставлялся официальному органу прежней власти.

Развитие уездной корреспонденции о крестьянстве: проблемы земства и народного образования

Реформы активизировали общественную жизнь в уездах Новгородской губернии. Приведем заголовки некоторых статей, составивших тематическое разнообразие «Новгородских губернских ведомостей» во второй половине 1860-х – начале 1870-х годов: «Несколько слов о монастырской жизни», «Об улучшении мостовых в Новгороде» (Александр Алексеев), «Заметки из деревни о народном пьянстве и мерах против него», «Медицинские заметки необходимые для нашего простонародья относительно воспитания детей» (В. С-в), «Бобылки Устюжнского уезда», «Из быта крестьян Устюцкой волости Устюжнского уезда» (Ив. Альбов), «Из воспоминаний бывшего тихвинца (Святочные нравы горожан)», «Святочный вечер в Оглобине, Тихвинского уезда (Очерк деревенских нравов)» (А. –ский). Можно заметить, что в крупных уездах появились корреспонденты, которые в силу своих интересов сообщали в редакцию различные сведения – кто-то поднимал вопросы народного образования и гигиены, кто-то старался зафиксировать местные обычай.

Представители местной элиты (образованные горожане) сообщали не об успехах и достижениях, а об остро стоящих проблемах. Причем в этих текстах бросается в глаза некая игра, связанная с тем, что одни и те же корреспонденты под разными именами публиковали материалы на волнующую их тему, с одной стороны, как бы фиксируя проблему и осуждая неблаговидные проявления, с

другой – отвечая на критические выпады и пытаясь объяснить ситуацию. Возможно, это связано с опасениями, что критика действий соотечественников может быть воспринята читателями неадекватно.

До возникновения «Новгородских епархиальных ведомостей» в 1875 году, на страницах «Новгородских губернских ведомостей» часто появлялись и корреспонденции, посвященные религиозной тематике, интересовавшей не только правительство, но и местную интеллигенцию. Такой интерес полностью укладывался в редакторскую программу М. А. Селигерского, поддерживающего и часто сопровождавшего подобные тексты собственными комментариями.

Постепенно губернские ведомости насыщались широким проблемным содержанием. Появилась особая уездная журналистика, которая обращалась к проблемам своей местности, часто далеко расположенной от губернского центра. Она пристально изучала болевые точки и обращалась в редакцию с гневным обличением выявленных недостатков. Такие корреспонденты видели своим долгом защиту общественно-полезных дел и изменение местной ситуации к лучшему.

Основу уездной журналистики этого периода в большей степени составлялиrudиментарные представления о публицистике как о личностной гражданской позиции, однако, пример собственно новгородских корреспондентов настраивал авторов на деловую стилистику. Понимание свободы слова такими авторами выражалось зачастую в адресном обращении к власть имущим с призывом разобраться в ситуации.

1870-е годы были отмечены постепенным снижением критики общественно-экономической ситуации в уездах. Вероятно, это связано с тем, что из-за таких публикаций, активно обличающих недостатки губернии, регион приобретал имидж неблагополучного. Причем на поверхности оказывались не только проблемы, связанные с нравственным, духовным, бытовым, экономическим и т. п. положением крестьян, но и злоупотребления помещиков и промышленников, делавших большие вклады в благотворительность и составлявших финансовую опору губернии. В такой ситуации редактор был вынужден снизить количество материалов от активно критикующих недостатки губернии корреспондентов.

Однако весь последующий период своего редакторства Михаил Селигерский не отступал от намерений привести издание в соответствие с изначальными принципами и способствовать формированию благоприятного образа губернии.

Теперь на первый план выходили вопросы народного образования, причем обсуждаются они всесторонне, как глубокая и неотложная проблема, которая требует всестороннего освещения в местной периодике. Земские собрания не в силах в одиночку справиться с этими вопросами, потому на помочь им приходит местное периодическое издание.

Один из авторов из Старой Руссы рассматривал проблему в серии очерков-диалогов, в которых рассуждает об открытии народного училища (которое так и не было открыто). Корреспондент из села Медведь, в отличие от коллеги, высказывает о проблеме более конкретно, несмотря на то, что в его селе «после двухлетнего существования земской школы открылось двуклассное училище». После традиционных благодарностей в адрес местного купечества, он все же уточняет: «Крестьяне, за все берущиеся невдруг и смотрящие на все, устроивающееся для них, подозрительно, когда увидят пользу училища, то, в полной уверенности вознаградят вдруг свою холодность к школе и ухватятся за нее обеими руками. А время это, надо полагать близко! Дай Бог, чтобы оно настало скорее!» [7. 1873. № 9].

Однако распространение даже официальной газеты по губернским городам было ограниченным. На этот факт стали обращать внимание и некоторые уездные корреспонденты, сообщавшие, что волостные правления не заботятся о распространении издания, что делает его практически недоступным грамотному крестьянству, которого становится все больше. В одном из писем сообщается: «В одном, например, правлении писарь прочитывает и запирает газету в шкаф, памятуя, вероятно, что надо хранить казенное имущество, в другом – невежественный писарь прямо отдает ее на папироски. На это следовало бы обратить внимание и заметить волостным правлениям, чтобы они делали «Ведомости» доступными грамотному населению волости» [7. 1895. № 83].

Заботу о крестьянах и сожаление об их незавидной доле можно было увидеть во многих читательских письмах, авторами которых преимущественно являлась местная интеллигенция, по-своему понимающая печали сельского населения и пытающаяся в рамках гласности вести борьбу за их права, описывать беды и чаяния крестьян. Так, например, П. А. Дамаскин оставил пример образного, эмоционального описания одного из бедствий Новгородской губернии – нападение волчьих стай. Подбирая для сообщения наиболее поразительные факты, используя образные описания «волчьих концертов» из «даже нескольких десятков голов», автор представляет себя в качестве очевидца и ссылается на пострадавших жителей, указывает конкретное место

происшествия (Валдай). Давая такие подробные описания, автор обращает внимание властей на проблему, призывая оказать помощь населению, завершая текст в духе публикаций 70-х годов: «Так как наше сельское население еще не привыкло заботиться о себе и своих интересах, а напротив привыкло пользоваться готовым, т. е. тем, что предоставляет ему благотельное правительство, то и в этом случае одна надежда на него» [7. 1875. № 1]. Стоит отметить, что подобные образцы неприкрытой лести в адрес власти встречаются в печати того времени редко, что позволяет предположить заказной материал, хотя и подтвердить фактически такой вывод возможности нет. Однако можно отметить, что тот же автор в 1873 году в схожих интонациях смело высказывался об организации передвижных школ в Устюжском уезде, что представляется сознательным шагом губернского начальства. В публикации отражается мнение «народа», в котором проснулась общественная сознательность, создавая иллюзию обратной связи.

Иную позицию демонстрирует автор, подписавшийся инициалами А. Г. и описывающий картину сбора податей в Рядовской волости Боровичского уезда. Текст имеет признаки этнографического очерка, а стиль и глубокое погружение в особенности крестьянского быта говорят об образованности автора. Суть и пафос статьи явно показывает неблагополучие «простого народа», вызванное несовершенством принятых законов, хотя прямой критики правительства в ней нет. Несмотря на то, что «Новгородские губернские ведомости» откликнулись на крестьянскую реформу лишь официальным отчетом о прочтении манифеста, а последующие годы привели к осознанию того, что условия, в которые были поставлены крестьяне реформами Александра II, стали рассматриваться как зло, непонятно, как подобный текст мог попасть на страницы официального издания. Вероятно, он мог быть воспринят как один из безобидных фельетонов, поступающих в редакцию от читателей. К сожалению, публикации «Новгородских губернских ведомостей» этого периода не оставили свидетельств того, какой отклик получали такие народные корреспонденции у читателей, что без сомнения позволило бы расширить исследование.

Театральная журналистика как инструмент информационной поддержки местной власти

Федор Николаевич Павлинский, редактор «Новгородских губернских ведомостей» в 1865–1866 годах, как уже было отмечено ранее, интересовался новгородским театральным искусством. Поэтому ряд публикаций, составивших своеобразный цикл, были посвящены строительству нового театра в Новгороде.

В 1865 году редактор уже сожалел о том, что здание нашего театра «<...> не отличается ни поместительностью, ни красотою, ни удобством, ни даже прочностию» [7. 1865. № 46] и высказывал мысль о строительстве нового театра, который, по его мнению, был бы с благодарностью принят местной публикой. Вскоре становится понятно, что это была новая инициатива губернатора, поданная косвенным образом. В это время по всей России создаются театральные труппы и строятся новые театры. Губернатор Э. В. Лерхе не мог остаться в стороне от такого прогрессивного дела, и чтобы заинтересовать потенциальных жертвователей, редактор официального издания начал работу по формированию нового положительного отношения к театру. В это время редактор настойчиво и прямо внушает читателям мысль о том, что театр – это общеобразовательное и благотворительное предприятие, необходимое губернии.

Если ранее в издании не принято было продвигать какой-либо один вид увеселения, все они имели равнозначное значение и собственную публику, то теперь, подчиняясь поставленной губернатором задаче, редактор методично внушал читателю мысль о превосходстве театрального искусства над другими забавами. Беспокоится он и о материальном положении драматических артистов, упрекая публику за то, что она охотно платит, например, художникам, да еще иностранцам. Стоит отметить, что благотворительная деятельность в этот период, вероятно, снизилась до критического уровня, так как о любительских концертах и спектаклях ведомости давно не сообщали. Теперь же пример жертвования средств на общественное дело показал Почетный гражданин, валдайский купец В. В. Епишкин, который передал 2000 рублей на устройство театра в Новгороде. Последовавшие за этим публикации снова и снова напоминали о важности и необходимости строительства нового театра, неоднократно упоминали о сделанном пожертвовании, выражали надежду на подражателей и новых благотворителей, формируя, таким образом, цикл публикаций, связанный единой темой.

Когда, наконец, закладка нового театра состоялась, редактор опубликовал репортаж, в котором уже открыто сообщил об авторе этого проекта, «г. Начальнике губернии», «выразившего первую мысль о необходимости нового театра, и принявшего на себя все заботы по осуществлению этой мысли, невзирая на значительные препятствия, встреченные в начале дела» [7. 1866. № 31].

Таким образом, формируется новая тенденция использования официального печатного органа – в центре внимания теперь не успехи в

промышленности или сельском хозяйстве, не преобразования в социальной сфере, а личности, оказывающие особое влияние на эти изменения, и в первую очередь – губернатор. Взаимодействие печатного органа и властей становится все больше прозрачными. Открытое и прямое заискивание перед представителями власти теперь занимает значительное место на страницах издания, активно подчеркивается также и включенность в общероссийский общественный процесс, ставшая возможной, очевидно, лишь благодаря такому вниманию власти к проблемам и нуждам простого народа.

Стоит еще раз отметить настойчивость, с которой редактор возвращался к теме театра, вновь и вновь проводя идею добрых дел власти, вплоть до открытия нового здания, о котором сообщили читателям в декабре 1866 года: «Таким образом добре дело, заслуживающее полную общественную признательность, сделано и теперь любителям сценического искусства и всем понимающим развивающее и облагораживающее влияние этого удовольствия на общество – остается пожелать, чтобы образовалась у нас более или менее постоянная театральная труппа, частию уже прибывшая, которая повела бы добросовестно и талантливо важное, в общественном отношении, дело сцены, чтобы отвлекать большинство населения от грубых удовольствий, заменив последние приятным и наставительным препровождением времени» [7. 1866. № 50].

Однако открытие театра не привело к активному развитию театральной жизни губернии, несмотря на то, что новый редактор Михаил Селигерский выделил значительную печатную площадь издания под критические статьи. Основным автором, пишущим о новом театре, стал Мирослав Александрович Кучук, уроженец Минской губернии. Как участник студенческих протестов был заключен в Петропавловскую крепость, затем сослан в Астрахань, а в 1866 году был переведен в Новгород. Именно он публиковал объемные отчеты о своих театральных впечатлениях и об устройстве нового театра. Несмотря на то, что он хорошо отзывался о новом здании, и даже сообщал о том, что этот театр лучший из всех, которые ему довелось увидеть, посещение первого же представления оставило у автора негативное впечатление и от выбора репертуара, и от его исполнения. Оценка стилистики, используемой М. А. Кучуком, показывает корреспондентскую неопытность автора, активно вставляющего в текст рецензии поговорки, народные выражения и модные французские слова, однако выдает и образованность автора, а также его вкус и понимание театрального искусства.

«На безрыбьи, говорят, и рак рыба, а на безлюдьи так даже и Фома дворянин» [7. 1869. № 35], начинает свою хронику критик. Однако цель он

преследует общественную, пытаясь через оценки, похвалы и советы определить универсальные рамки общественного вкуса, связанного с досугом, проанализировать уровень духовной жизни города, вкус, потребности и возможность их удовлетворения у жителей губернии.

«В другой раз мы поговорим вообще о театре и о значении сцены в нашей жизни» [7. 1869. № 35], обещал автор в конце статьи, однако так и не выполнил обещания. Вместо этого в дальнейших публикациях он анализировал отсутствие потребности у новгородцев в культурном досуге, насыщенность которого профессиональным искусством в губернии не вызывала сомнения. Это выражение общественной жизни жителей губернии, которых интересуют только сельские клубы, возмущало его: «Ведь речь о духовной жизни; неужто и впрямь клуб и духовная жизнь для вас синонимы? Не верю, не верю – это быть не может!» [7. 1869. № 37] На страницах «Новгородских губернских ведомостей» самих читателей укоряли в бездуховности, сама публика обвинялась в застойности общественной жизни ввиду отсутствия потребности в искусстве. Редакция полностью разделяла позицию автора.

Еще одним автором, уделявшим внимание культурным событиям Новгорода, был Иван Можайский. Его тексты о музыкальных концертах отличались блестящим слогом и тонким пониманием предмета обсуждения, композиционной стройностью и точностью информации, что выделяло его на фоне других авторов «Новгородских губернских ведомостей». Гордость за Новгород, явно читающаяся в описании реакции публики на выступления знаменитых музыкантов, вполне укладывается в позицию автора, посвятившего много лет служению городу.

Значительную часть издания в это время составляли художественно-публицистические тексты, знакомящие читателей с занимательными фактами и событиями города, которые выгодно выделялись на фоне пафосных корреспонденций о животрепещущих вопросах «общественной жизни».

Обобщая анализ тематических и жанрово-стилистических изменений в издании этого периода, можно сказать, что годы губернаторства Э. В. Лерхе (1862–1880) сформировали новый этап «Новгородских губернских ведомостей». Преобразовательный энтузиазм местной власти полностью совпадал с требованиями времени – активным реформированием основных сфер жизни общества. Это привело к возникновению ряда проблем, активно отражавшихся в официальном издании, что, в свою очередь, позволило сформировать уездную корреспондентскую сеть. Народные корреспонденты охотно публиковали в «Новгородских губернских ведомостях» острые,

проблемные тексты, вскрывающие основные болевые точки губернии, что, с одной стороны, позволяло местной власти поддерживать репутацию защитников народа, радеющих об общественном благе, с другой стороны – создавало угрозу формирования образа проблемного региона. Поэтому с конца 1860-х годов издание стремилось к снижению журналистской активности, что вскоре и было выполнено в полной мере.

На протяжении 1870-х годов в неофициальной части лишь изредка возникают сообщения о городских преобразованиях, а официальные отчеты о деятельности земских властей никак не отражают позицию губернского руководства по проблемным вопросам. Образ губернии, складывающийся по текстам ведомостей, изменяется – теперь это не историческая территория с богатыми традициями, а прогрессивный регион, активно ведущий общественные преобразования. Об отдельных недостатках в жизни губернского общества теперь могут писать лишь некоренные новгородцы, которые сознательно подчеркивают этот факт. Они следовали общим «столичным» тенденциям периодической печати, нашедшим отражение и в периодике других регионов страны [18].

Формирование рубрикации неофициальной части (1840–1865)

Рубрикация издания формировалась и изменялась в течение всего периода его существования и чаще всего зависела от двух факторов: предпочтения редактора и преобразования в обществе, которые необходимо было отражать на страницах официального издания.

В Прибавлениях к № 2 Ведомостей за 1840 год появляется рубрика «Чрезвычайные происшествия по Новгородской губернии». С Прибавлений к № 6 того же года эти сообщения становятся регулярными, но не еженедельными. Сведения для публикаций доставлялись уездными урядниками через становых приставов в губернскоеправление. В законе об издании «Губернских ведомостей» значился пункт о публикации сведений «о чрезвычайных явлениях и происшествиях по губернии», потому такие полицейские сводки удовлетворяли общей правительственной программе издания. Такие чрезвычайные происшествия, постоянно происходившие в губернии – о пожарах с погибшими, жестоких убийствах среди крестьян и мещан – создавали действительно «чрезвычайную» повестку дня, сильно отличавшуюся от повседневности и заменявшую еженедельные и ежедневные

новости из культурной, политической, международной жизни, которыми были полны центральные издания. Интерес публики к сообщениям о криминальных происшествиях и катастрофах с переменной тщательностью поддерживался на протяжении всей истории «Новгородских губернских ведомостей». Панорама от частной случайной судьбы («В Крестецком уезде, Рядовой Гренадерского полка Эрц-Герцога Франца Карла полка, Аполлон Егоров, сходя с лестницы, оступился и расшиб себе голову, от чего вскоре умер» [7. 1840. № 2]) до целых выгоревших деревень находилась в поле зрения полицейских чиновников, а через губернские ведомости удовлетворяла общественную потребность в обновляющейся информации.

Программные обязательства по размещению «чрезвычайных происшествий» в губернских ведомостях могли быть использованы и в коммерческих интересах. С пометкой «сообщено» можно прочитать динамичное, эмоциональное описание пожара в Новгороде. Автор указывает и владельца дома – штабс-капитана Степанова, и причину пожара – «неосторожность людей, принадлежащих одному из квартировавших в том доме, возвратившихся поздно вечером». Но важнее всего становится приведенный в тексте как будто случайный совет: «Нельзя при сем случае не сказать, сколь благодетельное посредство предлагает Страховое Общество, и нельзя не пожалеть о тех домохозяевах, которые не заботятся застраховывать свои строения, чем самым, за малые проценты, предохранили бы себя от разорения и не имели бы причин в последствии раскаиваться за свою небрежность» [7. 1841. № 2]. Происшествие случилось за месяц до публикации, но авторы этого известия не стремились к оперативности, что, впрочем, вполне вписывалось в редакционную медлительность – многие события освещались на страницах ведомостей спустя недели.

Редактор, делая «Выписку из мемориала происшествий Новгородской Губернии 1841 года» и тем самым делая вклад в наполнение данной рубрики, пишет о постигших губернию погодных катаклизмах: «В нынешнем лете, особенно жарком, каков у нас был весь Июнь месяц, от больших, частых гроз и упавшего в разных местах Новгородской Губернии града, случаи пораженных громом в нашей Губернии были многочисленны, равно оказались преждевременными и некоторые поля с хлебом» [7. 1841. № 30]. Продолжавшиеся несколько лет подряд летние ненастяя действительно глубоко волновали не только помещиков и земледельцев, но и крестьян. Повышение цен на продовольствие, ставшее следствием неурожая, для многих обывателей было сравнимо с «чрезвычайным происшествием».

В начале 1850-х годов уже достаточно опытная редакция, накопившая значительный журналистский и редакторский потенциал, разрабатывала свой круг тем и жанров, действуя, однако, в рамках правительственной программы. Здесь важную роль играла личность редактора, от которого зачастую зависело и качество публикаций. Редактор формировал иерархию событий, сообщаемых читателям. Помимо дайджеста центральных изданий, содержащего статьи с полезными сельскохозяйственными, медицинскими, образовательными и другими просветительскими советами, а также отчетов, губернские ведомости осознанно и системно формировали пласт местной тематической журналистики и выражали авторскую, общественную позицию редактора. Период с 1853 по 1862 год стал по-настоящему плодотворным для издания – два разных редактора – И. В. Лесневский и И. М. Вишневский, действуя разными методами, сделали все для расцвета неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» как периодического издания.

В это время отвечал за содержание издания вице-губернатор, который подписывал в печать уже прошедшие цензуру экземпляры, однако наиболее ярко в издании отражалась деятельность именно губернатора. Публикации о разных мероприятиях, в которых принимал участие глава губернии, часто не просто помещались на первой полосе, но и выделялись графически для дополнительного привлечения внимания.

С 1852 года в конце прибавлений вместо хроники происшествий публиковались «Метеорологические наблюдения, производимые при Губернской Гимназии» за прошедшую неделю. Иногда они сопровождались развернутыми комментариями старшего учителя И. В. Лесневского и вызывали естественнонаучный интерес, обусловленный высоким уровнем исследовательско-просветительской деятельности главного учебного заведения губернии. Такая должность позволяла претендовать на пост редактора ведомостей, что, вероятнее всего, и произошло – как уже отмечалось выше, И. В. Лесневский занимал пост редактора «Новгородских губернских ведомостей» с 1852 по 1857 год.

Кроме хроники разного рода происшествий иногда появлялись небольшие сообщения о необычных или важных событиях из жизни новгородских мещан и крестьян – случаи «удивительного» рождения (дети с уродствами), проявления мужества при тушении пожаров и спасении близких и пр. Таким публикациям был присущ сочувственный, одобрительный или нейтральный посыл, что свидетельствовало о том, что журналистский интерес редакции «Новгородских губернских ведомостей» к таким событиям не

выходил за рамки этических норм, более того, часто авторы пытались извлечь из своих рассказов мораль.

Интересовали авторов текстов не только сами события, что вполне соответствовало духу времени, но и люди, особенности их характера, которые становились зачастую точкой привлечения внимания в публикации. Прием, когда автор не делает собственных выводов, а просто описывает историю событий, даже бытовых, акцентируя внимание на характере героев, довольно часто встречается в издании. Таков, например, материал «Долговечность» (вероятнее всего составлен редактором), который практически бесстрастно сообщает о смерти вдовы отставного солдата Авдотьи Ивановой Челнаковой на 102 году от рождения. Автор сообщает, что «Челнакова была один раз замужем, и имела пять детей; четыре из них умерли малютками, последний же сын и ныне жив, ему теперь сорок два года. Челнакова, по смерти мужа, находилась на попечении у своего сына до 1846 года, в этом году сын был призван на службу, почему, не имея где приютить свою мать, поместил ее в заведение Новгородского Приказа Общественного Призрения». Эта ситуация вполне обыкновенная для того времени, однако героиня сообщения «до самой смерти сохранила совершенно свежую память и зрение; даже занималась работами; бодрость оставила ее только на последнем году жизни». Таким образом читателям дается понять, что развитая система общественного призрения в Новгороде дополняется и благородным сознанием среди низших слоев общества. Казалось бы, что именно это обстоятельство и стало поводом к публикации такого своеобразного некролога мало известной женщины, однако в конце статьи автор рассказывает некую забавную историю из жизни героини. «В заведении, где находилась Авдотья Иванова, по утрам призреваемым дается булка, которую Челнакова не могла никогда съесть, по чему и продавала. 1-го Января сего года, в день смерти, Челнакова тоже получила булку, которую, по обыкновению, продала; но покупатель – старик, призреваемый в заведении, не додал ей копейки. Старуха, лежа на кровати под бременем 102 лет, тотчас заметила это и потребовала недоданных ей денег» [7. 1853. № 9].

Обычно в конце года завершала неофициальную часть справочная информация. В последних номерах 1853 года подробно постатейно была указана программа неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» на 1854 год, включающая следующие двенадцать пунктов:

– I Отдел. *Местная хроника*. О всех событиях в Новгороде примечательных по чему либо для города, или имеющих влияние на жизнь общественную; о погоде, театре, торжествах, гульбищах и проч.

– II Отдел. *Вести из уездов Новгородской губернии. События случившиеся в губернии и пр.*

– III Отдел. *Вести из столиц и соседних губерний.* Сюда войдут известия о тех событиях, кои имеют значение для целой России (как-то: подвиг Марина, открытие памятника Жуковскому, пещеры повыя в Киеве и пр.), о выходе в свет замечательных Русских книг и пр.

– IV Отдел. *Хозяйственные сведения.* О произрастении хлеба и трав в губернии; цены на хлеб и прочие припасы.

– V Отдел. *Статистические сведения.* О ярмарках в губернии; о торговой навигации вы губернии, о вывозе из Новгородской губернии хлеба и скота в С. Петербург, статистика казенных лесов и проч.

– VI Отдел. *Древности Новгородские.*

– VII Отдел. *Учено-Литературное.*

– VIII Отдел. *Библиографические известия.*

– IX Отдел. *Частные объявления.*

– X Отдел. *Местный календарь.*

– XI Отдел. *Метеорологические наблюдения.*

– XII Отдел. *О приехавших и выехавших из Новгорода.* [7. 1853. № 51]

Вероятнее всего, это было сознательным намерением закрепить достигнутое тематическое разнообразие, согласованное с новым губернатором Т. И. Москвиным, чтобы редакция, по-прежнему «не выходя из предписанных ей пределов», могла привести губернские ведомости в соответствие с внешним видом многих других периодических изданий, программы которых регулярно публиковались на страницах издания. Однако на деле таких кардинальных преобразований не произошло. Из нововведений зафиксирован только «Календарь» церковных праздников и почитаний святых, дней рождений высоких особ с указанием на постные и не присутственные дни, который, по-видимому, соответствовал 10-му отделу «Местный календарь».

С 1855 года в «Местной хронике» скрупультно отмечается проведение церковных служб по случаю праздников, ни о каких увеселениях или общественно значимых событиях не сообщает. С 1856 года пропадает и рубрика с метеорологическими наблюдениями.

Формирование рубрики «Местная хроника»: инструмент концентрации местной информации

Истинным нововведением, позволяющим начать отсчет нового периода в истории «Новгородских губернских ведомостей», следует считать появление «Местной хроники» в качестве рубрики передовицы.

Единичный случай «Местной хроники» можно найти в № 48 за 29 ноября 1852 года с пометкой «г. Устюжна». Под этим заголовком помещено сообщение Руфа Игнатьева о том, что найденное в марте текущего года в деревянном сарае старинное оружие принадлежало некогда древней Устюжской крепости. Эта публикация стала первой попыткой упорядочить содержательное пространство неофициальной части губернских ведомостей.

С № 5 от 31 января 1853 года рубрика «Местная хроника» стала регулярной. Вел рубрику сам редактор, который основное внимание уделял комплексу городских мероприятий, включавших церковные службы по случаю важных дат с присутствием начальства, народных гуляний, концертов и театральных представлений. В течение 1853 года от фактической хроники, перечисляющей события, эта рубрика переросла в обозрение, отражающее настроение, духовный фон города. Сообщения «Местной хроники» образовали единую цепь публикаций: анонсирование события, отчет о нем, где интерес вызывает не описательная его сторона, а усиленная рецензионная составляющая, сопряженная с чутким осознанием общественного отклика. Частное мнение автора не мыслится без общественной оценки, без размышления о значимости события для всего городского общества.

Одновременно с этим на своем прежнем месте «возрождается» хроника происшествий под рубрикой «Известия из уездов», в которой уверенно продолжались перепечатки из прежних источников, перемежающиеся с историографическими очерками Руфа Игнатьева и сельскохозяйственной корреспонденцией Поликарпа Пузино.

Поначалу хроника увеселений выглядела так: «Новгородские общественные увеселения в настоящий зимний сезон, <...> начались блистательным балом, данным Г. Губернским Предводителем Дворянства, в новоотстроенном здании благородного собрания, дворянам губернии. Вслед за ним потянулась вереница балов, маскарадов и семейных вечеров, которые отличаются от прошлогодних большею веселостью и единодушием; одних маскарадов было, почти сряду, шесть». В регистрацию мероприятий вплетаются анонсы: «К масленице еще будет два бала – 2 и 27 -, и два семейных вечера – 8 и 15 Февраля». Среди важного редактор отмечает и уездные увеселения: «Уездные города нашей губернии то же могут похвальиться: в Крестцах, Валдае, Боровичах, Череповце и Кирилове устроены, с разрешения Губернского Начальства, благородные собрания, которые, как говорят, в веселости не уступают собраниям других городов» [7. 1853. № 5]. Характерно упоминание источника информации, которое вместе с тем составляет некий

литературный оборот, присущий журналистике того времени: «как говорят». Корреспондентская сеть в этот период еще слабо развита, потому информация поступала либо из центральных изданий, либо из разговоров в тех кругах, в которые был вхож редактор. Отсюда многочисленные «по слухам», «как нам рассказали» и пр.

Уже через неделю, в № 6 от 7 февраля, «Местная хроника» была разделена на три разнохарактерных сообщения. В первой части редактор продолжал следить за гуляниями, которые не попали в предыдущий выпуск: 30 января происходило открытие зимних гор «с оркестром музыки и хором песенников».

Вторая часть отмечает свершившееся событие, анонсированное в предыдущем номере и, в свою очередь, дает анонс будущей публикации: «1-го Февраля в зале Дворянского Собрания Г-жа Малеско (первая премия Парижской Консерватории) дала большой концерт, в коем также участвовали гг. любители музыки. Как о сем концерте, так и о назначеннем 4-го числа, в пользу бедных, постараемся сообщить самый верный отчет в следующем номере».

И, наконец, следуя хронологии, редактор сообщает о том, что «2-го сего Февраля был храмовый праздник в теплой церкви Сретения Господня, в Антоньевском мужеском монастыре. Церковь эта основана в XVI веке при Новгородском архиепископе Алексии, и после неоднократных перестроек, возобновлена в 1846 г. В этот день в храме сем литургию совершал Его Преосвященство, Епископ Старорусский Антоний с Архимандритами Антоньевского монастыря Евфимием, он же и Ректор здешней Семинарии, и другими из ближайших монастырей» [7. 1853. № 6].

Впервые был предложен комплекс газетных новостей, отражающий местные события, выполненный по образцу столичной прессы. Народные гуляния, концерты и храмовая служба давали скромную, но впервые зафиксированную панораму общественно-культурной и религиозной жизни города. Читатели получили возможность ощутить насыщенность прошедшей недели, отметить для себя возможности в настоящем (принять участие в проходящих мероприятиях) и ждать продолжения. Пока это еще не развитие событий, но некоторое расширение представления о происходящем, в отличие от предыдущей практики – сообщение о факте одного, уже случившегося события.

Очевидно, появление «Местной хроники» связано с ориентацией на новую аудиторию, представления редакции о которой стало более

оформленным в этот период. Ее составляют не только чиновники и помещики, занимающиеся хозяйством и интересующиеся статистическими сведениями, но теперь это широкая новгородская публика – учащаяся молодежь и домохозяйки, мещане и деловое дворянство, крестьяне, которые живут в одном культурно-общественном пространстве с редактором и авторами публикаций, о вкусах и характере которых у них теперь есть вполне определенное представление.

В первый месяц существования рубрики необходимо было сохранить позиции, поэтому «Местная хроника» появлялась еженедельно, даже если это были краткие объявления, почти афиши, которые наверняка анонсировались в городе и не было исключительной необходимости размещать их в издании. Но статус «губернских ведомостей» и необходимость закрепления новой рубрики требовали поддержания регулярного информирования читателей о городской жизни.

Чаще всего в рубрике можно встретить тексты таких жанров, как сообщение, хроника, отчет, отзыв, т. е. можно сказать, что она представляла собой некий редакторский дневник, колонку редактора. Возникновение такой специфической формы опосредовано, несомненно, влиянием образцов столичной прессы, перепечатки из которой регулярно появлялись в местном издании.

Заключенные в узкие рамки официального издания, не имеющие собственной корреспондентской сети, местные ведомости возлагали обзор разрешенных событий на единственного человека – редактора, которому приходилось нести ответственность за свое мнение, в рамках официальной традиции отслеживать настроение публики и стремиться выполнять задачу идеально-культурной консолидации читателей. Главным препятствием по-прежнему оставалась недостаточная насыщенность событиями. Отсюда и необходимость оперировать различными жанрообразующими приемами и подходами. Изложенные сухим официальным стилем тексты можно считать новостью, описание культурного мероприятия содержало элементы как отчета, так и рецензии (с анализом исполнительского мастерства). Редко все публикации в рубрике относились к одной теме, еще реже отдельные сообщения разделялись пустой строкой. Такое слияние разных жанров привело, в конечном счете, к закреплению дневниковой интонации редакторских текстов.

Часто можно было увидеть в одной публикации соединение (причем не столько хронологически, сколько ассоциативно) целой панорамы

разноплановых событий: «Один маскарад и один бал в дворянском Собрании, ежедневные представления волтижеров братьев Фиондини, Вальтера и Присса, два, три частных бала – вот все увеселение Новгорода в течение масленицы. Последние три дня были распределены так: утром блины, а с 4-х часов по полудни катанье вдоль Московской улицы, до самой заставы, при звуках двух оркестров музыки, игравших в разных пунктах. Постоянная оттепель до 1-го Марта, прекратила катанье с гор; 1-го же Марта зима снова к нам возвратилась с снегом, морозами и выгами; даже Волхов замерз (хотя близ моста вскоре разошелся), чего с ним не случалось в этом году, и льдом надо было запасаться на лето с Ильменя озера» [7. 1853. № 10].

Несмотря на такое смешение, автор все же разделяет в тексте события светские и религиозные, делает лирические отступления, меняет тон: «Несмотря однажды, на дни сырной недели, обращенные в дни веселья, благочестивый народ в Воскресенье, в три часа по полудни, спешит в Софийский Собор к прощальной вечерне, после которой, в былое время, многие отшельники, удаляясь в уединение, пребывали там в безмолвии во все дни великого поста; собирается же народ в Софийский Собор, а не в другую церковь, именно потому, что в это время открываются мощи, почивающих там Св. Угодников Новгородских; спешит народ приложиться к Св. мощам, прося Угодников укрепить его, дать силу сознать себя, покаяться и дожить до радостного дня Воскресения Христова» [7. 1853. № 10].

Редактор все больше расширяет спектр рассматриваемых в публикациях тем, а его литературный и журналистский опыт позволяет делать это не без привязки к определенному жанру. Все тексты, какой бы теме они не были посвящены, превращаются в подобие путевых заметок, часто ироничных: «У нас теперь Варлаамовская ярмарка; ярмарка небольшая. Иной раз в простой базарный день бывает больше движения, чем на нынешней ярманке.

В балаганах, устроенных на Торговой площади против здания городских присутственных мест, помещаются кроме разных других с красным товаром, две книжные лавки. В этих последних лавках не много хорошего. Мы спросили, есть ли у них первый том Мертвых Душ, и получили в ответ: есть только один экземпляр, за который объявили цену 7 р. сер. Между прочим мы нашли в этих лавках и произведение русской народной живописи, принаруженное к обстоятельствам времени» [7. 1854. № 26].

Этот фрагмент позволяет предположить в действиях И. В. Лесневского сознательное влияние на литературные вкусы аудитории на основе личных предпочтений, на которые, в свою очередь, большое влияние оказало

творчество Н. В. Гоголя – в постановках на новгородской сцене он особенно отмечал спектакли по гоголевским пьесам, в разных текстах с особенным удовольствием и подробностями касался темы гоголевских персонажей.

Помимо сказанного, редактор активно привлекает внимание читателей к одной из сторон общественной жизни города – театральной. В рамках «Местной хроники» редактор регулярно пишет о театре и обо всех событиях, связанных с театральной жизнью, используя новые жанровые приемы и подчеркивая личную заинтересованность в данной теме, поднимая ее до уровня исключительной. И. Лесневский пытается укрепить любовь читателей к местной культурной жизни, связать современность с древними традициями.

Рубрика «Местные известия»: редакторский дневник как форма фельетона

Новый редактор Иван Матвеевич Вишневский с 1857 года продолжает развивать главную рубрику издания, немного изменив ее название, теперь она называется «Местные известия». Очевидно, это сознательная редакторская политика; новый редактор, в отличие от предыдущего редактора-хроникера, активно заявлял свою позицию по всем общественным вопросам, «извещал» читателей.

В начале журналистской деятельности публикации Вишневского скорее пессимистичны, но обстоятельны, далеки от городской суэты. Он сосредоточен на заботе о хозяйственных делах губернии и наблюдениях за погодой. Его манера письма напоминает тексты П. И. Пузино и некоторых других корреспондентов, пишущих о сельскохозяйственных нуждах и природе в высоком, торжественном тоне.

Природные наблюдения не мешают И. Вишневскому отмечать важные факты («С 15 числа сего Марта фарватер Волхова очистился от льда на столько, что пароход мог уже делать рейсы до Соснинской пристани» [7. 1857. № 12]), однако пессимизм зачастую перевешивает и оценка даже погодных условий выглядит как неоспоримый факт печальной реальности: «<...>раннее или позднее открытие весны имеет свое особенное значение; по этому боязливо встречают ее в нынешнем году лесопромышленники и занимающиеся сплавом дров, – ранняя весна, по их замечаниям, не обещает хорошего половодья, необходимого к успешному сплаву предметов их промысла; недоверчиво встречает раннюю весну и земледелец, видя как преждевременно обнажаются его поля и нивы от снеговых покровов, служащих для озимых посевов надежною защитою от холодных ветров» [7. 1857. № 12].

Таким образом, редактор заявлял свою новую роль: не просто составитель альманаха по заявленным в программе темам, но самостоятельная личность со своими интересами, способная осмыслять и анализировать окружающий мир. Несмотря на демонстрацию переживаний за общественные дела, сила его мрачных и убедительных текстов погружала читателя в атмосферу безнадежной борьбы со стихией, возводя трудности хозяйственной жизни в разряд национального бедствия, что еще больше усиливало кризисные настроения в предреформенный период.

Редактор И. Вишневский постоянно совершенствует свой публицистический стиль. Так, в конце 1857 года он публикует развернутые размышления, выдающие человека одаренного и быстро перенимающего опыт столичных журналистов. Эта статья является значительным образцом жанра, попавшего под правительственный запрет, – фельетона [19]. Вероятно, она не попала под цензурный запрет потому, что не вызвала подозрения сама тема – снова о погоде, хотя и в ворчливо-ироничном стиле. Подводя итоги года, автор делает необычное для этого периода заключение: «Скоро конец 1857 году, и Слава Богу! Хорошего про него, правду сказать нечего, худого же много; даже и у нас в провинции, все, или почти все, им не довольны, так за что же сказать ему доброе слово. Вот хоть бы напр. теперь: Рождество на дворе, а снегу нет как нет, страшная бездорожь остановила привоз продуктов» [7. 1857. № 50]. Автор ищет новые средства выразительности, намеренно стремится к афористичности, всеми способами пытается создать настроение, определенный образ, использует смелые и острые метафоры, с одной стороны, скрывая за метеорологическими наблюдениями болевые точки общественной жизни, с другой – обнажая их в попытке вывести за рамки местной проблематики, установить связь с внешним миром.

И. Вишневский предпринимает по-настоящему художественный ход, сообщая читателю: «Смирной я человек, не люблю ни говорить ни писать, а и то выхожу из терпения когда кухарка начнет ворчать: “Што это вы барин всю комнату замарали грязью, откуда это вы ее наберете, да и какая вам неволя служить в таком месте, што и лошадки не из чего держать под такое время”» [7. 1857. № 50]. Даже если не обращать внимание на то, что редактору губернских ведомостей по должности положено любить писать, лукавый намек на материальное положение редактора официального издания очевиден – доход его был такого уровня, что «и лошадки не из чего держать», и приходилось ходить пешком по грязи.

Высказывание И. Вишневского еще раз фиксирует тот факт, что публикации на страницах единственного периодического издания в губернии не приносили дохода, давали лишь возможность творческой самореализации. Если помещики и местные учителя писали, преследуя общественную пользу, надеясь лишь на доброе слово благодарности, то редактор, подписывая свои материалы, понимал, что высшая награда – это литературный успех у читателей.

Это обстоятельство позволяет выявить иной круг задач, которые решает редактор, формируя «Местные известия». Вишневский, в отсутствие активно пишущих новгородцев, практически в одиночку формирует круг местных вопросов, способных вызвать обсуждение в обществе. Тот факт, что это обсуждение сосредоточено в одной авторской рубрике, говорит о формировании журналистского авторитета конкретного автора, способного оправдать читательские ожидания.

Вишневскому удается сделать губернские ведомости не только легитимными (подчиняющимися установленной законом программе), но и индивидуально-авторскими, интересными для местных читателей, чему способствовало в немалой степени его творческое и журналистское мастерство. Благодаря ему с 1858 года «Новгородские губернские ведомости» возрождают традицию отражения на страницах издания общественно-культурной жизни. Редактор снова активно и энергично вступает в диалог с читателем и, сняв, наконец, маску ворчливого пессимиста, истово защищает положительный имидж своего города и губернии. Кроме того, он продолжает писать фельетоны в «Местных известиях», подчеркивая роль правительства в деле народного просвещения.

В начале 1858 года на месте передовицы редактор опубликовал знаковый очерк о масленице (без заголовка). Текст состоит из двух частей, первая из которых представляет собой традиционное описание гуляний, однако здесь мы видим образец новой для губернских ведомостей стилистики – с репортажными элементами и приемами, автор сам становится участником описываемых событий, «Русского карнавала», как он называет масленицу. Подробные, точные описания места, пути следования, анекдоты и случаи из жизни перемежаются у автора с литературными приемами, явно позаимствованными из «Невского проспекта» Н. В. Гоголя, которого охотно тиражировала столичная пресса.

«Экипажи всех родов движутся один за другим бесконечною вереницею, в которой перетасованы без различия все состояния; здесь вы видите и

блестящую Новгородскую аристократию в щегольских экипажах и скромную буржуазию в простых санках и на тощих клячах. Не раз мелькнет перед вами франт чиновник, бросивший на извозчика последний оставшийся от жалованья рубль, для того чтобы иметь удовольствие составить звено в этой живой и движущейся цепи экипажей» [7. 1858. № 5], – пишет И. Вишневский. Портреты мещан и чиновников, данные им в тексте, написаны в довольно жесткой ироничной манере, несмотря на то, что сам он такой же по сути чиновник, однако статус автора позволяет ему быть выше всяких сословий. Автор демонстрирует знание повадок, характеров и привычек народа, подмечает он и положительные моменты, транслируя некоторую гордость за новгородскую публику: «Не малую часть катающегося поезда составляет почтенное купечество с их чопорными половинами, к чести впрочем последних надобно сказать, что между ними незаметно той полноты, которая составляет отличительную черту многих дам этого сословия. Бывают конечно неисключительные случаи полноты, но полноты безукоризненной, в которой оне ни сколько не виноваты» [7. 1858. № 5].

Сам автор демонстрирует единение с простыми людьми, идет в те места, которые, по его мнению, наиболее интересуют народ – это «гостеприимные отели откупного комиcсионерства, которому надобно отдать честь в искусстве приманки, хотя, по совести сказать, в ней бы и надобности не было, потому что Русскому мужичку не сменять рукавицами, будь оне не дороже гравенника, без того, чтобы не выпить при этом на двугравенный литок» [7. 1858. № 5].

Описание наблюдаемой в этих «отелях» картины оказывается на самом деле ключевым моментом публикации – проблема пьянства среди крестьян не раз поднималась на страницах издания, и сейчас она стоит во главе угла. Но решает ее автор очерка не банальными средствами, а использует и свой публицистический дар, и все возможные способы для создания художественного образа. На первый взгляд, картины, описываемые автором, полностью укладываются в праздничную атмосферу, нет никакой проблемной составляющей в них. Среди них и подробный реестр подаваемых в заведении напитков с ироничным комментарием: «...названия часто оригинальные, иногда и пошлые, но основанием тех и других служило глубокое знание сердца человеческого. Известно что Русский человек и с горя выпьет, и на радости не откажется; а тут вдруг видит на полке красуется *безумная радость*, подле ней *горе от ума*, дальше ярлык гласит, что *пей то хочется*, здесь *наслаждение в заблуждении*, просто глаза разбегутся, ум за разум зайдет, пей чего душа

желает; выбирай, смотря по состоянию духа, или безумную радость, или горе от ума, а нет так испытай наслаждение в заблуждении» [7. 1858. № 5].

Далее описывается мужицкий обряд потчевания гостей вином, любовно смоделированный автором: «...теперь масляница – случай для наблюдения удобный, как он усердно пьет сам, и столь же усердно подчует другого. Вот у мужичка собрались гости, хозяин усаживает их за стол, уставленный яствами. Затем выносит из чулана штоф водки, первую чарку подносит гостю почетнейшему, но этот просит выпить самого хозяина, после него пьет гость. Первая чарка называется *непрошена*; вскоре хозяин наливает другую, эта пьется, чтобы *не хромать*; третья чарка носит название *посошка*» [7. 1858. № 5] и т. д. (Однако, такое благодушное настроение к народным забавам спустя два года меняется кардинальным образом, когда в традиционном рассказе о масленице И. Вишневский называет масленичные игры «удовлетворением животных потребностей» [7. 1860. № 8]). Но его отношение к новгородскому гостеприимству заметно отличается от представленного, например, в заметке об окрутниках, опубликованной в 1840 году. Гостеприимство, основанное на употреблении спиртных напитков он высмеивает, обнаруживает проблему, угрожающую позитивному образу Новгорода.

Редактор явно пытается создать литературное произведение, однако фактический материал, репортажные фрагменты и наблюдения из современной жизни, сопровождаемые публицистическим пафосом, делают его все же журналистским текстом. Вишневский пытается изменить традиционный подход к редактированию губернских ведомостей (один материал – одна тема), демонстрируя целый спектр микротем в одном тексте, а рубрика «Местные известия» еще раз подтверждает статус печатной площадки, на которой затрагиваются важные общественные проблемы региона. Налицо явное стремление к изменению жанрового репертуара – от небольших заметок, новостей и дневниковых наблюдений просматривается движение в сторону больших форм – очерковых статей, затрагивающих нуждающиеся в общественном обсуждении вопросы и проблемы.

Через год редактор уже не так благодушно пишет о проблеме алкоголизма, а выступает категорически против торговцев вином и сатирически высмеивает пагубную народную привычку. Теперь на страницах ведомостей появляются тексты о вреде алкоголя и мерах к оздоровлению народа (перепечатки из столичной прессы), а также рассуждения на тему винного откупа (система налогообложения, при которой государство за определенную

плату передает право продажи казенного вина) и государственных законов, спровоцировавших ситуацию злоупотребления в этой области.

Откликается И. Вишневский и на захватившее северо-западные, центральные и поволжские губернии «Трезвенное движение» (массовые протесты податных жителей в связи с повышением налога на водку в 1858–1859 годах), приведшее к концу откупной системы, несмотря на то, что Новгород и губерния остается как бы в стороне от этих событий. Губернские ведомости как официальное издание не могли проигнорировать общегосударственную проблему.

До И. Вишневского обсуждать ценовую политику частной торговли на страницах издания никто не пытался, хотя ведомости регулярно публиковали таксы и тарифы на торговлю по губернии. Теперь редактор как бы предлагает сравнить государственные тарифы с реальной действительностью. Так, в марте 1859 года в одной из публикаций он отмечает, что «из предметов привозных солонина особенно была дешева, по 1 руб. 60 к. пуд; сено также упало в цене, с 25 на 15 коп. за пуд, на прочие же предметы цены стояли довольно высоки» [7. 1858. № 13]. Безусловно, читатели и так были в курсе этих событий, но вопрос о том, насколько ситуация была известна начальству, т. е. тем, кто мог на нее повлиять, оставался открытым. Определяя проблему (в данном случае высокие цены и некачественный товар), издание подразумевало осведомленность властей и косвенно намекало на ответные действия, одновременно оказывая поддержку всем, для кого ситуация оказалась трудной. Но теперь редактор не просто с сочувствием рассказывает о проблеме, а предлагает конкретное решение проблемы.

В этот период ведомости становятся по сути отражением индивидуальности редактора, живой, эмоциональной, привлекательной личности, которой читатели уже привыкли доверять и обращаться за помощью. Личность же эта, в свою очередь, в поиске собственного стиля практикует в персональной рубрике разные жанровые вариации, пытаясь и удовлетворить потребности начальства, и понять интересы публики.

В последнем номере 1859 года И. Вишневский, подводя итоги проделанной работы, пишет: «Еще несколько дней и 1859 г. канет в вечность. Что сулит нам преемник его 1860 г. неизвестно, но кто следил у нас за развитием общественной жизни, кто видел в ней полезные перемены, кто знает как много положено в основание ее новых начал, как деятельно, над применением их, трудился, по мере сил своих, каждый – от Г. Начальника губернии, стоявшего во главе всякого полезного начинания, до последнего

труженика – писца, тот согласится с нами, что от 1860 года пожелать можно только продолжения того, чему положено начало в 1859 г. Предположенное устройство и открытие женской гимназии, городского банка, детского приюта, улучшение положения ремесленных заведений, – вот на что обращены мысли и желания всех» [7. 1859. № 52]. Сдержанное описание успехов и достижений как осознание серьезности печатного слова – такой стиль избрал редактор на этот раз.

Частая смена редакторов 1863–1865 годов привела к утрате рубрикационного деления. В 1865 году вновь появляются метеорологические наблюдения Игнатия Лесневского, который занимает теперь место секретаря Статистического комитета. В том же году редактор Воинов пытается возродить «Местные заметки», ведущую рубрику 1850-х годов.

Постепенно редакторский дневник превратился в новостную ленту: заметки, каждая из которых на актуальную тему, складываются в панораму общественной жизни. Каждая из них имеет свой заголовок, визуально выделяемый курсивом. Вот, например, заголовки одного выпуска: «*Ночные сторожа*», «*Новости по городскому хозяйству в Новгороде*», «*Вчера в саду дивизионного штаба*», «*Галерея великолепных картин*».

В текстах, как и прежде, использовались разнообразные «по нашему мнению» или «как слышно», традиционные для того времени. Читателя по сути погружали в информационное поле, насыщенное фактами и оценками, не позволяющими, однако, «мену мыслей». Редактор четко выражал позицию губернской и городской администрации. Окончательно упразднил рубрику «Местные заметки» Ф. Павлинский в 1865 году.

Попытки рубрикации и далее случались в издании, но своей прежней функции они уже не выполняли. В 1895–1896 годах редактор Д. Городецкий провел рубрикационную модернизацию с целью приблизить неофициальную часть к формату газеты, однако на жанрово-стилистическое наполнение эта мера никак не повлияла.

«Местные известия» Ивана Вишневского стали авторской колонкой, в ней была сосредоточена вся панорама общественной жизни – от культуры до экономики. Порицание недостатков, поощрение успехов, призывы к действию, предложения по решению проблем – редактор активно создавал реальную картину дня, не забывая, однако, о формировании положительного образа губернии.

И этот образ стал более современным, несмотря на существующие недостатки и проблемы, для преодоления которых общество

консолидировалось с прессой и властью. В дальнейшем роль редактора официального издания была пересмотрена в сторону большей регламентированности, что привело к утрате сформированных позиций.

«Новгородские губернские ведомости» в контексте местных частных газет (1881–1882, 1903–1917)

В 1883 году на пост губернатора приходит А. Н. Мосолов. Губернские ведомости возвращаются на уровень официального бюллетеня, в котором иногда встречаются талантливые публикации, существуя в таком качестве вплоть до 1895 года.

В «Новгородском листке» (1881), первой частной газете в Новгороде, прослеживаются некоторые черты публицистичности, заимствованные из «Новгородских губернских ведомостей». Он затрагивает те же темы: деятельность земства, вопросы народного образования, производство судебных дел, застой в культурной жизни новгородцев. Очевидно, прежние авторы официального издания предпочли для трансляции собственной позиции страницы частной газеты, редактор которой предлагал площадку для адресной критики. Чаще всего объектом резких нападок авторов становилось новгородское купечество, которое заполнило древний город лавками, питейными заведениями, трактирными, клубами увеселений [20. 1881. № 1]. Именно эти люди приложили все силы, чтобы газета была закрыта, что и случилось в 1882 году.

Был ли «Новгородский листок» серьезным конкурентом «Новгородским губернским ведомостям»? Вероятно, оценка и значение, которые приводит литератор А. В. Круглов [21] в своих воспоминаниях, являются более поздним осмыслением ситуации. Примечательно, что газета печаталась в типографии Губернского правления. Однако «Новгородским губернским ведомостям», защищенным обязательной подпиской, не нужно было заботиться о коммерческой состоятельности издания, поэтому переход авторов на другую площадку не мешал их существованию. А сатирический, обличительный тон «Новгородского листка» был по сути протестом против настойчивого формирования губернскими ведомостями устойчивого благоприятного образа Новгородской губернии.

Как отмечает тот же Круглов, «“Листок” иногда был буен и задорен, конечно, в пределах дозволенности...» [21], но искупалось все любовью к родине, желанием служить ей печатным словом. При этом часть газетных полос составляли материалы, характерные для губернских ведомостей: протоколы

земских собраний, судебная хроника, хроника городских событий. Дважды были напечатаны прибавления, которые считались отличительной чертой губернских ведомостей: к № 25 от 25 апреля 1882 года «Доклад медицинский Череповской уездной земской управы чрезвычайному земскому собранию» и к № 39 от 1 августа 1882 года «Журнал Череповской уездной земской управы 1 апреля 1882 года». Однако официальное издание не было единственным доступным местным читателям печатным органом, а центральные издания следовали той же модели. Вероятно, редактор «Новгородского листка» предполагал, что его аудитория будет отличаться от читающей официальное издание, для чего намеренно формировал конкурентную среду, в том числе, за счет иного качества текстов.

Значительную часть дохода газеты составляла публикация коммерческих объявлений, и здесь редактор частного издания также решил пойти своим путем. На первой полосе издания еженедельно размещалась информация о пунктах и условиях приема объявлений, причем предполагалась «уступка», т. е. скидка за оплату 10-кратной публикации. Гонораров корреспондентам, как и в официальном издании, не выплачивали.

Но не только «Новгородский листок» составил информационную конкуренцию губернскому официальному изданию, целый ряд изданий появился в губернии в первые годы XX века. Новые частные общественно-политические и литературные газеты массово открывались в это время, обеспечивая местных читателей качественной периодикой. С 1903 по 1917 годы отмечены существованием «Волховского листка», самой заметной газеты этого периода, издавал которую известный антрепренер и актер Нил Иванович Мерянский (настоящее имя, под которым он стал издавать газету, Н. И. Богдановский).

Помимо этого, выходили еще 3 газеты. На волне выборов в Государственную Думу в губернской типографии стала издаваться газета «Новгородская неделя» (12 февраля – 1 декабря 1906 года, редакторы-издатели Е. И. Лебедев и А. П. Шумейко). Через три недели после ее закрытия под давлением губернского начальства в частной типографии М. О. Селиванова появилась «еженедельная политическая, общественная и литературная газета» «Ильмень» (декабрь 1906 – июнь 1907 гг., редактор-издатель Н. Г. Василевский, затем М. А. Рубакин, бывший сотрудник «Новгородской недели»). В 1909 году выходит «Новгородская жизнь», редактор которой, возобновивший редакторскую деятельность, Михаил Рубакин обвиняет в непрофессионализме сотрудников «Волховского листка». Однако из-за финансовых трудностей издание прекращает деятельность в декабре 1911 года.

Первые два издания критически анализировали программы разных партий, выступали в поддержку некоторых кандидатов, иногда упрекали сохранявшую нейтралитет редакцию «Волховского листка», во многом благодаря тому, что сами были внепартийными. Это был образец публицистической полемики со времен выступления Новгородца в корреспонденции «Санкт-Петербургских ведомостей» с осуждением редакционной политики «Новгородских губернских ведомостей» в 1861 году и ответом на него в местном официальном издании.

Редакционная политика этих четырех газет и взаимоотношения их редакторов подробно проанализированы в работе Е. В. Ивановой [22]. Все они, безусловно, использовали многолетний опыт издания «Новгородских губернских ведомостей» как в структуре, так и в охвате тем (с учетом меняющейся политической обстановки в стране). Рубрикация изданий повторяла закрепившуюся в неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» разных периодов структуру. Историко-этнографические очерки «Волховского листка», тема торговли, сельского хозяйства, культуры, земской деятельности «Новгородской недели» в жанрах отчетов, заметок, проблемных статей также напоминала публикации официального издания, но без особенностей дневниковой интонации И. Вишневского.

«Новгородские губернские ведомости» этого периода во главе с редактором К. А. Северовым публикуют только сведения о пожарах, всевозможные правительственные возвзвания, пропагандирующие реформы, практически прекращается публикация корреспонденции, введенная Д. Городецким. В 1904–1905 году основное место в неофициальной части занимают перепечатки телеграмм и других сведений из «Правительственного вестника» о ходе Русско-японской войны. Первая русская революция 1905–1907 годов по естественным причинам не нашла отражения на страницах издания. «Новгородские губернские ведомости» в этот период все дальше уходят от обсуждения каких бы то ни было политических, общественных и даже культурных вопросов. Местный компонент практически исчезает.

Ситуация не изменилась и в 1912 году с приходом на должность редактора С. И. Градова. Можно предположить, что отток авторов в частные газеты связан с их большей свободой и гонорарами, которые там стали выплачивать. Но Е. В. Иванова отмечает, что характер публикаций «Новгородской недели» лишь незначительно «смелее» тех, которые публиковались в губернских ведомостях. Поэтому высока вероятность того, что местная власть сознательно игнорировала формирование местного контента в

официальном издании, которое теперь, кроме удовлетворения потребности в официальной информации, никак не влияло на информационную повестку.

Еще сохранялась функция административно-правового регулирования жизни губернии, в которой ведущую роль снова получила официальная часть. Судя по активной публикации охранительных сообщений об арестах газет, журналов, книг и брошюр, правил о положении усиленной охраны и других подобных текстов, администрация всерьез была озабочена революционными настроениями в стране. Жизнь губернии не подавала поводов для чрезмерных усилий, но вся история «Новгородских губернских ведомостей» показывает безоговорочную лояльность к существующей власти. Безусловно, это связано не столько с личной позицией редактора, сколько с самой функцией издания и с его учредителем.

Заключение

Первое периодическое издание в Новгороде появилось в составе систематического государственного ответа на общественно-политический запрос, возникший в Российской империи второй четверти XIX века. Оно было типичным официальным губернским изданием со строго ограниченным и регламентированным кругом тем для публикаций и выполняло административные функции, доставляя распоряжения властей всех уровней в самые дальние уголки губернии.

В таких условиях официальность становилась ведущей формой подачи информации. Официальность предполагает строгое следование канонам официально-делового стиля, для которого характерны такие черты, как лаконизм, отсутствие художественных средств, наличие канцеляризмов и речевых штампов. При этом официальность ориентирована на юридические, административные тексты, которые не предполагают общественной дискуссии, а принимаются как сведения о готовых решениях властей, которые должны быть приняты к исполнению. В России XIX века в условиях строгой цензуры официальность оказывалась определяющей формой провинциальной журналистики. Однако для административного аппарата было очевидно, что в таком виде издание не выдерживает коммерческой конкуренции с частными газетами и журналами. В качестве публикации официальных документов и отчетов ограничивало круг подписчиков не из числа чиновников и служащих. Появление неофициальной части позволяло изданию расширить возможности публицистики, имитировать общественные дискуссии и формировать лояльную аудиторию с запросом на научно-популярную информацию по различным направлениям.

Официальное новгородское издание, выполняя свою основную административно-информационную функцию, стремилось все же к популярности у читающей публики. Во многом это зависело от позиции редактора, который часто сам был регулярным автором и инициировал общественную активность. Только публицистичность с сильно выраженной эмоциональностью могла привлечь читателей и подписчиков. Достаточно просто взять в руки любой номер «Новгородских губернских ведомостей» в один из его подъемных периодов, чтобы убедиться – литературная, публицистическая и научная одаренность авторов, не имевших подчас специального образования, вызывает уважение и искренний интерес.

Поиск рубрикационного оформления, корреспонденции с мест, тематика изданий – все это было реализовано губернским официальным изданием в условиях монополии. Опыт деятельности первого печатного новгородского издания был важен для всех последующих изданий в губернии, как губернских, так и уездных.

Появление частных газет и журналов в Новгородской губернии не отразились на конкурентоспособности губернских ведомостей и рыночной активности. Тем более, что участие в издании для авторов было добровольным, гонорары не выплачивались. Редакторы частных изданий формировали более успешную корреспондентскую сеть в том числе благодаря попытке встраиваться в экономическую систему региона.

При этом «Новгородские губернские ведомости» сформировали традиции официальной печати, которые прослеживаются в периодике вплоть до первых лет советской власти, подтверждая тем самым статус историко-культурного феномена.

Литература и источники

1. История Великого Новгорода. URL: <http://www.vnovgorod.info/istoria.html> (дата обращения: 08.06.2011).
2. Гормин В. В. Первые периодические издания в Новгороде // Новгородская правда. 1983. № 185.
3. Прохоров Е. П. 1838 // Русская периодическая печать (1702–1894): справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепахова. Москва, 1959. С. 255–271.
4. Мандрика Ю. Л. Губернские ведомости в научной парадигме // Журналистика и массовые коммуникации. 2010. № 3. С. 168–176.
5. К – ий М. Губернская пресса // Новое слово. 1896. № 12. С. 161–168.
6. Свод законов Российской империи. Кн. 1. Том II. Санкт-Петербург, 1912. С. 64–65.
7. Новгородские губернские ведомости. 1838–1918.
8. Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала. Т. 1 (1760–1860). Екатеринбург, 1992. С. 172.
9. Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX века. Ростов-на-Дону, 1969. С. 108.
10. ГАНО. Ф. 630. Оп. 1.
11. Хайле И. А. П. И. Пузино и его записки, касающиеся сельского хозяйства // Вестник НовГУ. 2004. № 29. С. 26–28.
12. Мишанин Ю. А. Этнокультурное и духовно-просветительское значение губернских и епархиальных ведомостей Поволжья // Журналистика. Церковь. Просвещение / под ред. Г. В. Жиркова. Санкт-Петербург, 2002.
13. Секретарь Л. А. Дома, события, люди (Новгород XVIII – начало XX вв.). Великий Новгород: Кириллица, 1999. С. 52, 239.
14. Мосин О. В., Мосина С. А. Маленький Зевс на высоких каблуках // Авторский проект Librero.ru. URL: <http://www.librero.ru/article/author/letopisy/zevs.htm> (дата обращения: 17.05.2010).
15. Лерхе Эдуард Васильевич // Калужская энциклопедия: сб. материалов. Калуга, 1994. Вып. 1.
16. Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – Характеристики. Санкт-Петербург, 1904.
17. Слезскинский А. Эдуард Васильевич Лерхе: (К характеристике его деятельности) // Русская старина. 1898.
18. Гуторова Н. А. Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): становление и типология: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009.

19. Мандрика Ю. Л. Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1 (71). С. 85–93.
20. Новгородский листок. 1881–1882.
21. Круглов А. В. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1895. Т. LXI.
22. Иванова Е. В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики 1838–1917 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. С. 14–31.

Перечень приблизительно и точно установленных имен редакторов «Новгородских губернских ведомостей»

1847 (?) – 1848 (?) – Метафраст.

1852 (7) – 1857 – Игнатий Викторович Лесневский (?), старший учитель Новгородской классической мужской гимназии.

1857–1863 – Иван Матвеевич Вишневский, учитель Новгородской классической мужской гимназии.

1863 – Николай Гаврилович Богословский, историк, краевед, писатель, секретарь Новгородского статистического комитета, основатель музея древностей, руководитель археологических раскопок.

1864 – А. Баршев.

1864–1865 – Александр Антонович Воинов, титулярный советник (с 1865 – редактор официальной части).

1865–1867 – Федор Николаевич Павлинский, директор народных училищ.

1866 (март – ноябрь) – В. Андреевский.

1866–1886 – Михаил Андреевич Селигерский, коллежский секретарь при губернском правлении.

1880 (июнь – август) – Безгумский.

1886–1887 – Иоанн (Илья) Алексеевич Подобедов, протоиерей.

1887–1889 – князь Петр Волконский, исполняющий должность сверхштатного младшего чиновника особых поручений при Губернаторе.

1890–1894 – Александр Павлович Семеновский, священник Никольского собора, учитель русского и церковно-славянского языков в духовном училище.

1895–1896 – Д. Городецкий.

1896 – Сергей Васильев, священник (1897–1899 – редактор официальной части).

1897–1901, 1902–1912 – Капитон Алексеевич Северов (с 1899 г. редактор двух отделов).

1901–1902 – В. Турский.

1912–1917 – Сергей Иванович Градов, председатель ссудосберегательной кассы служащих в правительственные установлениях Министерства Внутренних Дел (также в 1916 г. занимал должность редактора газеты «Северный беженец»).

1917, март – Г. С. Засечкин.

1917, июнь – Д. Забелин.

1917 – февраль 1918 – Абрам Моисеевич Марголин, врач.

Тексты из «Новгородских губернских ведомостей» (1838–1918)

№ 18. 4 мая 1939.

[циркулярное предписание]

Постановления и предписания начальства

V.

О лаже

<...> Всем известно, что лаж на перевод монеты, при продаже и покупке товаров, с давнего времени постепенно увеличивался, и наконец возвысился до самой неимоверной степени, от чего происходят важнейшие замешательства, сопряженные с ощутительным вредом для всех и каждого.

Наконец сама публика убедилась в неосновательности сего лажа, и в последнее время непомерное возвышение его в Москве побудило разные торгующие там сословия, как то: оптовых продавцов чая и вин и многих значительном в гостином дворе купцов согласиться между собою, чтобы впредь, устранив счет на монету, продавать товары по уменьшенной цене прямо на серебряные рубли или ассигнации, полагая первым курс в 3 р. 60 к. ассигнациями.

<...> Может быть переворот сей на первый раз для торгующих представится как будто убыточным, но если принять в расчет, что цена за товары определяется не по производству лажа, а по самой стоимости вещей, то для торговца не может последовать никакого убытка, а между тем средством этим искоренится существующее доселе зло от лажа, сколько ничтожного в своем существе, столько и вредного в своих последствиях. Приводимый случай вероятно убедит всех добромыслящих граждан беспрекословно последовать Московским жителям в принятии за товары серебряной монеты и тем более может возбудить в них произвольное к тому желание, давно уже ожидаемое Правительством, если Гг. Градские Главы, сами первые, как непосредственные начальники, подадут тому пример, а если они и прочие значительные торгующие это исполнят, то остальные без всякого сомнения последуют примеру их.

К сему Его Превосходительство <министр финансов> неизлишним счел присовокупить, что о таком полезном распоряжении Правительства им предварительно предложено было рассуждению Новгородского купечества и здешний Градский Глава донес, что значительные купцы сего города в числе 49, торгующие товарами медными, железными, сировскими, кожевенными,

дегтярными, шорным, москотильным товарами, сукнами, мехами, хлебом, зерновыми, овощными и мясными припасами, виноградными винами и прочим, все единогласно согласились последовать воле Правительства и примеру жителей Московской и С. Петербургской столиц и портовых городов и о таком соревновании их Его Превосходительство довел до сведения Г. Министра Финансов.<...>

[Список купцов согласившихся]

№ 35. 29 августа. 1842.

Прибавления

I. Выписка из частного известия полученного от Новгородского помещика Г. Действительного Статского Советника Пузино

Августа 6-го числа Новгородского уезда в Сабельском погосте выпал необыкновенной величины град. – В этот день рано утром шел небольшой дождь, серые облака покрывали небо; Но около полудня начало проясняться – Около 2-х часов пополудни воздух сделался душным. В три часа облака сгостились и при сильном громе пошел вместе с проливным дождем крупный град, но скоро прекратился. – Вскоре показались две черные, огромные тучи; одна из них шла по ветру от Северо-Запада, а другая от Северо-Востока. Когда эти две тучи сошлись, то раздался ужасный гром, продолжавшийся около получаса; в это же время выпал невиданно крупный град, величиною в куриное яйцо и даже более, неправильной формы, угловатый. Он шел с таким шумом, что заглушал крик людей и рев скота. Град продолжался беспрерывно около 25 минут. – Когда град и дождь прекратились, то открылись опустошительные его действия.

Рожь, которой еще четвертая часть была не сжата, истреблена во все; яровые поля опустошены; овес, еще зеленый, избит и частию вколочен в землю, ячмень уничтожен. На огородах зелень вся побита; в садах плоды сбиты и изъязвлены, самые деревья повреждены и сучья поломаны. Таким образом надежды земледельца уничтожены в продолжение 25 минут – скот бывший в поле, изранен и много домашних птиц перебито; даже дикие птицы не избежали гибели и на полях находят много убитых перепелок.

После грозы потоки воды, как бы весною, с ревом неслись по всем дорогам и лощинам. – Град выпал в таком множестве и так был крепок, что на другой день утром еще покрывал землю и по нем можно было ходить. Пространство, опустошенное градом, простирается в ширину на пять и в длину по Новгородскому уезду более пятнадцати верст.

№ 10. 7 марта. 1853.

Отдел II. *Часть неофициальная*

Местная хроника

Один маскарад и один бал в дворянском Собрании, ежедневные представления волтижеров братьев Фиондини, Вальтера и Присса, два, три частных бала – вот все увеселение Новгорода в течение масленицы. Последние три дня были распределены так: утром блины, а с 4-х часов пополудни катанье вдоль Московской улицы, до самой заставы, призывках двух оркестров музыки, игравших в разных пунктах. Постоянная оттепель до 1-го марта, прекратила катанье с гор; 1-го же марта зима снова к нам возвратилась с снегом, морозами и вынуждами; даже Волхов замерз (хотя близ моста вскоре разошелся), чего с ним не случалось в этом году, и льдом надо было запасаться на лето с Ильменя озера.

Несмотря однажды, на дни сырной недели, обращенные в дни веселья, благочестивый народ в Воскресенье, в три часа по полудни, спешит в Софийский Собор к прощальной вечерне, после которой, в былое время, многие отшельники, удаляясь в уединение, пребывали там в безмолвии во все дни великого поста; собирается же народ в Софийский Собор, а не в другую церковь, именно потому, что в это время открываются мощи, почивающих там Св. Угодников Новгородских; спешит народ приложиться к Св. мощам, прося Угодников укрепить его, дать силу сознать себя, покаяться и дожить до радостного дня Воскресения Христова.

№ 12. 23 марта. 1857.

Отдел II. *Часть неофициальная*

Местная хроника

Весна в настоящем году открылась у нас так рано, как не запомнит никто из старожилов. Еще на масляной неделе началась теплая погода, но настоящей весны тогда никто не подозревал, и преждевременное тепло считали одной лишь демонстрацией природы, как появление, в последних числах февраля, диких гусей и уток убедило наконец, что природа не шутя дарит нас весною. Правда зима не бесспорно уступает весне свое место и довольно крепкими утренними морозами отстаивает свои права, но все усилия ее рушатся к 12 часам утра. С 15 числа сего марта фарватер Волхова очистился от льда настолько, что пароход мог уже делать рейсы до Соснинской пристани.

Мы беззаботно смотрим на раннюю весну, но для большей части людей, которые смотрят на нее с хозяйственной точки зрения, раннее или позднее открытие весны имеет свое особенное значение; по этому боязливо встречают

ее в нынешнем году лесопромышленники и занимающиеся сплавом дров, — ранняя весна, по их замечаниям, не обещает хорошего полноводья, необходимого к успешному сплаву предметов их промысла; недоверчиво встречает раннюю весну и земледелец, видя как преждевременно обнажаются его поля и нивы от снеговых покровов, служащих для озимых посевов надежною защитою от холодных ветров. Чрез месяц, вероятно, узнаем, радоваться нам или сетовать на ранний приход весны.

И. Вишневский

№ 50. 14 декабря. 1857.

Отдел II. Часть неофициальная

Местные известия

Скоро конец 1857 году, и Слава Богу! Хорошего про него, правду сказать нечего, худого же много; даже и у нас в провинции, все, или почти все, им не довольны, так за что же сказать ему доброе слово. Вот хоть бы напр. теперь: Рождество на дворе, а снегу нет как нет, страшная бездорожь остановила привоз продуктов. <...>

С первых дней все пошло наизнанку. Весной он не дал воды; летом оказался недостаток тепла; осень явилась без своих атрибутов — дождей и грязи, хоть это и не беда, но мы привыкли, по примеру прежних лет, иметь осень с дождями, слякотью и грязью, а привычка говорят вторая натура, так подавай же нам настоящую, подробную осень; а теперь зима без снегу, с несметным количеством грязи, довершила все. Мудрено ль в таком году получать отовсюду известия о банкротствах, когда она сам так страшно обанкротился. Под военный суд его! как злостного банкрота, и, чем скорее, тем лучше. Улики на лицо. Всякий знает, что ему на каждое время отпущено было в надлежащей пропорции и тепла и холода и снегу и грязи, а у него, на беду нам, сначала до конца, оказался во всем, кроме грязи, недостаток. Нет, любезный! понимаем, в казнокрадство пустился? не то теперь время, выведем на свежую воду. В очерках Щедрина будет места и на твою долю.

Смирной я человек, не люблю ни говорить, ни писать, а и то выхожу из терпения когда кухарка начнет ворчать: «Што это вы барин всю комнату замарали грязью, откуда это вы ее наберете, да и какая вам неволя служить в таком месте, што и лошадки не из чего держать под такое время».

9 Декабря

И. Вишневский

№ 5. 1 февраля. 1858.

Отдел II. Часть неофициальная

31-е Января. Наш Русский карнавал – масляница в полном разгаре, первая роль в ней принадлежит блинам; – до 2-х часов пополудни нет надобности спрашивать встречающихся знакомых, откуда и куда они идут, ответ один – с блинов или на блины. Даже слух носится, за верность которого впрочем не ручаюсь, что один молодой человек, пришедши поздравить с масляницею особу, на которую простирали виды, съел при этом порядочный блин. Ну, да это не наше дело, на здоровье ему.

В 4 часа весь наш городской люд, со всеми его подразделениями, выходит или выезжает на гулянье, местом которого служит Большая Московская улица. Класс выходящих занимает бульвары, классу выезжающему принадлежит самая улица. Экипажи всех родов движутся один за другим бесконечною вереницею, в которой перетасованы без различия все состояния; здесь вы видите и блестящую Новгородскую аристократию в щегольских экипажах и скромную буржуазию в простых санках и на тощих клячах. Не раз мелькнет перед вами франт чиновник, бросивший на извозчика последний оставшийся от жалованья рубль, для того чтобы иметь удовольствие составить звено в этой живой и движущейся цепи экипажей. Не малу часть катающегося поезда составляет почтенное купечество с их чопорными половинами, к чести впрочем последних надобно сказать, что между ними незаметно той полноты, которая составляет отличительную черту многих дам этого сословия. Бывают конечно неисключительные случаи полноты, но полноты безукоризненной, в которой оне ни сколько не виноваты.

К 6 часам толпы гуляющих и экипажей редеют, каждый отправляется проводить вечер в удовольствиях сообразно своим наклонностям и средствам; кто идет в заведение испить *на двенац-кепеек чайку* и пьет его до седьмого поту; кто в цирк, кто на преферанс, кто в маскерад. К услугам же простого народа остаются гостеприимные *отели* откупного комиcсионерства, которому надобно отдать честь в искусстве приманки, хотя, по совести сказать, в ней бы и надобности не было, потому что Русскому мужичку не сменять рукавицами, будь оне не дороже гривенника, без того, чтобы не выпить при этом на двугривенный литок. А между тем, если случалось кому-нибудь заглянуть из любопытства в эти отели, то он верно замечал расставленные по полкам в строгой симметрии штофы, полуштофы, косушки и шкалики, с приклеенными на низ ярлыками, означающими названия водки, – названия часто оригинальные, иногда и пошлые, но основанием тех и других служило глубокое

знание сердца человеческого. Известно что Русский человек и с горя выпьет, и на радости не откажется; а тут вдруг видит на полке красуется *безумная радость*, подле ней *горе от ума*, дальше ярлык гласит, что *пей то хочется*, здесь *наслаждение в заблуждении*, просто глаза разбегутся, ум за разум зайдет, пей чего душа желает; выбирай, смотря по состоянию духа, или безумную радость, или горе от ума, а нет так испытай наслаждение в заблуждении. Вот например входит сюда безграмотный Клим и грамотный Кузьма и говорит Кузьма Климу: а што Клим, у меня как будто ноги озябли, выпьем-ко для согреву, да севодня же и базарный день, так веселее будет у воза стоять. И выпивают Кузьма и Клим малую толику для согреву и веселья, и идут к возам. Вот кончился рынок; возы с барышем проданы и говорит на этот раз уже Клим Кузьме, а пойдем-ко Кузьма, утrosь ты меня потчевал, а теперь я тебя, и идут опять Клим и Кузьма в кабак и говорит грамотный Кузьма неграмотному Климу: возми-ко ты Клим полштофика безумной радости. Какой же то? спрашивает Клим; а вот видишь на этой полке что стоит, это называется безумная радость, а на той – што пей, то хочется; а вот, говорит Клим, погоди, выпьем и той, и другой. Я ишо отродясь не пивал такого вина; известно вина хочется так и пьешь, а это, говоришь ты, што пей, то хочется. И напиваются неграмотный Клим и грамотный Кузьма до того, что через губу не плонуть. Смотришь на другой день у неграмотного Клима и у грамотного Кузьмы оказывается сильный дефицит в кармане и кой-что лишнее на физиономии, на что они накануне никак не рассчитывали.

Но оставим в покое неграмотного Клима и грамотного Кузьму. Перейдем лучше к вошедшей в моду Киевской наливке. Кажись что в ней особенного, кроме названия, наливка себе и только, ан нет. Известно, какое благовение Русский человек питает к матери городов Российских – Киеву; сколько отрадных чувств, сколько светлых мыслей производит одно его имя. Предметы, носящие название Киевских, пользуются особенной популярностью, так может ли же после этого остаться без внимания и Киевская наливка. Глядя на нее думает Русский человек: вот она родная-то наша, ведь и выпьешь-то ей, так словно в самом Киеве побываешь.

Была еще и желудочная, но она не пользовалась вниманием простого класса народа, которому нужно название посильнее, и а лишь лекарственная будет по сердцу ему, которая выгоняет разом двенадцать недугов и пожалуй тринадцатую душу.

Из всего этого видно, что наклонность к употреблению крепких напитков заключается в самом характере Русского человека. *Есть бо веселье Руси пить,*

Сказал Вел. Князь Владимир Святославич, которому не понравилась Магометанская религия за то, что запрещает употребление вина.

Без вина Русскому человеку не обойтись никак. Вино играет важную роль во всех обстоятельствах его жизни. Без него ему ни родиться, ни помереть, ни встретить, ни проводить ни кого, ни купить, ни продать ничего; без вина у него нет веселья и праздник не праздник, за то посмотрите, — теперь масляница — случай для наблюдения удобный, как он усердно пьет сам, и столь же усердно подчует другого. Вот у мужичка собрались гости, хозяин усаживает их за стол, уставленный яствами. Затем выносит из чулана штоф водки, первую чарку подносит гостю почетнейшему, но этот просит выпить самого хозяина, после него пьет гость. Первая чарка называется *непрошена*; вскоре хозяин наливает другую, эта пьется, чтобы *не хромать*; третья чарка носит название *посошка*. Если подана рыба, хозяин снова просит гостя выпить, потому что рыба *по суху не ходит*; перед пирогом подчует стряпуха, после пирога хозяин просит *во рту прополоскать*; за этим он выражает опасение, чтобы к чистому понедельнику у гостя не остались в горле скромные крошки и наливает снова *крошечки прогнать*.

№ 22. 3 июня. 1861.

Отдел II *Часть неофициальная*

Местные известия

Новгород.

В будущем 1862 году, праотец городов Русских, наш Господин Великий Новгород вступит в тысячелетний период своего исторического существования. Время и события унесли его величие, но истории и предания сохранили в памяти народной его прошедшее. Мы не имеем намерения излагать в краткой фельетонной статье историю Новгорода — она тесно связана с историей всей России. Всякий, мало мальски знакомый с нею знает что этот, в настоящее время столь незначительный во всех отношениях городок, дал начало жизни Русской — той жизни, которая в последствии заняла собою более полуевропы, которая пустила свои корни от берегов Балтики, до Восточного океана и от Ледовитого моря, до берегов пункта Эвксинского, образовав в целом своем одну обширную державу Русскую, под скипетром Монарха. И вот для увековечивания в памяти народной, что от первого проявления русской жизни, до настоящего ее развития, вскоре исполнится тысяча лет, Император Александр II, в лице всего нашего отечества, Высочайше повелел устроить в Новгороде памятник тысячелетия России. Работы по устройству памятника начались год назад. Двести пятьдесят человек трудились на две смены день и ночь (*) В минувшем апреле месяце мы узнали об имеющей вскоре быть

закладке, которая последовала 28 мая в присутствии Г.г. Главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями Генерал-Адъютанта Чевкина, Начальника губернии Генерал-Лейтенанта Филипповича, строителя памятника Генерал-Майора Евреинова, прочих высших военных и гражданских чинов и почетного купечества. По окончании Божественной Литургии в Софийском Кафедральном Соборе, которую совершил, прибывший незадолго перед тем в Новгород, Высокопреосвященный Митрополит Новгородский и С. Петербургский Исидор. Его Высокопреосвященство с крестным ходом отправился в здание, где производится постройка, убранное гирляндами из зелени и цветов. Там, по отслужении Богослужения с водоосвящением и окроплением фундамента святою водою, Высокопреосвященный положил в нарочито устроенное место бронзовый ящик с монетами, жетонами и медалями, за тем положен был первый основный камень здания.

Припоминая историю Новгорода, мы во всех важнейших событиях его, находим участие Владык Новгородских: так Епископ Иоаким устроил здесь первый христианский храм; Епископ Лука Жидята был ревностным помощником Благоверного князя Владимира Ярославича в построении существующего доныне храма Св. Софии; Архиепископ Иоанн в решительную минуту приступа Суздальского Князя, вдохнул мужество в ослабевших защитников Новгорода и тем спас его; Архиепископ Василий в 1331 г. заложил в детинце каменную стену от Владимирских до Богоодицких ворот и от церкви Св. Илии до – Св. Павла *) построил каменное наружное укрепление. В позднейшее время Митрополит Иов, когда Петр I готовился встретить Карла XII под Новгородом, содействовал в исправлении укреплений детинца и, при возведении бастионов, как простой работник сам возил на тачках землю, а в 1861 г. нынешний Владыка Новгородский Исидор, вместе с Г. Главноуправляющим Путями Сообщения и Публичными зданиями Генерал-Адъютантом Чевкиным и Начальником Губернии Генерал-Лейтенантом Филипповичем, положили первые камни созидающегося памятника тысячелетию России.

(*) При копании земли для фундамента, на глубине двух сажен, открыто было много брусьев дубовых, сложенных в виде сруба, и довольно хорошо сохранившихся, некоторые из них имели до 14 вершков в диаметре. В недавнее время Новгородский купец Комаров, так же открыл два дубовых венца, существовавшей когда-то постройки, на глубине 3-х аршин; из некоторых уцелевших частей бревен он сделал стол, доски которого крепки как кость и имеют до 16 вершков в диаметре.

(*) Церкви эти находились в крепости, но теперь уже не существуют.

№ 25. 23 июня. 1862.

Отдел II *Часть неофициальная*

Местные известия

Новгород.

Наш Новгород в настоящее время действительно делается новым городом: везде идут починки, поправки переделки, молоток и кирка стучат с зари до зари. Каждый домохозяин, по мере сил и средств своих, старается привести в лучший вид и украсить свой дом; богаты и бедный одинаково одушевлены одним общим желанием, как бы приличнее явиться к такому торжеству, в котором будет принимать участие сам обожаемый Монах наш. Среди всех этих возобновлений один только кремль еще сохранял свою старую наружность, но его заостренные временем зубцы, его проборожженные трещинами и покрытые мохом бока, угрожавшие, местами, даже падением, (часть стены обрушилась в реку), делали необходимым немедленно исправить и его. Таким образом можно надеяться, что в скором времени весь Новгород будет в полном смысле новым городом. Главные работы по устройству памятника уже кончены. В скором времени Россия готовится праздновать тысячелетний юбилей свой на месте своего рождения. Мы не сомневаемся, что не только жители соседних с Новгородом губерний захотят принять участие в этом торжестве, но явится много желающих из отдаленных местностей обширного Царства Русского. Ведь это торжество не местное какое-нибудь; нет, оно имеет значение для целого народа, а потому и должно быть народным.

№ 30. 28 июля. 1862.

Отдел II *Часть неофициальная*

Местные известия

Новгород.

Давно-ли было у нас, что житель Новгорода, по окончании дневных своих занятий, не знал, где и как убить время? Давно ли было, что дворянин чуждался купца, купец чиновника и все друг друга. Давно-ли было, что в клубе благородного собрания четыре пятых протестовали против допущения купечества в члены его. Но вот в генваре нынешнего года открылся у нас клуб соединенного общества и членами в него записались дворяне, чиновники, купцы и граждане. В след за клубом, содержателем, воксала в летнем саду, Курдюмовым, выписана труппа актеров и открыт временный театр, где три раза в каждую неделю даются представления. Музыка в летнем саду играет чрез день. Одним словом в настоящее время есть возможность и бедному человеку с удовольствием, а может быть и с пользою, провести время. Нельзя не пожалеть

только о дурном состоянии летнего сада, в котором представителями флоры служат, крапива, репейник и бурьян, а дорожки, за исключением одной средней, таковы, что на них можно разве только производить опыты крепости ног и обуви. С тех пор как существует летний сад, много-ли сделано улучшений в нем, посажено десятка два три дерев, да переменен несколько раз полисадник, вот и все, а эта котловина, между среднею и боковою от площади аллеями, к чему служит? К поддержанию сырости? А между тем у нас постоянно вывозят куда-то из города мусор. Отчего-бы кажись не завалить эти мусором котловины? Но мы возвратимся к театру.

18 Июля на сцене нашей, шла драма Островского «Гроза» и исполнена была, нужно сказать, хорошо. Г-жа Линдрот в роли Кабановой, прекрасно выдержала характер строгой свекрови, но манера ее была более бонтонна, чем мы привыкли видеть в купеческом сословии. Г. Дроздов очень верно выдержал роль Тихона Ивановича Кабанова, так что глядя на его игру, забываешь в нем актера а действительно видишь простого, необразованного, возросшего в страхе родительском, купеческого сынка, который в глазах родителей воды не замутит, а чуть отвернется и уж смотришь кутит во вся тяжкая; с таким же искусством представлял Г. Платонов и Ваню Кудряша. Г. Беляева в роли Варвары, сестры Тихона, была чрезвычайно естественна. Удачно также была исполнена Г. Павловою роль Катерины, и нужно отдать справедливость, что в выражении страсти Г. Павлова очень хороша, но в ней несколько заметна аффектация, без которой, она была бы в своей роли естественнее. Бесцветен показался нам Г. Волгин, в роли Бориса Григорьевича, так что кажется странным пожертвование спокойствием, добрым именем и самою честью женщины, воспитанной в строгой нравственности, для человека, который не выражает и половины той страсти, какую питает к нему Катерина. Прочия роли исполнены были также более или менее удачно. После Грозы играли водевиль «Два брата с арбата и третий к ним хват» Этот водевиль гораздо удачнее мог быть сыгран, если бы Гг. актеры получше выучили свои роли; в особенности непростительно Господину Павлову, (в пользу которого был бенефис), что он даже не знал своей роли, и суплер так громко подсказывал ему, что в последних рядах слышно было каждое слово. По окончании спектакля, чья-то рука бросила на сцену букет, но кому? незнаем. Вероятно суплеру, потому что он в этой пьесе был самым рельефным лицом. Что же касается г. Павлова, то судя по этой игре и по его действиям при продаже билетов, мы заметили в нем два таланта, большую самонадеянность и малое уважение к публике. Г. Павлов вероятно думал, что здесь может все с рук

сойти. Нет Г-н Павлов! не все. Новгород не захолустье какое-нибудь, где можно спекулировать на снисхождение публики. Большая часть этой публики видала игру получше вашей, и потому всегда заметит вам, чтобы вы не забывали, что вы играете не в балагане, где публика платит за вход 5 копеек и распространяет от себя запах сала.

Санкт-Петербургские Ведомости

№ 50. 2 марта. 1861.

С. 269.

Корреспонденция

Новгород, 11-го февраля 1861 года. Мм. Гг. Наш государь-великий Новгород до того заинтересовал, в последнее время, почтеннейшую публику своею историою о собаках, что, без сомнения, несколько слов о новгородских собаках вообще не покажутся теперь лишними. Животных этих у нас так-много, как в турецких городах, и палка составляет если не необходимое, то весьма полезное орудие для пешехода. Нельзя сказать, чтобы полиция не обращала на это внимание, но или наши фурманщики не набили еще руку, или здешние собаки чересчур осторожны – только их почти не убавляется. Особенно же много их около «Мясников», где продают говядину, и около городской бойни, выстроенной чуть не в самом городе. Питаясь внутренностью и кровью убитой скотины, эти собаки чрезвычайно-злы, и вечеромходить мимо вышеупомянутых двух мест весьма опасно. Стоит одной залаять – как целая стая бросится на прохожего, и если особенно-счастливый случай не выречет его из беды, то ему, без сомнения, придется поплатиться не одной только одеждой. Зато ночью, и особенно тихою, над всем городом – как здесь говорится – *стоит* собачий лай и вой. Голодные и холодные псы стекаются стаями на площади и дают там свои концерты, а может быть жалуются на свою горькую участь. Такая музыка сильно подирает по коже и скорее напоминает глухую деревню, нежели город – но что же делать? Не ходи в *непоказанное* время, говорят здешние простолюдины, а непоказанное время, т. е. ночь, у нас начинается, зимою, с 6-ти или 7-ми часов вечера. Несмотря, однажды, на такое изобилие собак, этих сторожей и друзей человечества, в продолжение нынешней зимы в нашем городе было воровство, несколько грабежей и два убийства. Я слышал, что подробности об этих убийствах буду в скором времени напечатаны в местных «Губернских Ведомостях», а если не будут, то со временем сообщу вам о них по слухам. Однажды, по их поводу не могу не сделать несколько замечаний. Несмотря на то, что в Новгороде есть большие площади и очень много пустынных улиц, где не только ночью, но даже

вечером, можно совершенно-безопасно ограбить человека, до сих пор, однажды, непринято никаких предупредительных мер, для защиты жителей от подобных несчастий. Ходят ли по городу ночные обходы – я не знаю, но если даже и ходят, то вор или грабитель, во время их появления, весьма легко может скрыться и начать свои подвиги по их уходе. На пустынных и обширных площадях и в глухих отдаленных улицах необходимы постоянные, очередные караульщики, которым домохозяева могли бы платить сообразно ценности своих домов. Такая мера, употребляемая во всех благоустроенных городах, если не совсем уничтожила бы воровство и грабеж, то значительно бы уменьшила смелость мошенников. Но мы еще до этого не доросли, и я уверен, что многие наши домохозяева, прочитавши эти строки, найдут их излишними. Перейду, однажды, к светлой стороне медали, и, по французской пословице: «лучше поздно, чем никогда», скажу несколько слов о прошедших святках. В продолжение их у нас было несколько маскарадов и два благотворительные благородные спектакля, в пользу детского приюта. Так как скука губернских маскарадов всем известна, то остановлюсь на благородных спектаклях и, по поводу наших, скажу о все вообще. Обыкновенно, относительно их провинциалы говорят, что цель оправдывает средства, т. е., как бы ни был плох выбор пьес и как бы худо ни играли актеры – критика, однажды, должна быть снисходительна, потому что это актеры не настоящие, а дилетанты. Я поставляю этот вопрос на суд почтеннейшей публики, а между тем, воображаю себе, что было бы с истинным ценителем Гоголя, если бы он увидал, например, «Женитьбу», совершенно-искаженную актерами даже высшей аристократической крови. Между тем, мне положительно известно, что в некотором царстве, в некотором государстве, т. е. в некотором губернском городе, многие места этой пьесы были найдены тривиальными и потому изменены; между прочим, слово *картуз* было признано таким неблагородным, что заменено словом *фуражка*. В том же губернском городе, в одной из пьес, слово *губернатор* заменено было словом *предводитель* и выброшены все куплеты, где упоминался уездный суд и другие губернские власти, дабы никто из зрителей не мог отнести чего-либо на свой счет. Все это имеет свою смешную сторону и ясно выказывает градус губернской щепетильности; но каково же видеть гг. дилетантов, играющих, например, ту же «Женитьбу» Гоголя в полной уверенности, что она написана только для того, чтобы потешить и посмешить почтеннейшую публику, и не заключает в себе никакой более высокой идеи. Я слышал, что в другом губернском городе, после благотворительного представления, была дана замечательная трагикомедия,

под заглавием: *угощение насчет бедных, после спектакля, данного в их пользу*, но я этому не верю, и не могу себе представить, чтобы благородные дилетанты решились лакомиться мороженым и конфектами, ужинать и пить шампанское, на деньги, собранные за билеты. Это уж, я думаю, просто губернские сплетни, которые давно бы пора уничтожать печатными объявлениями о числе вырученных за спектакль денег и о их назначении. Но, оставивши в стороне мелкие закулисные проделки провинциальной Мельпомены, перейду к вещам более серьезным и заявлю мое мнение, что какова бы ни была цель искусства, но оно должно быть уважено и оставаться истинным искусством, а, следовательно, бесталанность и недостатки могут быть преследуемы на всякой публичной сцене и преследования эти должны быть приняты актерами без ропота, если в основании их лежит не какая-либо низкая личность, а самая сущность дела. Глядя на театральное искусство с этой точки зрения, скажу, что наши два спектакля хотя не представляли ничего уродливого относительно игры актеров, но выбор пьес был уже чересчур неудачен. Все три — были жалкие переделки пустейших французских водевилей, где двум существам различного пола также легко сойтись, влюбиться и жениться, как выпить стакан холодной воды. Отчего бы хоть не выбрать русской, родной, так как зрители были все русские. И притом, если везде уже спектакль составляется так, что в основании его лежит какая-нибудь капитальная пьеса, то почему же и у нас не проследовали этому правилу? Конечно, серьезную пьесу разыграть труднее, нежели какой-нибудь фарс, который как ни играй, всей выйдет плохо, но близость Петербурга позволяет пригласить, по этому случаю, одного из опытных столичных актеров, как режиссера, и, таким-образом, дать представление вполне дельное и занимательное. Тогда труды не прошли бы напрасно, а трудов здесь было довольно, ибо актеры знали свои роли очень хорошо, и вообще вся обстановка спектакля была весьма удовлетворительна. Как хотите, гг. губернские дилетанты, а спектакль *публичный и с платою*, несмотря на свою благотворительную цель, все-таки должен дать зрителям как можно более эстетического наслаждения! Дело другое спектакль домашний, в кругу своего семейства или добрых знакомых, спектакль, вообще не имеющий публичного характера, как, например, спектакли бывшие в Новгороде на святках, у топографов, на которые билеты раздавались gratis, по знакомству. От таких представлений ничего нельзя и требовать, так как играют молодые люди, средств для порядочной обстановки у них нет, и вообще весь их театр скорее невинная затея юности, нежели истинный храм искусства. Но если эти же самые гг. топографы решаются играть перед публикой, в дворянском собрании,

как это и было, то, несмотря на благотворительную цель их спектакля, опять-таки смело можно сказать, что игра их была весьма неудачна. Женские роли, исполненные мужчинами, странность манер, посредственность костюмов, а главное незнание ролей, одним словом, невольная профанация искусства – все это, выставляясь на общественный суд, дает полное право сказать, что они уже слишком много рассчитывали на снисходительность публики. Между тем, нашелся господин, который, в местной газете, воспел, на своей цитре, и это великое событие. Впрочем, похвала самим себе составляет, кажется, наше неотъемлемое качество, и нет такого доброго дела, о котором мы не прокричали бы и изустно и печатно. Видно евангельское изречение: *да не ведает правая рука твоя, что делает левая* не удовлетворяет наши провинции. Не успеет в губернском городе завестись и ли открыться что-нибудь полезное, как сейчас туземные сладкопевцы отравят доброе дело своими хвалебными гимнами. Так, недавно у нас открылась бесплатная воскресная школа; кажется, дело новое только для Новгорода; ну, воскресная школа, как воскресная школа – уж оне существуют теперь везде! Так нет, нашелся таки опять какой-то восторженный хвалитель и размазал это простое событие на нескольких страницах. Подобные статьи живо напоминают «Мертвые души» и тот знаменитый город N (уж, полно, не Новгород ли? Я думаю, многие новгородцы готовы принять на свой счет!) где, в местных губернских ведомостях, воспето было раз гулянье под ветвистыми аллеями городского сада, разведенного бдительным градоначальником, между тем, как весь этот сад состоял из нескольких только что посаженных деревьев, привязанных к зеленым палкам. Одна пословица говорит: «всякое начало трудно», а другая отвечает «добрый конец лучшего худого начала», и так, принимая в соображение обе, не будем хвалиться, «едучи на рать», и профанировать доброе дело лишними возгласами! Пусть оно само говорит за себя!... Бесплатная воскресная школа открыта в Новгороде 27-го декабря прошлого года. В первые разы являлось в нее учеников от 40 до 50 человек, в настоящее время число их ходит до 80 человек. На ее расходы сделаны денежные пожертвования новгородскими купеческим, ремесленными и мещанским обществами, а также некоторыми лицами, преимущественно купеческого сословия; сюда же поступили деньги, вырученные со спектакля, данного гг. топографами. Вслед за этою, именно 29-го января сего года, гг. офицерами гренадерского саперного батальона открыта в Новгороде вторая воскресная школа, которую посещает также до 80 человек учащихся. Содержится же она насчет сумм, пожертвованных гг. офицерами вышеозначенного батальона. Преподаванием в первой из этих

школ занимаются учителя гимназии, уездного и приходского училищ, чиновники и воспитанники здешних гимназии и семинарии, во второй преимущественно гг. офицеры. Кроме двух школ, в Новгороде, с 1-го января сего года, открыта публичная библиотека. Помещаясь в здании Дворянского Собрания, она управляетя *советом*, по председательством губернатора и губернского и уездного предводителей дворянства. Библиотека эта устроена на собранные по подписке деньги, их коих к 1-му января состояло: пожертвованных дворянством 1, 112 руб., другими лицами – 50 руб., всего 1, 162 руб. Выписано книг на 957 р. 65 к., остальная сумма употреблена на шкафы и переплеты. В настоящее время в ней заключается 386 названий, а именно: по богословию 78; по истории 37; правоведению и политической экономии 21; путешествиям и статистике 50; словесности 88; книг учебных и ученых (?) 15; по медицине 23; по сельскому хозяйству 69; по смеси (?) 5; – итого 386.

Таким-образом, те недостатки нашего города, о которых я писал в предыдущем письме, уже пополнены, и мы имеем теперь все учебные и богоугодные заведения, кроме женской гимназии, которая едва ли не необходимее библиотеки и воскресных школ, идо до сих пор воспитание девиц ограничивается у нас частными пансионами, которые, по средствам своим и по зависимости от родителей учениц, не могут так успешно идти к своей цели, как казенные заведения. Но всего вдруг завести нельзя. Город наш небогат; если же и есть в нем богачи, то они принадлежат к тому сословию, которое далеко от всего современного и, по убеждениям, напоминает скорее Восток, нежели Запад. *Легче верблюду пролезть в игольное ухо, нежели богатому войдти в царство небесное*, говорит священное писание, и наши богачи вполне оправдывают эту божественную истину. Уделяя скучные крохи с богатого стола своего в пользу бедных они пропечатывают и эти безделицы в газетах, с полной уверенностью, что человечество не может от них ничего более требовать. Совесть их усыплена всеобщим наружным уважением и лестью, и в ложной гордости они забывают, что Провидение столь щедро наделило их земными благами не для того только, чтобы оставить по себе памятью одни лавки да амбары, которые в один год может промотать расточительный наследник... Лучшая богадельня в нашем городе заведена заезжею, петербургскою купчихою Таировой и содержится на ее счет – неужели такова будет и судьба нашей женской гимназии, о которой ничего не слыхать в городе, несмотря на насущную

Этим закончу я нынешнее письмо мое ... чтобы многое упомянутое в нем как можно скорее осуществилось: вывелись непрошенные хвалители добрых

дел, спектакли устраивались как можно удачнее, а собаки и мошенники не составляли бы характеристической черты нашего города!...

Новгородец.

№ 1. 5 января. 1891.

Часть неофициальная

Сообщение жертвователям на устройство «Елки» для призреваемых в Пристанище малолетних, в 1890 г.

Еще за неделю до Рождественских праздников наш миренный Новый град совсем оживился, стал неузнаваем!!... Не говорим про рыночную площадь, куда съехалось множество возов с разной живностью, дичью и другими товарами и где наши хозяйки-мамаши, переходя от воза к возу, выбирали по жирнее каплунов, индеек и другое, чтобы в наступающий праздник полакомить своих дорогих сердцу детей; но и улицы, в особенности Московская, стали полны публикой до самого позднего часа, так как магазины на последней, один перед другим, прельщали проходящих своими блестящими выставками фруктов, игрушек, подарков и картинок «дедушки мороза» и «девочки снегурочки». И тут опять мамашы и папаши, озабоченные, ходили из магазина в магазин, вынося из них объемистые пакеты, корзины, наполненные закупленными ими украшениями на елку и разными игрушками и подарками, предназначенными своим ожидаемым детюшкам... Да, счастливы дети и юноши, у которых есть родные; есть кому позаботиться о них – предоставить радость и хотя на время забыть свою будничную трудовую жизнь! Но сколько есть таких на свете, которые лишены этих ласк, этих радостей?!!..

<...>

Правление попечительства, проникнутое жалостью о невозможности на свои средства дать призреваемым детям-сироткам, а также дряхлым старушкам почувствовать наступающие праздники и уповая в справедливость пословиц, ..., решило обратиться к жителям города, поручив попечителю пристанищ заняться сбором добровольных пожертвований на устройство детюшкам елки; а старушкам сбора на любимый кофе.

<...>

Все детюшки были поражены и в восторге от такого блеска и главное от доставшихся подарков не было конца благодарностям от них за все устроенное в удовольствие им.

№ 1. 1 января. 1895.

Часть неофициальная

Новгород, 1 января 1895 г.

С сегодняшнего, первого дня Нового года, в издании «Новгородских Губернских Ведомостей» наступают некоторые перемены: вместо одного раза в неделю они будут выходить два раза и, кроме того, в них выдвигается неофициальный отдел, которому постепенно отведено будет надлежащее место. О том, какое значение имеет неофициальный отдел в «Губ. Вед.», излишне распространяться. Значение это предвидело и правительство, изъяв все вообще «Губ. Вед.» от цензуры и предоставив им право развивать неофициальный отдел, сообразно потребностям края, под одним лишь наблюдением местной администрации. Само собой понятно, что на первом плане в неофициальном отделе должны стоять вопросы местного характера, которые одни только могу установить связь между местным органом и местным читателем. Обсуждение этих вопросов отнюдь не должно быть обязательно сухим, но оно должно быть серьезным, спокойным и лишенным какого бы то ни было полемического характера, несоответствующего достоинству официального органа. Но самое главное – характер их должен быть в строгом соответствии с общегосударственными началами, что, впрочем, каждому русскому человеку также само собою понятно.

Помимо обсуждения вопросов, редакция обратит внимание на возможно полное ознакомление читателей с событиями местной общественной жизни, выдигая и в данном случае наиболее важное и избегая всего, несоответствующего официальному органу.

Приступая к расширению неофициального отдела, редакция, разумеется, далека от какого бы то ни было самообольщения и в особенности от мысли, что она может достигнуть намеченной цели при помощи одних лишь собственных средств. Напротив, только рассчитывая на дружное содействие местного общества, редакция льстит себя надеждой провести те добрые начала, которые должны составлять задачу каждого органа печати.

№ 99. 24 декабря. 1895.

Часть неофициальная

На елку

Я слышал от некоторых редакторов жалобы на установившийся обычай давать в рождественском номере святочные рассказы. «Поди, собирай, возись, кланяйся! Да и зачем все это? Разве мы в продолжении года даем мало материала для чтения?» Но я с ним не согласен. Если вообще установился

обычай делать к праздникам подарки, то и редакции должны следовать этому обычаю, в сущности хорошему, имеющему в своем источнике желание сделать другому что-нибудь приятное.

Редакция наша празднует первую свою елку. На призыв ее, как читатели видят из номера, отзвались сотрудники с разных концов губернии, отзвались так дружно, что некоторые рассказы приходится волей-неволей отложить до следующих номеров, за недостатком места. Это добрый знак. Редакционная наша семья с каждым месяцем увеличивается. Если нам невозможно и думать о том, чтобы собраться когда-нибудь всем вместе, то пусть по крайней мере раздва в году сойдутся рядом наши имена, наши произведения. Это напомнит нам хоть мысленно, что все мы — члены одной духовной семьи, сообща трудащейся для хорошего, полезного дела.

Думаю, что это приятно будет и для наших читателей. Они также все прибывают постепенно в нашу семью, увеличивая ее численность и упрочивая ее устойчивость. Большинство из них мы имеем полное основание считать нашими друзьями. Вот этих-то друзей мы и просим принять наш первый опыт святочных рассказов, наш посильный подарок на первую редакционную елку.

Чем богаты — тем и рады.

Д. Г.

Приложения к НГВ 1917 (I—VII)

(Приложение № 6)

ГРАЖДАНЕ НОВГОРОДСКИЕ!

Приближается тот великий день, когда наша родина должна встретить Державного хозяина земли Русской — Учредительное Собрание. Казалось бы, все и каждый должны с трепетом и благоговением готовиться к встрече этого будущего Властелина, тяжкой, едва переносимой задачей которого будет обязанность устроить жизнь Великой Державы Российской, согласно стремлениям и желаниям всех ее верных сынов. Однако темные и безответственные люди или по неразумению, или из-за преступных заблуждений, вплоть до предательства, всеми силами стремятся не только омрачить это великое торжество, но даже совсем его отстранить. В то время, когда деятельность Временного Правительства всемерно устремлена к тому, чтобы этот торжественный праздник ни на один день не был отсрочен, в то время, как нашей столице с каждым днем все более угрожает внешний сильный и дерзкий враг, эти темные силы призывают к кровавому бунту, к гражданской войне, и целью своего призыва выставляют свержение Временного Правительства.

Временному Правительству управлять Россией осталось всего лишь пять недель, ибо с созывом Учредительного собрания все полномочия его сами собой прекращаются и переходят к Учредительному Собранию.

К чему же бунт? К чему гражданская война? К чему сеяние среди мирного населения тревоги за возможность созыва долгожданного Учредительного Собрания?

Такую смуту может вносить в народ только тот, кто не желает допустить к строительству Державного хозяина земли Русской, кто видит в Учредительном Собрании не друга родины, не врача, который должен исцелить раны и болезни нашей родной страны, а врага его узким личным интересам, врага той анархии и безответственности, которые теперь широкой волной разлились по всему лицу земли Русской.

Вы сеющие смуту, образумьтесь! Одумайтесь! Представьте Учредительному Собранию – этому избраннику всего народа – помните «**всего народа**», решить судьбу Великой Родины и дерзостно не берите на себя разрешение той святой задачи, на решение которой Вы народом не уполномочены, ибо иначе на ваши головы падет проклятие потомства.

Вы же потомки великих Новгородцев боритесь всеми силами с призывающими Вас к смуте, гоните их от себя, не оскверняйте в эти торжественные дни общением с врагами родной земли. Помните, что спасение России – в скорейшем созыве Учредительного Собрания. Без него – гибель России и порабощение ее на многие годы нашим коварным и жестоким врагом – Германией. Идите к избирательным урнам, подавайте голоса за тех, кого вы знаете и кому Вы верите, соблюдайте полное спокойствие, не допускайте насилия над совестью других и сами не поддавайтесь такому насилию и, устранив всякую смуту, дайте возможность Вашим избранникам спокойно приступить и спокойно продолжать ковать счастье, честь и славу вашей измученной, но Великой Родины.

Новгородский Губернский Комиссар

Временного Правительства

А. Булатов

25 октября 1917 года

гор. Новгород

1917 г. Новг. Губ. Тип.

Глава 2. «НОВГОРОДСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» (1875–1920)

Религиозная журналистика исторически выполняет очень важную функцию в обществе – она просвещает, воспитывает, актуализирует нравственные ценности.

Православная Церковь бережно хранит исторические корни, которые стали основой русской культуры, духовности. При этом есть место дискуссии, обсуждению социально значимых тем. В дореволюционных Епархиальных ведомостях обсуждение спорных вопросов занимало до половины всего объема издания, и этот жанр расценивался редакторами как один из успешных способов общения с читателями.

Исследование «Новгородских епархиальных ведомостей» осложнено тем, что за исключением «Алфавитно-предметного указателя к Новгородским Епархиальным Ведомостям за 25 лет (1875–1899)», они имеют только годовые оглавления. Поиск нужной информации становится особенно затруднительным с 1906–1917 гг., когда «Новгородские епархиальные ведомости» выходили еженедельно (52 номера в год). Поэтому общий обзор основных периодов истории «Новгородских епархиальных ведомостей» и основной тематики их публикаций представляется достаточно важной информацией для дальнейшего изучения истории этого издания, жанровой палитры его. К тому же в наши дни в связи утратой многих документов Святейшего Синода и местной епархиальной власти, частично опубликованных в дореволюционных «Новгородских епархиальных ведомостях», делают последние ценнейшим, а иногда и единственным историческим источником. Особенность новгородского епархиального издания заключается в том, что оно являлось одним из трех епархиальных ведомостей, которые продолжали выходить на территории, занятой большевиками. На этой территории также выходили «Владимирские епархиальные ведомости» и «Вестник Орловского епархиального совета».

Отметим, что во всех монографиях и справочниках, где упоминаются «Новгородские епархиальные ведомости», исследователи пишут, что они закончили выходить в 1919 году [1; 2]. Однако в 1995 году при раскопках, проводимых в новгородском кремле, было обнаружено 4 номера за 1920 год. Поэтому «Новгородские епархиальные ведомости» – одни из немногих официальных епархиальных изданий, которые просуществовали до 1920 года. Также в 1920 г. выходили «Архангельские епархиальные ведомости» и «Распоряжения Высшей церковной власти» (Вятка).

1875–1905 гг.: становление издания

«Новгородские епархиальные ведомости» появились в Новгороде в 1875 году, когда в большинстве епархий уже имелась своя периодическая печать. Епархиальные ведомости как тип издания стали возникать в России с 1860-х годов сначала в южных и центральных епархиях, и только с 1870-х годов – на северо-западе, в экономическом отношении – самых небогатых губерниях. Следовательно, такое позднее появление Епархиальных ведомостей в Новгороде объясняется в значительной степени экономическими условиями.

Второй причиной позднего возникновения Епархиальных ведомостей в Великом Новгороде можно назвать то обстоятельство, что до 1893 года Новгородская епархия не имела собственного правящего архиерея, так как входила в состав Новгородско-Санкт-Петербургской митрополии. Возглавляя такую огромную по протяженности область, митрополиту Исидору (Никольскому) (1860–1892 гг.) было достаточно сложно уделить внимание всем нуждам и проблемам Новгородской епархии, управление которой осуществлялось, в большинстве своем, в письмах и распоряжениях. В Новгородскую епархию митрополит имел возможность приезжать только раз в год и пребывал здесь обычно в течение недели. Поэтому проблемы епархии, в том числе и необходимость создания собственного епархиального органа, достаточно долго оставались неизвестными правящему архиерею и не находили должного решения.

Кроме того, в то время хроника церковной жизни Новгородско-Санкт-Петербургской митрополии печаталась на страницах общечерковных журналов. В 1858–1876 гг. сведения публиковались в журнале «Духовная беседа», а в 1875–1894 гг. – в журнале «Церковный вестник» при Санкт-Петербургской духовной академии. Однако общечерковные издания в силу своей специфики могли сообщать только о самых важных событиях, происходящих в митрополии, и не имели возможности печатать документы и распоряжения по Новгородской епархии и тем более освещать местные проблемы. Но к середине 1870-х годов в Новгородской епархии появилась возможность создать собственный епархиальный печатный орган.

Отметим, что на момент появления «Новгородских епархиальных ведомостей» в Великом Новгороде уже существовали «Новгородские губернские ведомости» (1838–1918 гг.). Два близких по типу издания – местные официальные органы печати, но различные по аудитории и проблематике: «Новгородские губернские ведомости» адресованы всем жителям губернии, независимо от их вероисповедания, и тематика общеимперская и

общегубернская; «Новгородские епархиальные ведомости» – издание конфессиональное, адресованное исповедующим православие, и тематика общецерковная и общеепархиальная. При этом в публикациях епархиального издания можно найти отсылки к информации из губернских ведомостей, так как законодательная инициатива светских властей местного уровня влияла и на деятельность духовенства. Вплоть до 1903 года – появления новых изданий – в задачи Епархиальных ведомостей не входило привлечение новой аудитории.

1875–1893 гг. как церковно-административный орган епархии

Инициатором создания Епархиальных ведомостей в Великом Новгороде был секретарь Новгородской духовной консистории Николай Бернадский. 21 августа 1874 года он обратился в консисторию с докладом, в котором объяснял необходимость создания Епархиальных ведомостей. В докладе Н. Бернадский указал, что епархиальный орган будет выполнять функции сборника текущих распоряжений местного епархиального начальства и высшей церковной власти и, следовательно, будет носить сугубо информационный характер. К докладу была приложена составленная Н. Бернадским программа будущих Епархиальных ведомостей.

На тот момент в Новгородской епархии действительно возникла необходимость в такого рода издании. Причины Н. Бернадский указал в докладе. Во-первых, обширность переписки духовной консистории с духовенством епархии, которая усложняла и значительно затормаживала процесс делопроизводства. С появлением Епархиальных ведомостей сократилась бы переписка, что позволило бы значительно уменьшить состав канцелярии, а, следовательно, улучшить качество работы и материальное положение консистории.

Во-вторых, создание Епархиальных ведомостей было необходимо для новгородского духовенства, которому важно оперативно получать решения и рекомендации епархиального начальства по поводу возникающих проблем, знакомиться со всеми высочайшими и епархиальными распоряжениями, которые в рукописных вариантах иногда терялись. Помимо этого духовенство освободилось бы от списывания копий с этих распоряжений, что достаточно часто не соблюдалось и в результате многие распоряжения до причтов так и не доходили [3. Л. 1].

Кроме того, с созданием Епархиальных ведомостей новгородское духовенство получало возможность знакомиться с распоряжениями Святейшего Синода и светского правительства, которые имели для них

«несомненный интерес». Но поскольку такие документы служили руководством только для епархиального начальства и напрямую не касались духовенства, то оставались им неизвестными, так как консистория не имела возможности рассылать циркуляры по каждому такому предмету.

В-третьих, Епархиальные ведомости давали бы возможность оперативно информировать духовенство о действующих и принятых установлениях, расширяя тем самым круг юридических познаний [3. Л. 1–2]. Это позволило бы значительно усовершенствовать епархиальное управление.

В программе «Новгородских епархиальных ведомостей» Н. Бернадский указал периодичность издания, его объем, структуру, редактора, обязательность исполнения для духовенства публикуемых распоряжений, стоимость подписки на год и обязанность выписывать издание всеми церквями и монастырями епархии:

1. «Новгородские епархиальные ведомости» выходят дважды в месяц 15 и 30 числа в объеме от полулиста до двух в зависимости от накопившегося материала.

2. Разделяются на два отдела – общий и местный. В первом отделе под общим заглавием «Распоряжения правительства» помещаются Высочайшие повеления, объявляемые Святейшим Синодом, синодальные указы, распоряжения синодального Обер-прокурора, Хозяйственного управления, Контроля при Святейшем Синоде. Во втором – распоряжения епархиального начальства, касающиеся всей епархии или ее значительной части; сведения а) о вакантных священноцерковнослужительских местах; б) об утверждении на эти места; в) об утверждении в должностях должностных лиц епархии; г) о награждении духовных и светских лиц за заслуги по духовному ведомству и т. п. В этом же отделе могут помещаться извлечения из отчетов епархиального духовного попечительства и духовно-учебных заведений, а также и из журналов съездов епархиального и училищного духовенства.

3. Епархиальные ведомости издаются под редакцией и ответственностью за точность и верность публикуемых распоряжений титулярного советника Николая Бернадского как секретаря консистории.

4. Опубликованные в ведомостях распоряжения должны в точности исполняться теми, к кому они относятся, на равных с распоряжениями, сообщаемыми в указах консистории.

5. Цена годовой подписки на издание объемом от 30 до 40 печатных листов назначается 1 р. 75 к. без пересылки и 2 р. 25 к. с пересылкой.

6. Епархиальные ведомости обязательно выписываются церквями и монастырями епархии, которые должны высыпать деньги перед началом года.

Согласно программе, Епархиальные ведомости должны были иметь официальный характер без прибавлений в виде неофициальной части. Н. Бернадский так обосновывал свою точку зрения: «неофициальная часть без особенной нужды увеличила бы только стоимость издания, не принося, может быть, существенной пользы, т.к. опыт других Епархий убеждает, что эта часть в провинциальных городах и не столь малолюдных, как Новгород, мало представляет интереса, отличаясь сухостью, бесцветностью и бессодержательностью, и вообще не может удовлетворять никакой серьезной потребности» [3. Л. 2–3].

Члены Новгородской духовной консистории, обсудив доклад Н. Бернадского, согласились с необходимостью издания Епархиальных ведомостей, основываясь на том, что они смогут существенно улучшить канцелярское делопроизводство. В 1875 году консистория заведовала 692 церквями и 33 монастырями и была чрезвычайно обременена перепиской. В доказательство можно привести тот факт, что в 1873 году от нее было выпущено свыше 3000 только отдельных указов, не считая прочей документации: «И это лишь минимум возможного числа циркуляров, – отмечал митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор в ходатайстве перед Святым Синодом о разрешении издания, – так как консистория затрудняется к ним обращаться и избегает их везде, где есть такая возможность, предпочитая ограничиваться решением каждого случая в отдельности, без обращения принятого решения в общее правило. В результате это дает увеличение переписки, потому что приходится один и тот же вопрос разрешать несколько раз» [3. Л. 3].

Члены консистории приняли решение, что издаваться Епархиальные ведомости должны именно секретарем Н. Бернадским и по составленной им программе, так как ему удобнее всякого другого исполнять эту обязанность, и он больше всех заинтересован в том, чтобы ведомости достигали своей цели. Назначенная цена за издание также была признана «умеренной и для церквей безобидной» [3. Л. 3].

В итоге было решено просить ходатайства митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора перед Святым Синодом о разрешении издавать с 1875 года «Новгородские епархиальные ведомости».

Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, на тот момент являющийся членом Святейшего Правительствующего Синода, 18 сентября обратился в Синод с прошением. В нем он согласился с необходимостью появления такого печатного органа в Новгородской епархии:

«признавая с своей стороны ходатайство Консистории заслуживающим уважения, честь имею покорнейше представить оное на благоусмотрение Святейшего Правительствующего Синода, с приложением программы Епархиальных Ведомостей, испрашивая разрешение указанного предписания» [3. Л. 4].

Святейший Правительствующий Синод рассмотрел программу «Новгородских епархиальных ведомостей» и нашел ее «цели своей соответствующею» [3. Л. 10]. Определением от 18 октября 1874 года издание «Новгородских епархиальных ведомостей» было разрешено. Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Исидору было поручено доложить в Святейший Синод о времени выхода ведомостей, чтобы уведомить об этом Главное управление по делам печати.

Первый номер «Новгородских епархиальных ведомостей» вышел 15 января 1875 года. Учредителем издания являлась Новгородская епархия. Об этом 18 января в канцелярию Святейшего Синода поступил рапорт митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Исидора, составленный в день выхода «Новгородские епархиальные ведомости»: «Вследствие указа Святейшего Правительствующего Синода от 18 октября 1874 года за № 2892 честь имею благопокорнейше донести, что 15 сего января вышел первый номер «Новгородских епархиальных ведомостей»» [3. Л. 9].

Спустя два месяца 15 марта 1875 года на заседании Святейшего Синода было выслушано донесение митрополита Исидора. И по существующему порядку сведения об ответственном редакторе Н. Бернадском и программа «Новгородских епархиальных ведомостей» вместе с первым выпуском были отправлены в канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода: «По указу Его Императорского Величества, Святейший Правительствующий Синод: слушали донесение Преосвященного Митрополита Санкт-Петербургского Исидора от 15 минувшего января за № 93, о выпуске того числа 1-го № “Новгородских епархиальных ведомостей”, на приложенном при донесении экземпляре сих ведомостей значится редактором оных секретарь Консистории Бернадский. Приказали: О содержании донесения Преосвященного Митрополита Исидора сообщить в Главное Управление по делам печати для чего и передать в Канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода выписку настоящей статьи журнала, с приложением копии программы “Новгородских епархиальных ведомостей”» [4. Л. 1–2].

4 апреля сведения об издании «Новгородских епархиальных ведомостей» поступили в Главное Управление по делам печати: «Канцелярия Обер-

прокурора Святейшего Синода препровождая при сем копию с программой «Новгородских епархиальных ведомостей», разрешенных Святейшим Синодом к изданию с 1875 года, имеет честь сообщить Главному Управлению по делам печати, что редактором сих ведомостей назначен Секретарь Новгородской Духовной Консистории, Титулярный Советник Николай Бернадский» [5. Л. 1].

В этот же день из канцелярии Обер-прокурора отправилось и еще одно отношение на имя секретаря Новгородской духовной консистории Н. Бернадского с требованием выслать успевшие выйти к тому времени номера «Новгородских епархиальных ведомостей». На что 10 апреля был получен ответ Н. Бернадского: «Вследствие требования Канцелярии от 4 сего Апреля за № 1099, представляя при сем вышедшие уже №№ издаваемых под моей редакцией «Новгородских епархиальных ведомостей», долгом считаю объяснить, что мной, в самый день выхода №№ Епархиальных Ведомостей, они, под бандеролью и надлежащим образом оплаченные на почте, были отправлены, но почему до сего времени, как видно из означенного требования за № 1099, не дошли по назначению – не могу понять и прошу меня почтительнейше простить» [4. Л. 5].

Однако, как становится известно из пометки на данном документе, 2 мая 1875 года «Новгородские епархиальные ведомости» были возвращены секретарю Новгородской духовной консистории Н. Бернадскому.

Первые пять лет выпуски Епархиальных ведомостей печатались в Новгородской типографии Э. Классона, которая после его смерти в 1880 году перешла к супруге М. Классон. С 1888 года «Новгородские епархиальные ведомости» стали выпускаться в типографии А. С. Фёдорова по адресу Легощая улица, дом Гуниной. Улучшилось качество бумаги, изменился шрифт и размер шрифта, но, несмотря на такие преобразования, цена годового издания осталась прежней.

Объем издания не был постоянным и составлял 30–35 страниц в номере. Иногда выходили сдвоенные номера. В выпусках 1875–1887 гг. в каждом номере была собственная пагинация, с 1888 она стала сквозной (годичной).

Ведомости распространялись исключительно по подписке, которую оформляли в редакции Епархиальных ведомостей, и носили сугубо официальный характер. Следовательно, можно судить об узости читательской аудитории, в основном, это новгородское духовенство и церковнослужители.

Доказательством этому служит информация из программы издания о том, что ведомости обязательно выписываются церквями и монастырями епархии и опубликованные в них распоряжения «должны в точности исполняться теми, к

кому они относятся» [3. Л. 2–3], а также из «Алфавитно-предметного указателя к Новгородским Епархиальным Ведомостям за 25 лет (1875–1899)»: «Духовенству Новгородской епархии необходимо быть знакомым с распоряжениями как Святейшего Синода, так и местного Епархиального начальства, помещенными в Епархиальных ведомостях. <...> При отсутствии за многие годы оглавлений, пользование Епархиальными ведомостями сделалось весьма затруднительным. Желание облегчить это затруднение для духовенства епархии и вызвало составление настоящего указателя» [6].

Первоначально издание имело общий и местный отделы. В общем отделе публиковались указы Святейшего Правительствующего Синода, известия высшей государственной власти, распоряжения правительства, в местном – распоряжения епархиального начальства, сведения о перемещениях и вакансиях, годовые отчеты различных православных учреждений.

Общий отдел.

Венчание на царство, рождение высочайших особ, другие значимые события, происходящие в царском семействе, и связанные с этим изменения в церковной литургии помещали под рубрикой «Манифесты Высочайшие».

Под этой рубрикой в № 19 «Новгородские епархиальные ведомости» 1875 года помещена публикация, посвященная рождению княжны Ксении Александровны: «Святейший Правительствующий Синод <...> высочайше утвердить соизволил новую форму возношения на ектениях Высочайших Имен Августейшей Фамилии со включением имени ее Императорского Высочества, Высоконоворожденной Великой Княжны Ксении Александровны, – предложил при том и самую Высочайше утвержденную форму» [7. 1875. № 19. С. 14].

Публикации этой рубрики довольно часто имели прикладной характер для священнослужителей. В данном случае в ведомостях напечатана форма новой ектении, которая теперь должна была использоваться непосредственно на литургии.

Рубрика «Высочайшие повеления» включала документы Государственного Совета, утвержденные императором Александром III (1881 – 1894 гг.) и в основном касающиеся Новгородской епархии. Среди документов в 1889 году были опубликованы повеления «Об ответственности раскольников за совершение духовных треб для православных», «Об изменении порядка рассмотрения судебными местами дел о преступлениях против православной веры», «Об ограничении участия нехристиан в заведывании начальниками народными училищами» и др.

В разделе «Распоряжения Святейшего Синода» в 1889 году напечатаны следующие указы: «О содействии монастырей нуждам церковно-приходских школ», «О приведении в исполнение решений Епархиального начальства о причтах, повенчавших незаконные браки», «О точном соблюдении законной формы записи рождения и крещения лиц, прижитых вне брака», «О принятии некоторых мер против пьянства в народе», «О мерах к предупреждению лжеучений» и др.

Например, в № 2 за 1875 год опубликовано распоряжение, касающееся народного обычая украшать храмы и жилые дома в праздник Святой Троицы молодыми деревцами берез: «Святейший Синод определяет: поручить православному духовенству объяснять при всяком удобном случае прихожанам о вреде для лесного хозяйства от истребления молодых дерев березы и других пород для украшения храмов в некоторые праздничные дни, убеждать прихожан, чтобы они для украшения храмов в День Святой Троицы и в другие праздники употребляли цветы, кустарные и полукустарные растения, ветви дерев» [7. 1875. № 2. С. 11].

Из этих распоряжений становится понятно, что Православная Церковь стремилась влиять на духовную жизнь общества. Поэтому забота о просвещении и воспитании прихожан в духе православного вероучения входила в обязанность духовенства епархии.

Местный отдел.

В рубрике «Высочайшие награды» помещали информацию о том, кто из священнослужителей и лиц «светского звания» получил церковные награды. Как становится известно из заметок, священнослужителей в то время награждали орденами Святого Владимира, Святой Анны. Их вручали «за усердную и беспорочную службу». Как известно, в дореволюционной России приставки «бес» не существовало, так как само по себе слово «бес» считалось синонимом словам «дьявол», «сатана». Лицам «светского звания»: церковным старостам, новгородским мещанам и купцам вручали золотые и серебряные медали «за заслуги не служебные по церковному ведомству».

Под рубрикой «Распоряжения Епархиального начальства» печатали указы и постановления для обязательного исполнения их духовенством и церковнослужителями Новгородской епархии. Тематика распоряжений различна, рассмотрим основные направления.

– Публикации, служащие руководством в проведении церковных служб, в правильном исполнении обязанностей священноцерковнослужителей разных рангов: «в обязанности псаломщиков входит приготовление облачения для

настоятелей и уборка оного после Богослужений, исполнение клиростного чтения и пения, сопровождение настоятелей в приход для помощи при исправлении духовных треб, все письмоводство по церкви и приходу. Все же прочие мелкие послуги по церкви должны исполнять сторожа или вольные церковники <...> Но псаломщики должны иметь за всем этим наблюдение и в случае нужды не должны сами уклоняться от исполнения этих послуг» [7. 1875. № 17. С. 16].

– Материалы, посвященные правильному оформлению различных документов, отчетов, прошений и проч.: «о всех возвратившихся в православие раскольниках и сектантах, а также и о присоединении к православию иноверцев в продолжении года и о крещенных православными священниками детях иноверных родителей, церковные причты, не делая о каждом порознь особых донесений, должны представлять епархиальному начальству ведомость однажды в год. Правило это не распространяется на случаи замечательные, равно как на случаи присоединения вдруг значительного числа людей; о тех и других случаях церковные причты должны доносить преосвященному немедленно» [7. 1875. № 19. С. 19].

– Статьи на медицинскую тему рекомендательного характера о том, чтобы священники разъясняли своим прихожанам, что нужно делать, чтобы уберечься от таких заболеваний, как холера, оспа и др.: «4 сего апреля постановлено объявить чрез Епархиальные ведомости всем приходским священникам Демянского уезда, чтобы они своими пастырскими беседами с прихожанами в храме Божием, а также при исправлении треб в домах всячески старались искоренить в них вредное предубеждение против оспопрививания и в увещеваниях своих всеми мерами старались разъяснить существенную его пользу» [7. 1875. № 17. С. 18]. Из документа видно, что в обязанности священников входила и забота о здоровье прихожан.

– Сообщения о том, кому из священнослужителей «дозволено употреблять набедренник» во время церковной службы, здесь же объявлялись благодарности за пожертвования, а также давались разрешения на строительство или ремонт церковных сооружений: «Причту и старосте Мало-Вишерской церкви Крестецкого уезда разрешено произвести на их церкви следующие работы: 1) окрасить весь храм внутри, не исключая и алтаря, kleевою, а карнизы внутри масляной краской; 2) заложить кирпичом дверь, ведущую в храм с южной стороны; 3) устроить помещение для ризницы, для чего в первом ярусе колокольни поставить деревянную бревенчатую стену, и устроить в ризнице железную печь и 4) окрасить железную крышу на храме

медянкой, с употреблением на это 200 р. из текущих церковных доходов» [7. 1889. № 3. С. 18].

В разделе «Движения и перемены по службе» помещали информацию о повышениях в церковном звании, поступлениях в штатную службу при храмах, «увольнениях» в гражданское состояние: «послушники Нило-Сорской пустыни Иосиф Николаевский и Асигкрит Рождественский, за нетрезвость и самовольные отлучки из обители уволены в прежнее гражданское состояние» [7. 1889. № 2. С. 8].

Вакансии на должности священников, диаконов и псаломщиков помещались в рубрике «Праздные вакансии». Как видно из публикуемых здесь сообщений, церковнослужители требовались, в основном, в уезды.

В рубрике «Объявления» помещались рецензии на поступившие в продажу книги («Практическое руководство при отправлении приходских треб»), а также рекламные статьи о газетах и журналах, с указанием стоимости подписки, бесплатных приложений и скидок. Причем, издания не только православные (журнал «Воскресный день»), но и научно-популярные (журнал «Вокруг света»), политico-литературные («Газета А. Гатцука»), детские (журнал «Родник»).

В среднем каждая рекламная статья занимала полторы-две страницы и помещались они в первом и последнем номерах «Новгородских епархиальных ведомостей». Это связано с основной целью такой рекламы: заинтересовать читателя и побудить его оформить подписку на год.

Публикация объявлений не только православных изданий, но и светских вносила элемент светскости в епархиальное издание, что, безусловно, помогало читателям отвлечься от сугубо религиозных вопросов и по совету ведомостей (объявления были только о качественных изданиях) разнообразить свое чтение и быть в курсе политических, литературных и других новостей.

Публиковались также определения Сената, сообщения совета Новгородского епархиального братства, отчеты и подробные счета о расходах сумм училищ, приходских школ и религиозных учреждений.

Иногда можно было прочитать совершенно неожиданную сенсационную информацию, как, например, предостережение о мошенничестве в статье «О письмах и возвзаниях, рассылаемых от мнимых подвижников Святой Афонской горы». «Подвижниками» оказались лица податного сословия и отставные солдаты. На вырученные от пожертвований деньги «одни покупают себе виноградники и занимаются торговлею, другие же, оставляя в келии своих учеников, которые высылают им получаемые пожертвования, сами проживают

в России, преимущественно в Одессе, или в Константинополе, где ведут жизнь, не соответствующую иноческому чину и зазорную, служа соблазном для православных христиан и возбуждая справедливые нарекания со стороны духовенства» [7. 1888. № 14–15. С. 123].

В некоторых публикациях рассказывалось о нестроениях, существовавших в Новгородской епархии: «Иеродиакону Старорусского монастыря Паисию, за нетрезвость, сопровождавшуюся нетрезвыми поступками, и за оскорбление им своего настоятеля, запрещено священнослужение и ношение монашеской одежды впредь до искреннего раскаяния и совершенного исправления поведения, при чем перемещен он из Старорусского в Опеченский монастырь, под строжайший надзор настоятеля» [7. 1889. № 6. С. 37]. Сообщения такого рода подчеркивали то, что Епархиальные ведомости не скрывали от своих читателей информацию негативного характера.

Алфавитно-предметный указатель к «Новгородским епархиальным ведомостям» позволяет проанализировать основную тематику статей, опубликованных в период с 1875–1893 гг. в официальной части. Автор указателя неизвестен, предисловие подписано инициалами С. К. Я.

Указатель включает только официальные распоряжения и состоит из трех разделов: распоряжения, помещенные в официальной части, распоряжения, помещенные в неофициальной части, формы и правила, не публиковавшиеся в ведомостях. Материал в предметных рубриках первого и второго раздела сгруппирован хронологически.

Можно обозначить шесть основных тем: о духовных, епархиальных женских, начальных народных и др. училищах (более 100 статей); о церковных заведениях (17 статей); об инфекционных заболеваниях, мерах предосторожности и лечения (12 статей); публикации об открытии и функционировании больниц (3 статьи); о борьбе с пьянством (3 статьи); о расколе и сектантстве (3 статьи).

В публикациях об учебных заведениях помимо учебных программ, новостей о введении новых предметов, сведений о вступительных испытаниях ведомости помещали информацию о нравственном воспитании учащихся, о том, как родители должны заботиться о своих детях, поступивших в училище.

Например, об обязанностях родителей, снимавших квартиры для детей – учащихся Старорусского духовного училища, в издании писалось: «Родители учеников, помещая детей своих на наемных квартирах, должны избирать квартиры возможно просторные и снабжать детей своих как особою кроватью

для каждого, так и всеми необходимыми спальными принадлежностями» [7. 1888. № 3. С. 87].

Также на страницах ведомостей священноцерковнослужители – родителям учащихся духовных училищ – могли прочитать, что, согласно определению Святейшего Синода от 20 октября 1876 года, ждало учеников, несвоевременно возвратившихся в духовное училище из отпусков по болезни: «а) учеников выпускного класса духовных училищ, не являющихся по болезни на уроки в течение целого учебного года или большей части онаго и сдавших неудовлетворительно испытание, не считать окончившими полный курс училища; б) таковым выдавать свидетельства наравне с увольняемыми, не воспрещая оставаться на повторительный курс в 4 классе; если будут вакансии и не встретится препятствий со стороны способностей и поведения; в) учеников всех классов училища, не являющихся в оное по болезни, числить в списках не более года, а затем увольнять; г) выбывших по болезни и возвращающихся в училище в том же году, принимать в прежние классы без испытания; если же они возвращаются в училище после окончания учебного года, то принимать их не иначе, как по испытанию» [7. 1876. № 23. С. 13].

Эта информация, достаточно ценная для духовенства Новгородской епархии, теперь с появлением «Новгородских епархиальных ведомостей» попадала во все даже самые отдаленные приходы, что, несомненно, облегчило задачу консистории и усовершенствовало процесс оповещения учащихся и их родителей о важных распоряжениях и изменениях в учебном процессе.

Можно сделать вывод, что в официальной части ведомости стремились информировать священников и других церковнослужителей об опасных «заразных» заболеваниях, следовательно, были социально направлены. Кроме того, на страницах издания публиковались материалы об открытии больниц, рекомендации священникам, как предостерегать своих прихожан от заболеваний холерой, тифом, разъяснять важность прививания от некоторых из них, и даже о том, как заботиться о домашнем скоте.

Например, в определении консистории «О молебствиях для прекращения эпидемии сибирской язвы» говорится о том, каким образом необходимо собирать скот для окропления его во время молебна святой водой: «Не следует дозволять жителям собирать скот в одно место, безразлично здоровый и больной, а непременно заболевших животных отделять от здоровых и не допускать между ними сообщения» [7. 1882. № 13. С. 12].

Публикации издания показывают, что для ведомостей имеет большое значение проблема пьянства народа, а также раскольнические и сектантские

движения, с которыми издание вело борьбу. С 1894 г. статьи на эти темы перемещаются в неофициальную часть.

Исследования, посвященные истории храмов, церквей, монастырей, до появления неофициальной части также публиковались в официальной. Здесь же можно было найти молитвы, сведения о праздничных службах и молебствиях и др.

Уже в первые годы издания Епархиальных ведомостей в них появляются материалы о войне 1877–1878 гг., исследовательские работы новгородских краеведов и другие статьи, нередко носящие публицистический характер. Такие публикации не соответствовали информационному характеру официальной части.

Но неофициальная часть, в которой «Новгородские епархиальные ведомости», как видно, нуждалась уже в первое десятилетие издания, в силу различных причин появилась только спустя 20 лет. В первую очередь мнения о необходимости появления неофициальной части не разделяли редактор Н. Бернадский и правящий архиерей митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор, которые видели главную цель издания Епархиальных ведомостей в информировании духовенства епархии о новых постановлениях высшей и местной церковной власти. Кроме того, с появлением неофициальной части объем издания увеличивался бы по меньшей мере вдвое, а это повлекло бы за собой и увеличение стоимости годовой подписки, что было нежелательно для духовенства епархии.

Говоря о влиянии епархиального владыки на издание ведомостей, отметим, что согласно правилам, остававшимся неизменными до 1917 года, он не только назначал и смешал редактора, цензора и других ответственных за издание должностных лиц, но также оказывал определенное влияние на структуру и содержание епархиальных ведомостей. Судя по архивным материалам фонда Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода, только он имел право подавать представления в Святейший Синод с различными просьбами: разрешить издавать епархиальные ведомости, изменить структуру издания, периодичность выхода и др.

На тот момент Епархиальные ведомости, несмотря на общую программу, отличались друг от друга структурой издания: одни состояли только из официальной части и публиковали, в основном, циркуляры Святейшего Синода и правительственные документы («Новгородские епархиальные ведомости», «Нижегородские епархиальные ведомости», «Симбирские епархиальные ведомости»), другие имели и неофициальную часть («Смоленские

епархиальные ведомости», «Самарские епархиальные ведомости»), где помещали материалы исторического, краеведческого, миссионерского характера.

Наличие неофициального отдела, разумеется, делало издание более интересным, и могло привлечь новых читателей, как среди священнослужителей, так и среди мирян. Как объяснялось в статье «От редакции» [7. 1894. № 1. С. 17–23] в первом номере за 1894 год, после издания «Церковных ведомостей при правительстве Святейшем Синоде» (1888) общий отдел в «Новгородских епархиальных ведомостях» оказался «вовсе излишним» [7. 1894. № 1. С. 17]. Это сократило бы объем издания и чрезвычайно сузило его цель. В то время как «при ограниченном количестве доступных епархиальному духовенству книг для чтения, и особенно органов литературы периодической, – оно желало бы в Епархиальных Ведомостях иметь материал для домашнего чтения» [7. 1894. № 1. С. 18]. Редакция позиционировала издание как «специальный особенный орган местной епархиальной жизни» [7. 1894. № 1. С. 18]. При этом подчеркивалось, что «издание Епархиальных Ведомостей имеет значение для всей епархии и в этом смысле является общим делом. И чем большее количество сил в нем будет принимать участие, тем оно будет успешнее и тем больший интерес и пользу может приносить епархиальному духовенству» [7. 1894. № 1. С. 23].

Правящий архиерей влиял не только на появление неофициальной части, но и на состав редакции и содержание Епархиальных ведомостей, тем самым выполняя функции главного редактора.

Помимо этого, как сообщают исследователи церковной периодической печати XIX века, епархиальный преосвященный согласно распоряжению Святейшего Синода с начала выхода Епархиальных ведомостей обязан был назначать для них цензора из представителей местного духовенства [8]. Отметим, что до 1894 года «Новгородские епархиальные ведомости» были освобождены от предварительной духовной цензуры. Об этом свидетельствует тот факт, что распоряжений Святейшего Синода о назначении цензором «Новгородских епархиальных ведомостей» кого-либо из представителей местного духовенства издано не было.

Это находит подтверждение в статье «Епархиальная цензура», опубликованной в «Церковно-общественном вестнике» в 1880 году. В статье говорится о том, что Епархиальные ведомости, издаваемые при духовных академиях в Киеве и Казани, подлежали академической цензуре, все остальные подвергались предварительной цензуре. Но на 1880 год исключения составляли

пять изданий: «Новгородские епархиальные ведомости», «Нижегородские епархиальные ведомости», «Симбирские епархиальные ведомости», официальные части «Смоленских» и «Самарских епархиальных ведомостей». Объясняется это тем, что первые три на тот момент состояли только из официального отдела и к тому же издавались представителями консисторий [9]. У всех остальных епархиальных ведомостей предварительной цензуре подвергались как официальная, так и неофициальная части (у «Смоленских» и «Самарских епархиальных ведомостей» – только неофициальные части).

Однако новгородское епархиальное издание наверняка имело последующую цензуру. Можно предположить, что цензором по общему правилу был правящий архиерей – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский).

Подводя итог, отметим, что в первое двадцатилетие существования «Новгородские епархиальные ведомости» состояли только из официальной части (с 1894 г. ведомости начинают издаваться в двух частях: официальной и неофициальной). Однако необходимость в появлении неофициальной части обусловлена была тем, что помимо публикации документов и распоряжений церковной власти, здесь появляются материалы новгородских авторов, носившие, нередко, публицистический характер.

Руководил изданием на протяжении этого времени бессменный редактор, секретарь Новгородской духовной консистории Н. Бернадский. И только во второй половине 1893 года редакторами становятся вновь назначенные секретари консистории В. Т. Серпухов (редактировал 4 номера) и Н. Журавский (редактировал 12 номеров).

1894–1905 гг. как информационно-публицистическое издание

Спустя 20 лет существования в «Новгородских епархиальных ведомостях» наконец происходят существенные изменения, определившие дальнейшее более успешное существование издания – появляется неофициальная часть, а вместе с ней и новые рубрики. Можно выделить несколько причин, способствовавших появлению неофициальной части.

Во-первых, увеличение числа раскольников и появление новых сект в епархии, свидетельствующие о слабой миссионерской деятельности. В данном случае ведомости могли служить связующим звеном между епархиальными миссионерами и священниками, которых эта проблема касалась больше всего. На страницах епархиальных ведомостей в неофициальной части у них появлялась возможность обсуждать способы борьбы с противными православию учениями, обмениваться советами и мнениями.

Во-вторых, на тот момент в ведомостях стали публиковаться достаточно важные материалы местного характера (исторические и краеведческие исследования, статьи поучительного содержания, сведения о церковных торжествах и др.), авторами которых были новгородские священноцерковнослужители, сотрудники Новгородской духовной консистории, преподаватели Новгородской духовной семинарии и духовных училищ. Публикации подобного рода по форме и содержанию не вписывались в информационный характер строгой официальной части. По аналогии с другими епархиальными ведомостями, в которых такие материалы располагались в неофициальной части, и решено было создать для таких публикаций неофициальную часть.

В-третьих, стремление редакции епархиальных ведомостей расширить читательскую аудиторию, сделать ведомости интересными не только для священников, но и для прихожан. В этом смысле официальные документы, касающиеся исключительно духовенства, были неинтересны для паствы. В то же время напечатанные в неофициальной части исторические, краеведческие материалы, рассказы о событиях, происходящих в епархии, вполне могли заинтересовать и эту аудиторию. Кроме того, это могло привлечь в епархиальные ведомости новых авторов.

Подготовка к преобразованиям в структуре и редакционном составе издания началась весной 1893 года. В мае на должность секретаря консистории и редактора ведомостей, сменив Н. Бернадского, сначала был назначен В. Т. Серпухов, а затем в июле его сменил Н. Журавский. Коротко отметим, что

увольнение прежнего редактора и назначение новых произошло вследствие смены правящего архиерея. Осенью 1892 года обширная епархиальная область, прежде находившаяся в ведении одного митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского и Финляндского, была разделена между тремя самостоятельными владыками.

Высочайшим указом от 21 ноября 1892 года архиепископом Новгородским и Старорусским, сменив митрополита Исидора (Никольского), был назначен высокопреосвященный архиепископ Владимирский Феогност (Лебедев). Он возглавлял Новгородскую епархию до самой смерти 13 августа 1900 г. По его настоянию и при его непосредственном участии епархиальные ведомости и получили неофициальную часть [9, с. 237].

Очередные изменения в редакторском составе издания, а также возможность и целесообразность появления неофициальной части обсуждались в Новгородской духовной консистории летом 1893 года. По решению консистории в Святейший Синод было направлено ходатайство архиепископа Новгородского и Старорусского Феогнosta с просьбой о разрешении внести изменения в структуру и состав редакции «Новгородских епархиальных Ведомостей».

После утверждения Синодом уведомление об изменениях в новгородском издании было передано в канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода. Откуда 23 августа 1893 года поступило в канцелярию Главного управления по делам печати: «Святейший Синод, согласно ходатайству Преосвященного Новгородского, разрешил издавать с 1894 года “Новгородские епархиальные ведомости” в двух отделах – официальном и неофициальном с назначением редактором первого – секретаря Новгородской духовной консистории и редактором второго – преподавателя Новгородской духовной семинарии Степана Успенского и с возложением обязанностей цензора на ректора сей же Семинарии» [5. Л. 4].

В результате официальную часть с 1894 года редактировал секретарь консистории Х. Попов, неофициальную – преподаватель семинарии С. А. Успенский.

Говоря о цензуре епархиальных ведомостей, отметим, что появившаяся в 1894 г. предварительная цензура не освобождала ведомости от цензуры последующей. Поэтому начиная с этого времени «Новгородские епархиальные ведомости» находились под двойным цензурным контролем: правящего архиерея и духовного цензора.

На должность епархиальных цензоров «Новгородских епархиальных ведомостей» Святейший Синод назначал только ректоров Новгородской духовной семинарии, которыми были высокообразованные монашествующие священнослужители в сане архимандрита. На момент прибытия в Великий Новгород большинство из них уже имели опыт ректорства в других духовных семинариях. Некоторые были удостоены высших государственных и церковных наград.

Отметим и тот факт, что по данным «Церковно-общественного вестника» на 1880 год епархиальные цензоры принадлежали, преимущественно, к белому духовенству: из черного духовенства известен только один епархиальный цензор [8. 1880. № 60. С. 2].

Можно предположить, что то обстоятельство, что редактором «Новгородских епархиальных ведомостей» был светский человек с духовным образованием, но не посвященный в духовный сан, а цензором – монашествующий священнослужитель, а не наоборот, как было в других епархиальных ведомостях, способствовало появлению элемента светскости в неофициальной части, выражавшегося в некоторых публикациях и рекламных материалах.

С появлением неофициальной части «Новгородские епархиальные ведомости» в два раза увеличились в объеме и значительно расширили тематику публикаций. Помимо официальных новостей, публикаций Святейшего Синода и епархиального начальства, ведомости этого периода стремились освещать все важнейшие церковные события в России и Великом Новгороде, деятельность церковных школ, училищ, семинарии, обращались к историческому прошлому Новгородской епархии: древнейшим храмам, монастырям, иконам – святыням новгородской земли, печатали сообщения епархиальных миссионеров.

Официальная часть по-прежнему была информативной. Продолжали печатать высочайшие манифесты, повеления, награды, распоряжения и определения Святого Синода, распоряжения по епархиальному управлению. Следует отметить, что на фоне общего увеличения номера в среднем до 70 страниц официальная часть сократилась до 2–3 страниц, что, безусловно, усовершенствовало издание и могло пробудить к нему читательский интерес не только в среде священноцерковнослужителей.

Неофициальная часть состояла из двадцати основных рубрик, большинство из которых встречались в каждом номере. Многие рубрики неофициальной части берут свое начало в официальной.

Четыре из них были посвящены событиям и торжествам государственного масштаба: «Выдающиеся общегосударственные события и торжества», «Церковно-религиозные торжества», «Общецерковная жизнь», «Из жизни других епархий». В двух других рубриках «Слова, беседы, поучения, речи» и «Статьи религиозно-нравственного содержания», сходных по содержанию, можно было почерпнуть сведения о состоянии духовно-нравственной жизни как в новгородской епархии, так и в Российской империи в целом.

В рубрике «Слова, беседы, поучения, речи», в основном, печатались слова и проповеди наиболее авторитетных деятелей Православной Церкви. Так в начале 1903 года здесь было опубликовано слово о. Иоанна Кронштадтского, сказанное в день празднования Крещения Господня, под названием «Что значит крестный ход на Иордань».

В слове о. Иоанн объясняет значение обряда: «Церковь не занимает никого и не занимается праздными зрелищами; она совершает святой воспоминательный обряд, вызываемый потребностью самой природы, или естества стихий – воды и воздуха, оскверняемых и растлеваемых непрестанно грехами человеческими, и потребностью самих людей, живущих в воздушном пространстве на оскверненной грехами земле и имеющими непрестанную нужду в здравой воде» [7. 1903. № 1. С. 7].

В этой рубрике печатались сведения, которые священники могли в дальнейшем использовать и в своих проповедях. К 1905 году здесь начинают публиковать, по преимуществу, «наиболее выдающиеся», по мнению редактора и правящего архиерея, проповеди представителей новгородского духовенства.

Проблемы религиозно-нравственной жизни поднимались в рубрике «Статьи религиозно-нравственного содержания». В публикациях авторы ссылались на мнения и высказывания наиболее видных представителей Православной Церкви. Поэтому особенность материалов данной рубрики – достаточно большое количество цитат в тексте.

В основном, здесь помещали материалы, перепечатанные из других изданий. Например, статья «Достоевский о вере и неверии» практически полностью была перепечатана из «Исторического Вестника». В статье поднималась проблема атеистических взглядов, все больше захватывающих представителей разных сословий в Российской империи, и давалась оценка этому явлению Ф. М. Достоевским: «Знаете, что? – говорил Достоевский г. Зеленецкому, заявившему о своем неверии. – Я бы и вас, и всех молодых людей с вашими взглядами сослал бы на каторгу. От народа вы там научились бы веровать в Бога и чтить святую правду Его» [7. 1903. № 1. С. 48–49].

С развитием неофициальной части в этой рубрике все чаще стали появляться материалы, авторами которых становились сотрудники редакции. Так в 1903 году была опубликована редакционная статья «Современные грехи», основанная на поучениях о. Иоанна Кронштадтского, изданных Православным Русским Словом. Выбор такого названия для статьи объяснялся просто: так было названо одно из поучений о. Иоанна, которое и навело авторов на мысль собрать весь материал «на эту столь живую и важную тему и поделиться им с нашими читателями» [7. 1903. № 1. С. 8].

Актуальность данной публикации именно в январе – первом месяце нового года – обосновывалась тем, что «новый год невольно заставляет нас осмотреться вокруг и около себя и особенно следует быть внимательным к жизни и всем ее течениям пастырю, дабы уметь стоять на высоте своего положения и вовремя подметить и пастырски повлиять на что следует, как требует того пастырский долг» [7. 1903. № 1. С. 8].

Далее в статье перечислялись «недуги современной действительности»: «безверие, пьянство, плутовство, ложь и обман, страсть к наживе или из-за неудовлетворенной плотской любви, страсть к игре, хищение, мздоимство, себялюбие, которое желает исключительно, чтобы только ему было хорошо, богато и весело, а другие хоть с голода умирай» [7. 1903. № 1. С. 8–9]. В статье используется достаточно большое количество выразительных приемов, что свидетельствует о публицистичности данного материала. В приведенной цитате используется прием нагнетания.

Вслед за о. Иоанном авторы отмечают, что «многие мании ныне можно подметить среди людей. Большинство ныне только и думает, что о земном счастье, о множестве денег, о модных одеждах, о великолепном убранстве домов, о разнообразной и красивой посуде, о званых обедах, вечерах, пирах, о картежной игре, о танцах, о театре, о разных удовольствиях и прочем суетном времяпрепровождении. Не ясно ли, как измельчали, как опошлились и выветрились наши интересы, на что разменялись наши так называемые «жгучие», «больные» вопросы, к чему свелась «злоба дня» в наше время!» [7. 1903. № 1. С. 9].

Помимо уже упомянутого приема нагнетания, в материале используются и другие выразительные средства – риторические вопросы и восклицания, метафоры: «Никогда так неверие и глумление над верою и св. Церковью не захватывало интеллигенцию, как теперь, никогда хищничество так дерзко не налагало свою руку на чужое имущество, как теперь, никогда растрата благоприобретенного предками имения не была так безумна, как теперь,

никогда браки так не помыкались и не попирались, как теперь, никогда целость природы физической и духовной не ценилась так низко, как теперь, никогда пьянство не было так сильно, как в наш цивилизованный век. Что может исправить нас?» [7. 1903. № 1. С. 10].

Публикация располагалась на 9 странице – практически в самом начале неофициальной части, что говорит о ее важности. Ее значимость также подтверждает тот факт, что она отражает взгляд на проблему от лица редакции, а не отдельного автора. Характер и объем публикации (982 слова) по жанру напоминает статью, написанную в публицистическом стиле: авторы соглашаются с о. Иоанном, который называл XIX век «веком неверия и разврата», и приводят свои доводы.

Публикации, посвященные непосредственно Новгородской епархии, печатали в четырнадцати рубриках: «Из богослужебной практики и руководственные статьи», «Братства», «Из жизни епархиальной», «Статьи исторического содержания», «Комитеты и общины», «Курсы», «Святые подвижники и угодники Новгородские», «Попечительства приходские», «Церковно-приходские школы», «Сведения об умерших священноцерковнослужителях и некрологи», «Отдел о старообрядчестве и сектантстве», «Эмеритура», «Юбилеи и биографические очерки», «От редакции».

Эти рубрики представляют наибольший интерес, так как в них были опубликованы статьи и документы исторического и краеведческого характера: обозрения поездок архиереев и их дневники, содержащие описание приходов и характеристику священнослужителей; дневники и отчеты о миссионерских поездках; этнографические заметки, относящиеся к местному населению; исторические статьи о епархиальных учреждениях, о духовно-учебных заведениях, о монастырях, о приходах и об их святынях; жизнеописания местных святых и подвижников благочестия, некрологи, воспоминания.

Отметим, что не все из перечисленных рубрик встречались в каждом номере, поэтому остановимся лишь на некоторых из них.

В рубрике «Из богослужебной практики» публиковались достаточно важные для священноцерковнослужителей материалы. Например, статьи иеромонаха Михаила «Как молится истинный пастырь?», С. Н. Успенского «О домостроительстве спасения людей через Господа нашего Иисуса Христа» и др. В статьях давались указания, как наставлять паству, как вести себя священникам в той или иной ситуации, подсказывалось, как решать некоторые приходские проблемы.

Рубрика «Братства» содержала сведения об очередных собраниях православных братств Новгородской епархии, отчеты об их деятельности, материалы, посвященные празднованиям памятных дат и др.

В январском номере за 1903 год была опубликована статья, посвященная семнадцатой годовщине новгородского братства Святой Софии. Из статьи видно, как осуществлялась подготовка к празднованию памятных дат: накануне служили заупокойную литургию, после нее – панихиду о почивших членах братства, вечером того же дня совершали всенощное бдение, а утром в сам праздник служили Божественную литургию, возглавляя которую сам новгородский владыка при участии соборного и городского духовенства.

После литургии по обыкновению проводили собрание, на котором обсуждались проблемы братства и подводился итог его деятельности. Представленный на собрании отчет с подробным указанием прихода и расхода братских сумм показал, что «деятельность Братства в минувший год не только не ослабела, но с помощью Божией идет вперед и обнаружила за отчетное время даже более видные и обязательные плоды, чем прежде» [7. 1903. № 2. С. 79].

В конце собрания сообщалось о наиболее существенных достижениях, произошедших за минувший год. Об одном из таких достижений – массовом присоединении раскольников к православию в Быстровережском приходе – рассказал епархиальный миссионер иеромонах Варсонофий. Он заверил собравшихся, что это событие «обещает в корне подорвать упорно гнездившийся раскол в этой местности Старорусского уезда, и вызовет необходимость открыть новый единоверческий приход в епархии, как это случилось в минувший до отчетного год в беспросветной раскольнической местности – Наронове Крестецкого уезда» [7. 1903. № 2. С. 79]. Как можно узнать из дальнейших отчетов миссионера Варсонофия, также опубликованных в «Новгородских епархиальных ведомостях», его предположения оправдались и в конце 1903 года в Старорусском уезде был открыт новый единоверческий приход.

В рубрике «Церковно-приходские школы» сообщали о событиях, происходящих в церковно-приходских школах. Например, в статье «Рождественская елка» рассказывалось о детском празднике, организованном в образцовой школе при Деревяницком училище, в первый день нового года. На празднике присутствовали не только дети, обучающиеся в школе, но и оставшиеся на святыни воспитанницы епархиальных училищ, многие из прежних учеников школы, а также взрослые родные воспитанников. Из статьи мы

узнаем, как была украшена праздничная комната: посередине стояла елка, наряженная разноцветными свечами и игрушками, подарками и гостинцами. Кроме того, на особом столе лежали предназначенные к раздаче платки, ленточки, гребенки, тетради, карандаши и книжки, а также разные сладости в особой корзинке.

Далее автор описывает, как проходил сам праздник: «Дети стройно пропели тропарь праздника и ирмос: «жезл из корене Иесеева»... Когда все расселись по местам, был указан смысл украшенной елки для христианина, наглядно представляющий образы, заключающиеся в песни: «жезл из корене Иесеева»..., что самая елка, как бы вросшая в школьной комнате, служит некоторым символом прозябшего, родившегося от Пречистой Девы Христа Царя – Источника жизни и бессмертия; ликующие дети могут напоминать ту необыкновенную радость, которую вызвало в людях рождество Христово; свечи, горящие на елке, могут напоминать тот свет, ту славу Господню, которая в ночь рождества Христова осияла бывших в поле Вифлеемских пастырей; звезда на елке может напомнить ту звезду, которая привела волхвов ко Христу и научила поклониться Ему, Солнцу правды; подарки, раздаваемые у елки, – могут с одной стороны напомнить дары, принесенные спасителю волхвами, а с другой – служить образом неизреченных милостей, принесенных Спасителем мира» [7. 1903. № 1. С. 28–29].

Стиль и структура этого материала напоминают репортаж. В этом тексте присутствуют основные признаки, характерные для данного жанра.

Во-первых, автор использует яркие и образные описания, чтобы передать читателю живую картину праздника. Он описывает детали и действия, закладывая основу для визуализации происходящего.

Во-вторых, текст имеет последовательную структуру и логическое развитие событий: делается краткое описание происходящего, представляются конкретные факты, относящиеся именно к этому событию.

В-третьих, автор приводит точные цитаты, прозвучавшие на праздновании Рождества, слова песен, что позволяет читателю окунуться в обстановку и почувствовать атмосферу происходящего.

В целом, данный текст действительно напоминает репортаж, так как в нем присутствуют все характерные особенности данного жанра журналистики. Это делает его интересным и захватывающим для читателя, позволяя ему прочувствовать и понять описываемые события.

Из статьи мы узнаем, каков был обычай дореволюционного празднования Рождества Христова, что символизировали для православного человека елка,

горящие на ней свечи и звезда, подарки и детская радость. Эта рубрика Епархиальных ведомостей могла быть интересной для детской и юношеской аудитории, и это приближало публикации рубрики епархиального издания к популярным изданиям для семейного чтения.

Основным автором материалов «Отдела о старообрядчестве и сектантстве» был епархиальный миссионер иеромонах Варсонофий, который начал публиковаться в местном епархиальном органе с 1903 года. Результатом его многолетней миссионерской деятельности был переход многих старообрядцев в единоверие, открытие нескольких единоверческих храмов. В них о. Варсонофий и сам часто служил по древнему чину, со знанием всех особенностей старого богослужения, что, несомненно, вызывало к нему еще большее доверие старообрядцев. После одной из таких служб к единоверию присоединилось сразу 141 человек.

Поздравляя богомольцев с освящением Виджинской единоверческой церкви в Старорусском уезде 10 октября 1904 г., о. Варсонофий сказал: «Братие – единоверные, креститесь вы, как внушает вам ваша собственная совесть двуперстно! Ходите посолонь, как вы привыкли и желаете ходить! Читайте молитвы и пойте священные песнопения, как привыкло к ним ваше ухо <...>, но только помните, что все это хорошо и спасительно лишь в единении со Святой Христовою Вселенскою Церковью!» [7. 1904. № 21. С. 1407]. Отметим, что публикации иеромонаха Варсонофия впоследствии не раз получали высокую оценку новгородских архиереев Феогноста (Лебедева) и Арсения (Стадницкого).

Подробного рассмотрения заслуживают рубрики «Из жизни епархиальной», «Статьи исторического содержания», материалы которых можно рассмотреть по некоторым основным критериям: место публикации в ведомостях, объем публикации, композиция, актуальность темы, жанровые особенности, образность языка и использование стилистических приемов.

В этих рубриках публиковались основные авторы этого периода – священник Иоанн (Белоликов), новгородские исследователи В. Н. Фиников, К. Я. Здравомыслов.

В разделе «Из жизни епархиальной» сообщали о прибытии преосвященных архипастырей и посещении ими учебных заведений, информировали о новых назначениях, встречах и проводах начальствующих лиц, рассказывали о знаменательных событиях в жизни епархии, праздниках, паломничествах и др.

В 1902 году здесь была опубликована статья священника Чуровского прихода, Череповецкого уезда Иоанна Белоликова под названием «Примерное

усердие к храму Божию», посвященная новому храму, построенному в деревне Плешаково. Материал располагался практически в самом начале неофициальной части, что говорит о значимости данного события для Новгородской епархии.

Рассматривая композицию статьи, отметим, что в качестве завязки материала использован информационный повод – открытие в 1901 году в деревне Плешаково Чуровского прихода Череповецкого уезда нового православного храма, освященного в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Автор говорит об уникальной истории создания данного храма: «Ныне часто слышим о создании храмов Божиих. Но устройство Плешаковского храма выходит из ряда тем, что труды по его созданию вынес с честию один старец не богатый материально, но сильный духом, верою и благочестием и необыкновенным усердием и энергией в деле <...> Храм создан исключительно усердием крестьянина дер. Плешакова Василия Осиповича Шубы с помощью сына Ивана. <...> Сам Шуба с сыном рубил лес, на своих плечах его вывозил и сам опять сложил в дом до последнего бревна» [7. 1902. № 4. С. 102].

Далее автор рассказывает о том, как происходило освящение храма. Кульминацией статьи является тот момент, когда во время строительства семидесятичетырехлетнему В. О. Шубе пришлось столкнуться с местными раскольниками, принадлежавшими к течению Спасова согласия, которые решили в противовес крестьянину по соседству построить молельный дом: «Шуба трудился один, а они целым обществом, и моленна очень скоро была готова и приступила к отправлению своих функций, между тем до освящения храма было еще очень далеко. Грустно было старику видеть ослепление своих соседей, а особенно обидно выслушивать разного рода грубые насмешки и выходки против себя. А тут еще приключилась болезнь, настолько серьезная, что старика уже соборовали. Очень усердно он просил Бога дать ему возможность дожить до освящения храма и Господь исполнил его молитву» [7. 1902. № 4. С. 102].

Автор приходит к выводу, что на таких людях, как В. О. Шуба, «держится деревня»: «Да поистине дай Бог побольше таких людей, просто, но глубоко верующих!» [7. 1902. № 4. С. 103].

По жанру данная публикация тяготеет к статье (862 знака), написанной в публицистическом стиле и направленной в первую очередь на убеждение аудитории в ошибочности учения раскольников. В статье автор использует выразительные средства: риторические вопросы и восклицания («Да поистине

дай Бог побольше таких людей, просто, но глубоко верующих!»), метафоры («нужды родного крестьянства», «сильный духом и верою», «работа закипела», «на своих плечах вывозил») и др. Статья насыщена оценочной лексикой, обладающей сильной эмоциональной окраской, которая использовалась с целью оказывать воздействие на эмоции читателей, в то же время она содержит и точные документальные сведения.

Этот журналистский жанр является одним из самых крупных и значимых, играет важную роль в информировании общества о самых актуальных и важных событиях, а также в анализе и интерпретации событий.

В этот период в «Новгородских епархиальных ведомостях» начинает печататься только что закончивший Санкт-Петербургскую духовную академию магистр богословия, а в будущем крупнейший новгородский историк и краевед В. Н. Фиников. Его курсовое сочинение «Новгородская епархия в первой половине XVIII века», основанное на документах архива Новгородской духовной консистории, Советом академии было признано лучшим с присуждением денежной награды и частично опубликовано в епархиальных ведомостях летом 1896 г. На протяжении 1899–1900 гг. на страницах ведомостей в качестве приложения печатается исследование В. Н. Финикова «Екклезиаст».

Другой крупный новгородский исследователь – архивариус архива и библиотеки Святейшего Синода К. Я. Здравомыслов в течение 1896–1897 гг. публикует статьи, которые в 1897 г. были собраны в отдельный труд и вышли отдельной книгой «Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки». Важность этого исследования в том, что оно, основанное на архивных документах, охватывает 900 лет существования Новгородской епархии, подробно рассказывает о 62 новгородских владыках и 52 викарных епископах. Это единственная известная нам работа конца XIX века, посвященная исследованию биографий иерархов Новгородской епархии – одной из старейших епископских кафедр.

Серия материалов К. Я. Здравомыслова под общим названием «Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени» публиковалась в рубрике «Статьи исторического содержания».

В одной из статей, посвященной процессу отделения Новгородской епархии от Санкт-Петербургской, автор говорил о том, что проблема отделения широко обсуждалась в обществе, и большинство склонялось к выводу, что отделение необходимо и в интересах Православной церкви, и в интересах Новгородской епархии. В подтверждение такой точки зрения автор приводит

следующие доводы: «Новгородская епархия заключает в себе 107 499 кв. верст. На этом пространстве живет более 1 200 000 человек. В ней имеется до 1000 церквей, из них до 700 приходских и около 2000 священноцерковнослужителей; 32 мужских и женских монастыря с 400 монашествующими; одна духовная семинария, 6 мужских духовных училищ и одно женское – в 2-х местах; всех учащихся в мужских и женских учебных заведениях более 1200 человек с соответствующим этому количеству и учебным персоналом. Вот данные, красноречиво указывающие на необходимость иметь отдельного самостоятельного епископа, который жил бы среди многочисленной и чрезвычайно разбросанной своей паствы, имел бы с ней непосредственное общение, видел бы и знал все ее нужды, все ее слабости, непрерывно бы заботился об удовлетворении духовных ее потребностей и боролся бы с недостатками» [7. 1897. № 1. С. 32].

Автор отмечает, что отделение необходимо было еще и потому, что отсутствие в Новгородской епархии самостоятельного епархиального архиерея отрицательным образом отражалось на епархиальных делах, о чем становится известно из отчетов преосвященных викариев Анастасия, Владимира и Антония, напечатанных в епархиальных ведомостях. Деятельность духовенства в этих отчетах отмечена не особенно привлекательно: «Библиотек при церквях очень мало, больниц и богаделен при церквях и монастырях тоже почти нет. Миссионерская деятельность духовенства, несмотря на существование в епархии многочисленного раскола, весьма слаба и в 1889 г. присоединено было к православию всего только 19 раскольников (всеподданнейший отчет г. Обер-прокурора Святейшего Синода)» [7. 1897. № 1. С. 33].

Еще одним доказательством в пользу отделения Новгородской епархии от Санкт-Петербургской был тот факт, что при соединении двух епархий в 1775 г. руководствовались, главным образом экономическими соображениями: «Санкт-Петербургская епархия была в то время еще очень малочисленна, лавра ее, только что лишившись монастырских имений, сравнительно бедна и потому у санкт-Петербургских архиереев было мало дела и недостаточно средств; в настоящее время экономические условия значительно изменились к лучшему как в Петербурге, так и в Новгороде, и местных средств будет совершенно достаточно для двух отдельных епархиальных архиереев» [7. 1897. № 1. С. 33].

В достаточно объемной статье (1567 слов) К. Я. Здравомыслов последовательно доказывает свое мнение, выдвигая аргументы по нарастанию их значимости. Помимо документально-факторической точности, автор также использует и экспрессивно окрашенную лексику, которая способствует

убеждению читателей в правоте автора. Сочетание таких выразительных средств, как нагнетание и риторические вопросы («Но разве можно назвать подобный способ управления епархией вполне нормальным и целесообразным? Да, наконец, возможно ли вообще на одно лицо возлагать такую массу дела, какая возлагалась до сих пор на митрополита новгородского, санкт-петербургского и финляндского и первенствующего члена Святейшего Синода?»), использование в тексте метафор и олицетворений («нарождающимся нуждам», «при необычайном трудолюбии», «печальным образом», «невозможное положение», «печальная история») позволяет автору сделать статью достаточно интересной для читателя.

Как и большинство публикаций этой рубрики, статья написана в публицистическом стиле. Однако большим недостатком материалов данной рубрики является достаточно подробное описание некоторых несущественных моментов. Подчеркнем, что впоследствии редактор неофициальной части боролся с этим недостатком, и к 1908 году статьи этой рубрики стали иметь небольшой объем, но при этом не утратили своей актуальности.

В неофициальной части печатались авторские материалы. С Епархиальными ведомостями сотрудничали многие новгородские исследователи и краеведы.

В 1897–1898 гг. в «Новгородских епархиальных ведомостях» была опубликована серия статей исследователя церковного пения М. А. Покровского «Церковное осмогласие и его теоретическое основание», «Знаменский распев (большой). Техническое построение распева на древнегреческих ладах и разбор мелод. строк (лида и фиты)», «Хоровое церковное пение, его значение и постановка».

Однако большинство публикаций по-прежнему оставались анонимными, но из подписанных мы видим, что авторами были, в основном, священники, диаконы, благочинныеprotoиереи, преподаватели духовной семинарии, смотрители духовных училищ. Встречаются также несколько статей прихожан, указывающие на тот факт, что целевая аудитория издания расширяется. Оно становится интересным не только церковнослужителям, но и более широкому кругу православных верующих.

Уже с 1900 года в разделе объявления появляются цветные иллюстрации. Одно из первых сообщений с иллюстрацией было опубликовано в мартовском номере епархиальных ведомостей. В рекламном тексте рассказывалось о продукции и ценах паровой типографии И. И. Игнатовского. Иллюстрация – изображение здания типографии – и текст объявления были напечатаны синим цветом.

За время существования епархиальное издание сменило несколько логотипов на первой странице. Первый вариант логотипа появился в сентябре 1896 года в № 17 «Новгородских епархиальных ведомостей». Он имел форму круга с православным крестом внутри. В названии ведомостей был изменен размер и тип шрифта. И теперь оно было набрано полукругом и располагалось над логотипом. Второй вариант логотипа появился в январе 1897 г. в № 1 ведомостей. На нем изображен памятник «Тысячелетие России» на фоне стен новгородского кремля, за которыми видны купола Софийского собора и колокольня. С этого номера изменился формат издания: раньше был А5, теперь за счет фотографии оно вытянулось в длину. Возможно, это связано с тем, что ведомости стали печататься в новой паровой типографии И. И. Игнатовского (Знаменская ул., собственный дом). В феврале 1902 г. логотип изменился: вместо иллюстрации появилась фотография Софийского собора.

Как и в большинстве Епархиальных ведомостей, в «Новгородских епархиальных ведомостях» с 1903 года начинают происходить изменения, которые впоследствии привели к усовершенствованию в структуре и содержании ведомостей. Инициатором изменений стал новый редактор неофициальной части В. Н. Фиников.

26 июля 1903 года в канцелярию Главного управления по делам печати поступило уведомление от канцелярии Обер-прокурора Святейшего Синода об изменениях в структуре «Новгородских епархиальных ведомостей»: «По определению Святейшего Синода от 16 сего июля за № 3005, редактором неофициальной части «Новгородских епархиальных ведомостей» назначен преподаватель Новгородской духовной семинарии Владимир Фиников, вместо умершего преподавателя той же семинарии Стефана Успенского, цензором же названных Ведомостей Новгородским Преосвященным определен ректор помянутой семинарии архимандрит Сергий, вместо бывшего ректора той же семинарии архимандрита Димитрия, введенного в сан Епископа Кременецкого» [5. Л. 5].

С 1903 года редакторами официальной части назначались В. Т. Серпухов (1903–1904 гг., 1909 г., 1913 гг.), Д. П. Андреев (1903–1915 гг.).

С июля 1903 г. по сентябрь 1911 должность цензора «Новгородских епархиальных ведомостей» занимает ректор Новгородской духовной семинарии, архимандрит Сергий (Титов). Высочайшим указом от 8 января 1903 года он был перемещен из Ардонской Александровской духовной семинарии, где также являлся ректором, в Новгородскую духовную семинарию. Следует особо подчеркнуть, что архимандрит Сергий цензировал «Новгородские

епархиальные ведомости» на протяжении всего 1905 г. без перерывов: его цензорская резолюция стоит в конце каждого номера. Этот факт доказывает то, что предварительная духовная цензура в епархиальных ведомостях не прекращалась, несмотря на ее юридическую отмену согласно Временным правилам 1905 г.

Напомним, что преподаватель Новгородской духовной семинарии В. Н. Фиников на момент назначения его редактором неофициальной части уже на протяжении 8 лет являлся сотрудником «Новгородских епархиальных ведомостей». Поэтому знал достаточно много о проблемах издания. Эту должность он исполнял до сентября 1920 года, одновременно являясь казначеем, письмоводителем, сортировщиком ведомостей при отправке подписчикам.

С приходом нового редактора неофициальной части в «Новгородских епархиальных ведомостях» начинают происходить существенные изменения. Предложения о преобразованиях в структуре и содержании издания В. Н. Фиников неоднократно выносил на обсуждение епархиальных съездов духовенства в 1905, 1907, 1908, 1911 и др. гг., где выступал с докладами «О возможном и желательном улучшении издания «Епархиальных ведомостей»».

Но если изменения в официальной части появились только в 1906 году, то уже в 1905 году в неофициальной части число рубрик сократилось до 8, что позволило ведомостям обрести более четкую структуру.

Неофициальная часть содержала следующие разделы: «Слова, поучения, беседы и речи», «Из текущей епархиальной жизни», «Статьи доктринального и нравоучительного содержания», «Статьи пастырско-практического и литургического содержания», «Статьи исторического характера», «Некрологи», «Смесь», «Отчеты, акты, журналы, ведомости и т. д.».

Публикации раздела «Слова, поучения, беседы и речи» разъясняли значимость церковных обрядов и праздников (Рождество, Пасха). Также здесь помещали слова, произнесенные в день восшествия на престол императора Николая Александровича, в день пятидесятилетия высокопреосвященного архиепископа Новгородского и Старорусского Гурия и др.

В 1905 году здесь было опубликовано слово по случаю обнародования Высочайшего Манифеста о заключении мира с Японией ректора Новгородской духовной семинарии архимандрита Сергия (Титова): «Многие лета Тебе, наш Православный Царь Батюшка! Ты был всегда поборник мира и истинный противник войны. Ты и теперь не хотел ее, но дерзкий враг заставил Тебя взяться за оружие, которое ты положил сразу, когда тот смирился! Многая лета

тебе, Всероссийское воинство! Не твоя вина, что ты, привыкши побеждать, терпело ныне поражения: это вина общая, всесословная, всенародная; это праведное возмездие Божие за грехи христианской страны, ставшей полуязыческой» [7. 1905. № 21. С. 1320–1321].

С приходом нового редактора в данной рубрике стали помещаться, в основном, «наиболее выдающиеся» слова и проповеди представителей новгородского духовенства.

Раздел «Из текущей епархиальной жизни» содержал новости епархии. Материалы посвящались в частности тому, как происходило крещение еврейских семей, как раскольники переходили в православие и др. Также здесь публиковали информацию о праздновании юбилеев, об освящении церквей, о начале учебного года в семинариях и училищах.

В рубрике «Статьи и заметки догматического и нравоучительного содержания» в 1905 году помещались материалы «Последствия наших слов и дел», «О христианской благотворительности», «О том, что не следует безусловно доверять суду общественного мнения», «Пьянство – гибель человека», «Спутники забастовок», «Родительская власть и повиновение», «К вопросу об улучшении форм социальной жизни» и др. Из материалов становится понятно, что данная рубрика с этого времени стремилась поднять многие общественные проблемы и предложить решения в свете религиозного видения.

Статьи с советами пастырско-практического содержания публиковались в рубрике «Статьи и заметки пастырско-практического содержания». Здесь в 1905 году были напечатаны материалы «Борьба с пьянством путем основания обществ трезвости», «О церковном пении», «Общее пение у сектантов», «О наказании священнослужителей за игру в карты», «О мерах к увеличению числа говеющих», «О внутренних причинах упадка духа в духовенстве», «Какой тип пастырей наиболее желателен в настоящее время» и др. В публикациях данной рубрики авторы пытались проследить «пагубные» тенденции в жизни духовенства и приходов и рассказать об основных нестроениях, существовавших как в новгородской, так и в соседних епархиях.

«Статьи исторического характера»: об исторических заслугах новгородского духовенства, о новгородских святых, о положении вдовых священников в XVIII веке и др.

«Некрологи»: статьи, посвященные памяти скончавшихся священников, диаконов, старост и других церковнослужителей.

В рубрике «Смесь» публиковались присланные в редакцию материалы, по тематике и жанрам не соответствующие всем предыдущим рубрикам. Здесь были опубликованы следующие стихотворения: «По слухаю сдачи Порт-Артура», «Где спасение?», «Колеблющемуся собрату», «Осень», «В скорби», «На посту». Также в 1905 году помещались статьи «Смуты внутри России», «Основы современной церковно-приходской школы», «Как лечить холеру», «Не поле кормит, а нива», «О пагубности учения графа Л. Толстого», «Очерки по истории церковного пения» и др.

В 1905 году на страницах издания и в приложениях к нему было опубликовано огромное количество отчетов, актов и журналов различных епархиальных учреждений. Среди них отчеты Новгородского склада на нужды войны, отчеты общества вспомоществования нужд воспитанников семинарии, ученикам Старорусского, Тихвинского, Устюженского, Белозерского и др. духовных училищ, журналы и акты съездов депутатов от духовенства Новгородского, Боровичского, Кирилловского, Старорусского округов, каталог братства Святой Софии и др. Редакции Епархиальных ведомостей приходилось печатать достаточно большие по объему отчеты (до 50 страниц), а это редакция вследствие недостатка средств не всегда могла себе позволить. В 1905 году эта проблема была одной из главных, и уже в следующем году была решена в пользу Епархиальных ведомостей.

На страницах «Новгородских епархиальных ведомостей» нашла отражение тема русско-японской войны: на протяжении 1904–1905 гг. был опубликован цикл материалов под общим названием «Отклики войны». Основная мысль статей сводилась к тому, чтобы продолжать войну до победного конца.

Ведомости также откликнулись и на события «кровавого воскресенья», однако, материал на эту тему был опубликован только спустя месяц в февральском номере «Новгородских епархиальных ведомостей». В публикации автор пытается найти истинную причину произошедшего: «фабричный народ, замешанный в уличных беспорядках, по своей простоте доверился изменникам, врагам Святой Руси. Враги эти мутят теперь наш народ в городах и деревнях, пользуясь тяжелым временем войны, как лютые грабители пользуются осенней темной ночью и непогодой для своих разбойнических нападений» [7. 1905. № 4. С. 189]. Это мнение выражает позицию «Новгородских епархиальных ведомостей» по отношению к происходящим в стране событиям. Как и большинство церковных изданий, ведомости отстаивали основные принципы властей, сформулированные С. С. Уваровым: «православие, самодержавие, народность». Следовательно, критика действий царя и правительства на страницах епархиальных ведомостей была исключена.

С этого времени в «Новгородских епархиальных ведомостях» начинают обсуждаться вопросы о причинах забастовок и об участии духовенства в политической жизни страны. В обсуждении участвовали и прихожане. В ноябре в редакцию Епархиальных ведомостей было прислано письмо, в котором автор возмущался по поводу комментариев священника после прочитанного Манифеста 17 октября 1905 года. Редакция опубликовала письмо, опуская имя автора и священника, о котором идет речь.

Автор рассказывает, что в своей речи священник говорил, что «эта свобода дошла до нас кровавым путем, похвалил тех борцов, которые стояли за нее, сказал, как жалки те, которые «прикрывались портретом государя», бунтовали и бесчинствовали, сказал, что свободу мы должны показать не на словах только, а на деле, а еще сказал «мы, отцы, должны сознаться, что дети наши умнее нас». Эта фраза скорбно отозвалась в моем сердце <...> Пишу, чтобы открыто нанести укор тому пастырю, который в храме Божием подымает руку мою на моих родителей» [7. 1905. № 22. С. 1389–1390].

В комментарии к письму редактор неофициальной части В. Н. Фиников замечает, что письмо представляется очень важным, так как еще раз заставляет духовенство подумать над своим отношением к вопросам гражданской жизни: «Прежде смущались проповедью духовенства, которая стояла за *status quo* гражданской жизни. Но вот священник начинает говорить в либеральном духе, и в результате опять соблазн словом его. Не есть ли это знак того, что пастырство должно стоять выше политики? Вопрос ставится о том, пастырь, как пастырь, имеет ли право быть глашатаем известной политической партии?» [7. 1905. № 22. С. 1390].

И автор приходит к выводу, что «события наших дней со всей очевидностью показали, как неблагоразумно связывать церковное слово с тем или иным *status quo* гражданской жизни» [7. 1905. № 22. С. 1390].

Также на страницах ведомостей начинают обсуждаться вопросы нестроений, существующих в епархии. Так в одной из публикаций говорилось о том, что церковные награды в новгородской епархии выдаются в большинстве случаев вовсе не за заслуги, а по другим причинам: «Не за благоповедение поощряют иногда наших архиереев отцы благочинные, которым по какой-то игре судьбы дана власть единолично распоряжаться представлениям к наградам, а за родство, сватовство и др. качества, ничего общего с «благоповедением» не имеющие. Приходится пока только пожалеть, что среди духовенства установились подобные обычаи и отношения» [7. 1905. № 23. С. 1491].

В публикации автор предлагает вопрос о награде и представлении к ней передать в ведение благочиннических собраний. И предполагает, что может в начале так и было, а потом уже «власть» предвосхитила себе это право. И, тем не менее, он выражает надежду, что предстоящий Всероссийский собор «исправит это и другие несообразности» [7. 1905. № 23. С. 1492].

Следует отметить, что с приходом в «Новгородские епархиальные ведомости» нового редактора неофициальной части В. Н. Финикова на страницах издания начинают подниматься проблемы не только церковных, но и общегосударственных масштабов. Епархиальные ведомости все чаще откликаются за актуальные события современности и публикуют достаточно злободневные материалы.

При детальном просмотре «Новгородских епархиальных ведомостей» выявляется большая редакторская работа В. Н. Финикова по подготовке материалов к печати, составлению комментариев, библиографических справок и т. п. Он обладал глубокими знаниями в области современной ему отечественной и зарубежной литературы, что сказалось на подборках перепечаток из прессы, обобщающих и аналитических статьях, помещаемых в неофициальной части. «Множество неподписанных статей, – по мнению исследователя С. Моисеева, – без сомнения, принадлежит самому Владимиру Николаевичу и порою носит биографический характер» [7. 1905. № 9. С. 3].

Предложение о создании Епархиальных ведомостей или внесение в них изменений рассматривала местная консистория, что занимало от одного до двух месяцев. Затем по решению консистории правящий архиерей обращался с ходатайством в Святейший Синод. На рассмотрении в Синоде оно могло также находиться от одного до двух месяцев. Решение Святейшего Синода отправлялось в канцелярию Обер-прокурора Святейшего Синода и доводилось до сведения правящего архиерея. И в заключении решение Святейшего Синода с резолюцией Обер-прокурора отправлялось в канцелярию Главного управления по делам печати.

Поэтому о любой перемене и изменении в издании необходимо было сообщать заранее – как минимум, за полгода. Любое решение, касающееся изменения в издании, обрабатывалось в различных инстанциях в течение нескольких месяцев. Поэтому редактору было проще отказаться от нововведений в издании. Возможно, именно с этим обстоятельством и связано практически полное отсутствие каких-либо преобразований в «Новгородских епархиальных ведомостях» в первые двадцать лет его существования.

Существенные изменения, которые произошли в «Новгородские епархиальные ведомости» в 1894 г., значительно усовершенствовали их внутреннее содержание. Однако обилие официальной информации, церковных и правительственные документов, подробные повествования об официальных встречах, заседаниях, в ущерб интересным неофициальным материалам исторического, миссионерского, антисектантского характера, было присуще ведомостям вплоть до 1906 года.

С 1894 года к «Новгородским епархиальным ведомостям», помимо официальных приложений (списков приходов, отчетов, протоколов, журналов съездов и т. п.), начинают выходить приложения в виде книг, брошюр и листков. Материал «Торжество открытия Успенской Рдейской общежительной пустыни», опубликованный 15 января в «Новгородские епархиальные ведомости», вышел отдельной брошюрой спустя несколько месяцев в Старой Руссе.

К 1905 году отдельные номера «Новгородских епархиальных ведомостей» достигали 100 страниц. Кроме того, информация в большинстве своем публиковалась с опозданием на месяц. В связи с такими неудобствами появилась потребность в увеличении периодичности выхода Епархиальных ведомостей.

1906–1920 гг.: период расцвета и вынужденное закрытие издания

С приходом нового редактора неофициальной части В. Н. Финикова в «Новгородских епархиальных ведомостях» начинают происходить изменения. По его инициативе с 1906 года Епархиальные ведомости становятся еженедельным изданием, приобретают постоянный формат и структуру, увеличивают количество постоянных сотрудников и значительно расширяют читательскую аудиторию.

В. Н. Фиников также стремился к популяризации издания, о чем неоднократно заявлял на епархиальных съездах духовенства в 1905, 1907, 1908, 1911 и др. гг., где выступал с докладами «О возможном и желательном улучшении издания “Епархиальных ведомостей”». Он пытался сделать местный епархиальный орган интересным не только для священноцерковнослужителей, но и для прихожан церквей (людей разных взглядов и читательских интересов) и занять одно из лидирующих мест на рынке новгородской периодической печати, что было непростой задачей.

К тому времени в Великом Новгороде возникло еще три новых частных издания: газеты «Новгородская неделя» (1906 г.), «Ильмень» (1906–1907 гг.) сатирический журнал «Страж» (1906–1907 гг.). В 1909 году издавалась частная газета «Новгородская жизнь», в 1911 году – частный журнал «Новгородское студенчество». Поэтому у новгородских читателей появлялась возможность выбирать, что читать – местную периодику государственных учреждений («Новгородские епархиальные ведомости» и «Новгородские губернские ведомости»), публиковавшую на своих страницах неактуальные официальные материалы, или частную прессу, отличающуюся злободневностью и интересной подачей информации.

И, несмотря на то, что Епархиальные ведомости в экономическом отношении были более независимыми, чем частные издания, однако появление на рынке большого количества частной прессы в какой-то степени заставило побороться за удержание интереса аудитории к своему изданию, провести преобразования как в его структуре, так и в подаче материалов. Возможно, именно поэтому, начиная с 1906 года и до конца выхода издания Епархиальные ведомости, учитывая интересы читателей, высказываемых в письмах в редакцию, стремились соответствовать новым веяниям информационного рынка Новгорода.

Отражение православной жизни епархии (еженедельное издание): 1906–1913 гг.

В первые годы после появления неофициальной части в издании возникла необходимость в увеличении периодичности выпуска. До 1906 года выпуски выходили два раза в месяц, поэтому ко времени выхода следующего номера в редакции накапливалось такое огромное количество материалов для публикации, что отдельные номера ведомостей порой достигали ста страниц.

Поскольку годовой объем был стандартным – от 1624 до 1632 страниц, то за счет увеличения объема одних выпусков уменьшался объем других. Разумеется, в этом случае приходилось отказываться от заметок и статей неофициального характера, так как ведомости в первую очередь должны были выполнять служебную функцию – доводить до сведения духовенства информацию обо всех новых распоряжениях и указах, как бы много их за это время не накопилось.

Для того чтобы исправить такое положение вещей, В. Н. Фиников предложил увеличить периодичность выпуска. В конце 1905 года архиепископ Новгородский и Старорусский Гурий (Охотин) обратился в Святейший Синод с

просьбой от редактора неофициальной части В. Н. Финикова разрешить с 1 января 1906 года издавать «Новгородские епархиальные ведомости» еженедельно и для ускорения их печати в типографии перенести рубрику о свободных вакансиях в конец каждого номера: «Редактор Неофициальной части «Новгородских епархиальных ведомостей», преподаватель Новгородской духовной семинарии Вл. Фиников обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании у Св. Синода разрешения редакции «Новгородских епархиальных ведомостей» выпускать с 1 января 1906 г. издаваемые ею Ведомости не два раза в месяц, как делается то теперь, а четыре, причем редактор неофициальной части означенных Ведомостей присовокупил, что программа издания Ведомостей останется прежняя, и что только в видах ускорения типографских работ желательно отнести помещение официальных известий о праздных священноцерковнослужительских местах в конец каждого номера» [10. Л. 1].

В обращении высокопреосвященный владыка выражал свое согласие с предложенными В. Н. Финиковым преобразованиями в ведомостях и добавлял: «В видах наиболее скорого распространения среди духовенства Новгородской епархии распоряжений Епархиального начальства посредством печатания оных в «Новгородских епархиальных ведомостях», имею честь покорнейше просить Св. Синод о разрешении редакции «Новгородских епархиальных ведомостей» выпускать с 1 января сего 1906 г. издаваемые ею Ведомости по прежней программе, но не два раза в месяц, а четыре, с помещением официальных известий о праздных священноцерковнослужительских местах в конце каждого номера» [10. Л. 1].

4 января 1906 г. представление поступило в Святейший Синод, который приступил к его рассмотрению. 25 января было принято решение: «Обсудив настоящее представление Преосвященного Новгородского Святейший Синод не встречает препятствий к увеличению числа выпусков Новгородских Епархиальных ведомостей и к помещению официальных извещений о праздных священноцерковнослужительских вакансиях в конце каждого номера и потому определяет: уведомить о сем Преосвященного Гурия указом» [10. Л. 2]. Далее в документе говорилось о том, что это определение пропущено к исполнению 25 января и исполнено 27 января. Однако в конце документа красным карандашом было подписано: «11 января приступить к исполнению» [10. Л. 2].

Таким образом, первый номер «Новгородских епархиальных ведомостей» 1906 года датирован 12 января. Издававшиеся прежде 2 раза в месяц, ведомости

с этого времени и по август 1917 г. выходили еженедельно (52 номера в год). Отметим, что увеличение периодичности выпуска не привело к увеличению общего объема ведомостей за год, а, наоборот, в первый год еженедельного издания он даже уменьшился. Для сравнения, в 1905 году годовой объем ведомостей составил 1624 страницы, в 1906 г. – 1568 страниц, в 1907 г. – 1684 страницы.

Программа Епархиальных ведомостей на 1906 год была опубликована в «Новгородских епархиальных ведомостях» в ноябре 1905 г. В заметке «Несколько слов относительно программы издания Епархиальных ведомостей» редактор неофициальной части В. Н. Фиников комментировал каждый пункт этой программы. Ранее, летом 1905 года, программа на 1906 год и предполагаемые нововведения в «Новгородских епархиальных ведомостях» уже обсуждались на съезде епархиального духовенства, причем все пункты доклада были утверждены.

В официальной части количество отделов заметно сократилось:

- 1) указы и распоряжения епархиального духовного начальства;
- 2) сообщения, касающиеся местных учреждений в епархии и распоряжения, исходящие от них, а именно духовной семинарии и духовных училищ, женских епархиальных училищ, училищного епархиального совета, свечного завода, братства Святой Софии и т. п.;
- 3) извещения о награждении, движении, переменах по службе лиц епархиального духовенства и праздных вакансиях.

Согласно этой программе официальная часть епархиальных ведомостей должна была носить преимущественно местный характер, в отличие от предыдущих лет, когда в ней в большинстве своем публиковались указы и постановления общецерковного характера. Теперь же, как отмечал в редакционной статье В. Н. Фиников: «В ней [официальной части] мы уже не видим представляющихся излишней тратой денег перепечаток из Церковных ведомостей, получаемых каждой церковью» [7. 1905. № 22. С. 1386].

Аналогичные изменения произошли и в неофициальной части: сократилось количество отделов и стали публиковаться преимущественно материалы местного характера.

Первый отдел – проповеднический – включал проповеди архиепископа Новгородского и Старорусского, преосвященного викария и лучшие из проповедей епархиального духовенства. Здесь же помещали все богослужебные собеседования, чтобы епархиальное духовенство всегда могло обратиться к ним как к готовым образцам.

Однако, по мнению редакции, этот отдел необходимо было сократить, а то и совсем убрать, заменив «размышлениями над книгой жизни, над Евангелием, которые шли бы в каждом номере. Эти размышления должны иметь, с одной стороны, научный характер, уясняя *темные места Евангелия*, и с другой стороны, должны писаться живым языком» [7. 1905. № 22. С. 1387].

В связи с этим на епархиальном съезде редакция обращалась к духовенству с просьбой взять на себя этот отдел, но охотников взяться за него не оказалось. Поэтому с этим предложением решено было обратиться ко всем читателям епархиальных ведомостей: «Всякая статья, удовлетворяющая указанным требованиям, будет принята редакцией и помещена с благодарностью. То обстоятельство, что над этой работой попытают свои силы не один и не два человека, а возможно, большее количество читателей епархиальных ведомостей, обещает только самые лучшие плоды» [7. 1905. № 22. С. 1387].

В итоге авторов статей, разъясняющих «темные места» Евангелия, так и не нашлось, поэтому отказаться от публикации в ведомостях слов и проповедей так и не удалось. Однако теперь их авторами, по сравнению с прошлым периодом существования епархиальных изданий, в основном выступали представители новгородского духовенства. Чаще других публиковались проповеди архиепископа Гурия (Охотина), архимандрита Сергея (Титова), епископа Кирилловского Иоанкия, священника М. Либеровского и др. Отметим, что опубликованные в ведомостях слова и поучения посвящались церковным праздникам, речи же произносились по случаю торжественных событий, награждений и погребений.

Второй отдел – историко-археологический – знакомил епархиальное духовенство с общей историей Новгородской епархии и отдельными ее событиями, с историческими деятелями, принимавшими участие в судьбе Новгородской епархии, с историческими письменными и вещественными памятниками, относящимися к Новгородской епархии, с биографиями и некрологами современных духовных лиц.

Редактор В. Н. Фиников высказал пожелания по второму отделу, чтобы исследования, помещаемые здесь, были достаточно интересными, и это требование в публикациях было учтено.

Поскольку автором материалов этой рубрики часто выступал и сам В. Н. Фиников, то он также стремился выбирать для исследования наиболее значимые моменты истории Великого Новгорода и писать о них в публицистическом стиле.

Благодаря В. Н. Финикову в издании с 1906–1909 гг. были опубликованы многочисленные документы XVII–XIX вв. из дел, хранившихся в архиве Новгородской духовной консистории, а также статьи, написанные на основе этих дел: «Старорусское духовенство во время бунта 1831 г.», «Прошлое и настоящее Колмовской церкви», «Страничка из быта духовенства начала XVIII века» и др.

Публикация «Страничка из быта духовенства начала XVIII века» была составлена на основе дела № 3 за 1713 год. В ней рассказывалось о том, в каких условиях находились церковнослужители разных рангов в то время. В. Н. Фиников писал: «Из рассказанного видны те бесправность и скудость в средствах, при которых приходилось действовать духовенству в начале XVIII века. Эти доходы от чтения псалтыри над покойниками, которыми дьячок не хочет поделиться с пономарем, видя в них свое дьячковское преимущество; эта несчастная плата, поступавшая, а по местам, как в Котлованове, не поступавшая в пользу пономаря, от ям, в которые зарывались покойники, говорят о многом. А самоуправство помещика, который бьет пономаря и отнимает у причта его землю! Хвала Создателю, что это доброе старое время отошло в область далекого предания!» [7. 1906. № 19. С. 1224].

Статья написана в публицистическом стиле с использованием эмоционально окрашенной лексики. Автор использует такие выразительные средства как риторические восклицания (Хвала Создателю, что это доброе старое время отошло в область далекого предания!), эпитеты (доброе старое время), нагнетания (эти доходы, эта несчастная плата) и др.

С 1907 года данный раздел был переименован и стал называться «Статьи исторического содержания».

Третий отдел – старообрядчества и местных сект – содержал, во-первых, статьи и заметки о местностях, где раскол был наиболее распространен, о религиозно-нравственном учении раскольников, об их положении, быте и отличительных особенностях, о главных представителях раскола и об отношении их к православным. Во-вторых, здесь помещались сообщения о способах и результатах борьбы против раскола епархиальных миссионеров и приходских священников, о содержании бесед с расколоучителями и т. п. И, в-третьих, здесь можно было прочитать сведения о приемах и методах борьбы с расколом и сектами в других епархиях.

По поводу этого отдела В. Н. Фиников отмечал, что авторам в статьях желательно было бы обходиться без подробной передачи содержания бесед со старообрядцами. Этот отдел просуществовал в «Новгородские епархиальные

ведомости» всего год, но за это время его основной автор – епархиальный миссионер иеромонах Варсонофий – успел реализовать на практике пожелания редактора неофициальной части. С 1907 года статьи на данную тематику публиковались в рубрике «Из текущей епархиальной жизни».

Четвертый отдел – пастырско-практический – публиковал материалы по вопросам сущности и характера пастырского служения, проповедничества и преподавания в церковно-приходских школах, а также знакомил читателей с примерами образцовой пастырской деятельности.

В комментариях к программе говорилось, что именно этот отдел представлял для ведомостей особую важность, так как их главная цель, как всякого церковного органа, «будить в читателе добрую мысль, добре желание, готовность на добре дело» [7. 1905. № 22. С. 1386].

Как отмечал В. Н. Фиников, темой для написания статьи могло стать «известное явление или известный случай в вашем служении или в жизни ваших прихожан, который тронул вас за сердце, заставил призадуматься. Тогда садитесь и пишите. Таким путем, во-первых, облегчите свое сердце; во-вторых, на вашу думу, – и с пользой для себя и для вас, – отзовутся другие. Явилось у вас недоумение или жизнь и люди поставили вам такой вопрос, разрешить который вы сами затрудняетесь, опять пишите. Епархиальная семья велика, и то, что затрудняет вас, с легкостью разрешит вам же более сведущий в данном вопросе собрат» [7. 1905. № 22. С. 1386].

И от лица редакции Фиников выражал благодарность священнослужителям, уже публикующим статьи на эту тему: «Редакция Новгородских епархиальных ведомостей счастлива, что с недавнего времени имеет постоянными сотрудниками своими лиц, уже работающих в этом направлении. Имеем в виду священника о. Петра Сергеева, учителя Мезгинской церковно-приходской школы Василия Образцова, недавно изъявившего свою готовность работать в этом же направлении священника о. Николая Бабкина и др.» [7. 1905. № 22. С. 1387].

Таким образом, редактор пытался добиться того, чтобы в епархиальном издании между читателями начался «живой обмен взглядов по вопросам пастырского служения», и чтобы данная рубрика стала «летописью пастырских дум, пастырских радостей и скорби при деятельности духовенства в современных условиях жизни» [7. 1905. № 22. С. 1387].

Планы В. Н. Финикова по поводу данной рубрики были частично реализованы. Духовенство епархии откликнулось на просьбу редакции и стало присыпать статьи, посвященные вопросам исповеди, содержанию и значению

проповедей, важности общего пения в церквях во время богослужения, борьбе с пьянством в епархии, возможности для священников открыто занимать какую-либо политическую позицию и др.

Пятый отдел – обозрение выдающихся событий, торжеств, праздников и церковных церемоний, совершающихся в Новгородской епархии – должен был, по мнению редакции, потерять характер тех подробных и ни для кого, кроме самих писателей не интересных сообщений, которыми они отличались до этого года: «Сообщения, отвечающие отделу 5, желательны и редакция усердно просит делать их, но они должны быть краткими, занимать всего несколько печатных строк и помещаться под общей рубрикой “Хроника епархиальной жизни”» [7. 1905. № 22. С. 1388]. Отметим, что в 1907 году данная рубрика была преобразована в отдел «Из текущей епархиальной жизни».

Шестой отдел, в котором печатались обозрения важнейших событий из церковной вне епархиальной жизни и комментарии вновь выходящих духовных книг и журналов, по мнению редакции, в скором времени мог потерять свое значение, если бы духовные журналы смогли выписывать все церкви епархии. Но поскольку на данное время это слишком дорого для отдаленных от центра приходов, то этот отдел решено было оставить. Однако спустя год его переименовали в отдел под названием «Смесь».

Из существенных преобразований в неофициальной части также можно отметить и сокращение публикаций подробных отчетов разных епархиальных учреждений. Этому поспособствовал тот факт, что ранее Высокопреосвященному владыке поступали жалобы от местных священников, для которых подробные отчеты не представляли никакой ценности, а лишь отнимали место у более актуальных и значимых материалов.

В Новгороде на тот момент уже была известна практика печатания отчетов православных обществ за свой счет. Так, например, Новгородский Отдел Палестинского Общества в 1905 году ходатайствовал пред Советом общества об ассигновании сумм на ежегодное печатание отчета, чтобы впредь не усугублять денежное положение «и без того нищей редакции епархиальных ведомостей» [7. 1905. № 22. С. 1387]. И Совет Палестинского Общества выделил средства. Редакция ведомостей настаивала, чтобы со своими подробными отчетами поступили также и другие учреждения епархии, а она со своей стороны всегда готова была принять на себя обязанности эти отчеты рассыпать в виде отдельных приложений к ведомостям во все церкви епархии.

Однако в ноябре, спустя шесть месяцев после постановления епархиального съезда, который отменил обязанность публиковать подробные

отчеты братств и обществ за счет средств епархиальных ведомостей, В. Н. Фиников отмечал: «Грустно то, что, несмотря на состоявшееся постановление епархиального съезда, некоторые учреждения продолжают навязывать редакции свои подробные отчеты, добиваясь, чтобы печатание их было сделано обязательным для редакции распоряжением Епархиального начальства» [7. 1905. № 22. С. 1387].

Таким образом, во-первых, за счет увеличения периодичности выхода ведомостей, во-вторых, за счет сокращения отделов в официальной и неофициальной частях и, в-третьих, за счет публикации отчетов не целиком, а лишь коротких выдержек из них, номера «Новгородских епархиальных ведомостей» приобрели постоянный объем (2 печатных листа) и четкую структуру выпуска. Из них на официальную часть приходилось от 3 до 10 страниц, оставшиеся страницы отводились для информации неофициального характера.

Редакция заботилась и о том, как сделать пересылку статей для авторов наиболее дешевой. Поэтому нередко на страницах издания встречались такого рода советы: статьи в редакцию могут быть высыпаемы в незапечатанных конвертах с надписью на них «Для печати» – тогда их пересылка на почте будет оплачиваться как бандероль и, следовательно, обойдется отправителю намного дешевле.

Редактором официальной части на тот момент являлся секретарь консистории Д. П. Андреев (1903–1915 гг.). Цензорами «Новгородских епархиальных ведомостей» этого периода поочередно назначались ректоры Новгородской духовной семинарии: с января 1905 г. по сентябрь 1911 г. – архимандрит Сергий (Титов), с октября 1911 г. по апрель 1913 г. – архимандрит Алексий (Симанский), впоследствии патриарх, с июня 1913 – 1920 гг. – архимандрит Тихон (Тихомиров).

Программа ведомостей постоянно развивалась. Как одно из направлений следует отметить публицистичность издания. Особенно ярко это направление обозначилось в 1906–1907 гг. в публикациях В. Н. Финикова, иеромонаха Варсонофия, священника Иоанна Белоликова и др.

Начатые летом 1905 года преобразования продолжились в 1907 году. На очередном епархиальном съезде духовенства 22 февраля 1907 года В. Н. Фиников рассказывал о проблемах и перспективах издания ведомостей. В докладе он поднимал вопросы о цензуре, осуществлявшейся над ведомостями, и о целесообразности тех или иных разделов.

В комментариях к съезду В. Н. Фиников писал о недостатках материалов, публикуемых в епархиальных ведомостях, и просил духовенство епархии

обращать более пристальное внимание на события приходской жизни и сообщать о них в редакцию: «Чувствуется несомненный недостаток в фактическом материале, сообщаемом на страницах Епархиальных ведомостей. Нам кажется, что всякое, сколько-нибудь значительное событие приходской жизни, должно отмечаться на страницах Епархиальных ведомостей. Освящена церковь, часовня, школа, совершилось открытие нового кладбища, попечительства, приходского совета, даже рядовые собрания попечительства, приходских советов, а тем более факты пастырских собраний должны быть неуклонно отмечены на страницах Епархиальных ведомостей. Когда речь идет об освящении церкви, часовни, школы, естественно отметить лиц, наиболее потрудившихся в этом деле» [7. 1907. № 9. С. 273].

В. Н. Фиников отмечал, что если бы каждый священник епархии коротко сообщал в редакцию епархиальных ведомостей о вопросах, которые обсуждались на очередных собраниях приходских попечительств, приходских советов, то «эти сообщения в их массе представляли бы собою интересный материал» [7. 1907. № 9. С. 274]. Редактор еще раз напоминал всем благочинным о необходимости сообщать редакции епархиальных ведомостей обо всех скончавшихся священниках, диаконах и псаломщиках.

В. Н. Фиников предлагал на страницах епархиального органа обсуждать не только сугубо церковные события, но и затрагивать нравственные проблемы современной действительности: «Нам кажется, что не противоречило бы, а, напротив, отвечало бы программе Епархиальных ведомостей, если бы на страницах их отмечались выдающиеся факты общественной жизни, например, факты убийств, грабежей, тех или иных народных движений и прочее. Все это факты столько же и нравственной, сколько общественной жизни» [7. 1907. № 9. С. 275].

Доклад В. Н. Финикова на епархиальном съезде духовенства вызвал бурные дебаты, звучали довольно резкие отзывы. На съезде редактора критиковали, однако он продолжал настаивать на том, что сделать епархиальные ведомости органом общественной жизни могут только совокупные усилия редакции и духовенства.

В итоге в 1907 году в неофициальной части издания обозначились новые разделы: «Слова, поучения и речи», «Статьи исторического содержания», «Из текущей епархиальной жизни», «Статьи и заметки догматического и нравоучительного содержания», «Статьи и заметки пастырско-практического содержания», «Смесь». Если две первые рубрики уже существовали в ведомостях ранее, то три последние были новыми. На них остановимся подробнее.

В рубрике «Из текущей епархиальной жизни» помещали информацию событийного характера и новостные материалы о событиях, произошедших за прошедшую неделю в Новгородской епархии. В этом отделе теперь публиковались статьи о старообрядчестве и сектантстве, которые ранее размещались в отдельной рубрике.

Здесь же публиковали и поступавшие в редакцию письма читателей, в которых они выражали свое несогласие с публикуемыми в ведомостях материалами, сообщали о вопиющих фактах современной действительности, делились своими впечатлениями по каким-либо злободневным вопросам (участие духовенства в политических партиях, появление новых сект, пьянство в епархии). По нашим подсчетам, письма читателей публиковались достаточно часто – практически в каждом третьем номере, причем их авторами нередко выступали светские лица: преподаватели духовной семинарии и училищ, местные краеведы, сельские учителя и др. Этот факт говорит о том, что ведомости становились достаточно популярными не только в среде священноцерковнослужителей.

В отделе «Статьи и заметки доктринального и нравоучительного содержания» публиковались материалы, разъясняющие некоторые места Библии, смысл церковных обрядов, совершаемых в православные праздники. В публикациях также говорилось о ценности религиозного воспитания общества и предостережениях от новых лжеучений, распространяющих превратные суждения о Православной церкви. Цикл статей под общим названием «Как ценят умершие молитвы живых» был посвящен объяснению значения заупокойных поминовений усопших. Такие публикации появлялись не случайно – среди существующих на территории Новгородской епархии сект многие проповедовали ненужность подобных молитв. Поэтому очень важно было на страницах епархиального органа обстоятельно, с приведением цитат из Святого Писания, доказать ошибочность сектантского вероучения.

В отделе «Смесь» были опубликованы материалы о голоде в Симбирской губернии, об убийстве эконома в Оренбургской духовной семинарии, о беспорядках в Вятской духовной семинарии, о лечении горба, о бедственном положении саратовских духовных школ, о закрытии в селах винных лавок, а также библиографические заметки, стихотворения.

Тема участия духовенства в политических партиях, которая обсуждалась в издании на протяжении 1905–1906 годов, завершилась в 1907 году публикацией определения Святейшего Синода о священниках – членах Государственной думы, принадлежащих к революционным партиям:

«Святейший Синод, исходя из положения, что по существу пастырского служения со священным саном неразрывно связано уважение к существующей государственной власти и государственному строю, а тем более уважение и нелицемерная преданность Государю Императору, как Помазаннику Божию, на верность которому священнослужители не только присягают сами, но и обязаны приводить других к присяге, находит недопустимой принадлежность священников к политическим партиям» [7. 1907. № 19. С. 633–634].

В определении также говорилось о том, что те священнослужители, которые на данный момент принадлежат к какой-либо партии, должны немедленно из них выйти. А в случае нежелания исполнить это требование «добровольно сложить с себя священный сан» [7. 1907. № 19. С. 634].

В связи с этим постановлением в «Новгородских епархиальных ведомостях» был закрыт вопрос не только по поводу обсуждения участия духовенства в партиях, но и по поводу появления в ведомостях политического отдела.

Говоря об изменениях в рекламных сообщениях, помещаемых на страницах местного епархиального органа в этот период, отметим, что теперь они нередко сопровождались иллюстрациями. Как, например, рекламное объявление о магазинах граммофонов Юлия Генриха Циммермана, находящихся в Санкт-Петербурге, Москве и Риге, которое сопровождалось иллюстрацией красивого граммофона.

Текст рекламного объявления был составлен как будто бы от лица самого Юлия Циммермана: «Граммофоны новейших моделей, лучшего качества, тщательно регулированные в моих мастерских. Заводные граммофоны от 10 рублей. Тонармы от 15 рублей. Особо рекомендуемые Тонармы: с хорошей диафрагмой, в корпусе размером 13*13*6 дюйма – 35 рублей, с диафрагмой «Эксибишен» с диском и рупором большого размера в изящном дубовом корпусе – 55 рублей, трехпружинный в изящном корпусе орехового дерева, украшенный резьбой и диском «Гигант» – 100 рублей. Пластинки хорошего исполнения, разных записей, в очень большом выборе. Прейскурант и списки пластинок бесплатно» [7. 1907. № 20. С. 635]. Далее в объявлении указывались адреса магазинов. Объявление содержало исчерпывающую информацию об ассортименте граммофонов, представленном в магазине, и ценах.

По сравнению с прошлыми периодами, текст рекламных объявлений усовершенствовался, а оформление за счет иллюстраций и использования разных шрифтов стало более привлекательным.

Практически все названные разделы встречались в каждом номере, а, следовательно, с 1907 года неофициальная часть получила постоянную структуру и более усовершенствованное содержание.

Ключевой темой данного периода можно считать тему борьбы с расколом и сектами в епархии. Публикации на эту тему встречались в каждом номере и занимали до половины всей неофициальной части (до 15 страниц), тогда как в предыдущий период они встречались в каждом третьем выпуске и занимали не более трех страниц.

Основным автором по данной тематике, как и в прежние годы, выступал епархиальный миссионер иеромонах Варсонофий.

Подробно рассмотрим полемику между о. Варсонофием и сектантским руководителем Василием Лаврентьевым, которая в течение двух месяцев (с июля по конец августа) 1907 года достаточно бурно обсуждалась на страницах издания и являлась ключевой темой издания в целом.

Первая статья о. Варсонофия, которая и вызвала несогласие сектантского руководителя В. Лаврентьева, называлась «На молении у сектантов и обличение их». Она была написана на основе собственных впечатлений автора, побывавшего на собрании сектантов, которое состоялось в пять часов вечера в воскресенье 27 мая 1907 г.

Начинается статья с описания окружающей обстановки и поведения членов секты перед молением: «Около 5 часов вечера в воскресенье 27-го мая руководитель сектантов нервно ходил то в ту, то в другую комнату своей квартиры, видимо стеснялся присутствием пришедшего в его квартиру монаха. А жена руководителя то в то, то в другое окно сунется поглядеть, не идут ли братья на моление и тут же вслух замечает: “слово то Божье трудно слушать, а потому так лениво собираются!” Прошло еще около получаса, – несколько братьев пришло. Руководитель их замечает: «проходите вон в ту комнату и садитесь, помягче будет сидеть! Всего собралось около 25 человек» [7. 1907. № 23. С. 719].

Завязка статьи достаточно оригинальна и способна зацепить внимание читателя. Через описание эмоционального состояния руководителя секты, его неуверенности в себе, автор статьи пытается убедить читателя в ошибочности учения сектантов.

Далее в статье рассказывается о том, каким образом проходило собрание сектантов: сначала моление, затем чтение Святого Писания с комментариями руководителя и наиболее ревностных приверженцев учения. Впечатления от обряда моления сектантов о. Варсонофий описывает так: «молитвы они читают

какие-то самоизмышленные, весь порядок моления тоже у них самих выдуман и доходит до неприличия, когда некоторые из участников моления обращаются задом к столу, на котором лежат Евангелия и Библии, и наклоняются на молитву над тем местом, где сидят» [7. 1907. № 23. С. 720].

В подтверждение главной мысли статьи об ошибочности учения сектантов автор приводит и мнения некоторых присутствовавших на собрании крестьян. Первый крестьянин отмечал неправоту сектантов в том, что поклонение иконам они считают грехом: «какая-то это диковинная новая вера: войдешь к ним в комнату, где молятся, икон святых у них нигде нет, да еще говорят они, что иконам кланяться нельзя – грех, вишь, по ихнему учению. Странное дело это, как я погляжу на них! Св. Изображению Лица Христова, Божией Матери и Св. Угодников Божиих покланяться по ихнему нельзя, кланяться же в то место, где сидят, то, вишь, можно, то они не возбраняют. У них ведь большинство кланялось на молении в стул или в диван или в скамейку. Вот ведь до чего враг то их ослепил. Поистине сами то они не знают, почему покланяются» [7. 1907. № 23. С. 721].

Другой крестьянин, присутствовавший на собрании, отмечал: «Потому то уж верно им и крестное то Христово знамение изображать на себе рукой нельзя. Они ведь никогда не изображают на себе крестного знамения. Да ведь и креста то Христова у них на шее нет: они не носят его».

Кульминацией статьи можно считать тот момент, когда о. Варсонофий опровергает объяснения В. Лаврентьева по поводу отдельных мест Евангелия.

И автор делает вывод: «Поистине исполняются на них слова Св. Иоанна Богослова, сказанные про последователей антихриста: «и он (антихрист) сделает всем то, что всем малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам положено буде начертание на правую руку их или на чело их (Апокал. Гл. 13, 16 ст.)». Не потому ли вот и боятся сектанты оградить себя крестным то знамением, чтобы не разрушить всю охватившую их силу вражью. Верно и они уже заклеймены антихристом» [7. 1907. № 23. С. 725].

В ответ на эту статью в редакцию ведомостей было прислано письмо сектантского руководителя Василия Лаврентьева, в котором он спорит с утверждениями, высказанными в статье о. Варсонофием: «В начале заметки говорится, что руководитель стеснялся присутствием монаха. Как и кого может стесняться чье бы то ни было присутствие в публичном собрании, где говорится Слово Божие и проповедуют Евангелие Царствия Божия?» [7. 1907. № 32. С. 1007].

В ответе на письмо В. Лаврентьева о. Варсонофий возражает – его присутствие стесняло руководителя сектантов и в доказательство приводит

следующие наблюдения: «Он [Лаврентьев] приглашает на свои сектантские собрания только *их* слушать. Но почему же он приглашает только их слушать, а не приглашает возразить на ихнем собрании, если замечено будет, что толкователи сектантские неправду говорят? Вот тут и запятая. Сектанты недолюбливают тех слушателей, которые им возражают и обличают их в неправильном толковании Святого Писания, на что они большие охотники. Я знаю точно, что двое таких слушателей были лишены самими же сектантами права голоса на их собрании, а одного из них Алексея Митрофанова Кукарина сам Василий Лаврентьев просил удалиться с их собрания. Стало быть, мешали же эти люди сектантам на собрании и стесняли В. Лаврентьева криво толковать Святое Писание» [7. 1907. № 32. С. 1010].

В. Лаврентьев пишет: «В заметке говорится, что В. Л. начал толковать произвольно Евангелие от Матфея главу 11, столбец 25. Я должен рассеять некоторую неточность, выраженную в заметке о. Варсонофия» [7. 1907. № 32. С. 1007]. И далее вновь цитирует указанное место в Евангелии и говорит о том, что не вспоминает теперь о прежнем своем толковании, но отмечает, что «в силу воли Господа мы можем говорить только то, что написано в Библии, отнюдь не умаляя заслуг Спасителя нашего Иисуса Христа» [7. 1907. № 32. С. 1008].

На что о. Варсонофий восклицает: «О, если бы действительно сектанты следовали этим своим словам! Тогда бы не стали толковать при чтении 2 главы Евангелия от Матфея, что не нужно почитать святых угодников, что не нужно молиться за умерших, и что не нужен телесный пост!... А потому толкования сектантов безошибочно можно назвать не толкованием и разъяснением Евангелия, а прямым искажением Евангельского смысла, доходящим очень часто до богохульения» [7. 1907. № 32. С. 1012].

В. Лаврентьев замечает, что далее в заметке о. Варсонофия говорится, что «второй толкователь заврался. Это совершенная неправда. Читая Слово Божие не может человек завраться. Другое дело, если о. Варсонофий не понял сказанного, и заведомо захотел искажить, чтобы посмеяться. Но так или иначе для нас все равно – всякий получит награду за свои труды» [7. 1907. № 32. С. 1009].

О. Варсонофий так комментирует данное высказывание: «Пусть знает Василий Лаврентьев, что я пишу про сектантов не для того, чтобы посмеяться над ними, а для того, чтобы они себя увидели как в зеркале, каковы они, что за порядки у них придуманы, что они толкуют, прикрываясь именованием Слова Божия, что проповедуют на своих собраниях чрез разного рода книжонки,

бесплатно раздаваемые ими под вывеской и печатью «Чтение Слова Божия!» [7. 1907. № 32. С. 1013].

Всего было опубликовано 5 статей о. Варсонофия и одно письмо Василия Лаврентьева. Отметим, что статьи о. Варсонофия достаточно объемны – в каждой более 1850 слов, в статье В. Лаврентьева 1344 слова. На первый взгляд, перевес в полемике о. Варсонофия объясняется таким неравным соотношением материалов. Однако о. Варсонофий более аргументировано доказывает свою позицию и старается опровергнуть каждое замечание своего оппонента, в отличие от В. Лаврентьева, который ограничивается общими фразами и формулировками и, не соглашаясь с о. Варсонофием, не приводит доказательств своей позиции.

Опыт публикации письма сектанта в епархиальных ведомостях следует оценивать как элемент новаторства, не характерный для большинства епархиальных изданий.

Впоследствии некоторые статьи о. Варсонофия были выпущены отдельными брошюрами и получили высокую оценку архиепископа Арсения (Стадницкого). Одобряя написанное отцом Варсонофием, он обращал внимание на исчерпывающее изложение вопросов и на доступность изложения. Владыка оказывал и материальную помощь изданию брошюр и распространению противосектантской литературы.

В этот период на страницах епархиальных ведомостей достаточно часто обсуждался вопрос о проповедничестве в епархии. Авторы статей, рассуждая о высоком значении проповедничества в деле укрепления православной веры, видное место уделяли возможным темам пастырских собраний. Как писал в редакционной статье В. Н. Фиников по поводу публикации о. Варсонофия: «Разговор «На молении у сектантов» указывает на неисчерпаемый материал для пастырских собеседований. Пишущему данные строки хорошо известно, что желание, чтобы, например, на вне богослужебных собеседованиях прежде всего читалась Библия, желание не одних сектантов, а многих православных» [7. 1907. № 23. С. 760].

Статья В. Н. Финикова в какой-то степени носит и практический характер для священников епархии, так как в ней автор высказывает свое мнение по поводу того, как можно было бы проводить такие собрания: «И пишущему данные строки видится такая картина собеседования или по крайней мере первой части собеседования. Священник с благоговением открывает Библию и начинает читать святой текст. Ясное в тексте не требует объяснения, а только оценки, насколько слово Божие воплотилось в нашу жизнь. По поводу неясного

заязывается разговор между слушающими чтение Слова Божия. И не думайте, что темный, даже безграмотный мужичек не скажет ценного в пояснение святого текста» [7. 1907. № 23. С. 760].

И в доказательство автор приводит пример из своей жизни: «У нас был опыт беседы относительно тех или иных мест евангелия с безграмотным старцем – крестьянином. Слушали мы его и удивлялись. И только потом тайну его проникновения в мысль Евангелия объяснил нам священник, указавши на слово Апостола: и вы помазание имеете от Святого и знаете все, потому что самое то помазание учит вас» [7. 1907. № 23. С. 760–761].

Таким образом, считает автор, результат таких бесед очень полезен и слушающим и самому священнику, который и «сам получает неоценимые приобретения» [7. 1907. № 23. С. 761].

В следующих номерах ведомостей тема продолжилась, и были опубликованы списки пособий, которые желательно было приобрести священникам епархии для проведения подобных бесед по объяснению непонятных мест в Библии.

На следующем съезде в сентябре 1908 года Фиников так комментировал общий характер публикаций, напечатанных в ведомостях за прошедшие полтора года: «Если взять содержание статей, помещавшихся различными авторами в Епархиальных ведомостях, начиная с Епархиальных Съездов 1907 года, в его целом, то нельзя не заметить, что громаднейшее большинство их посвящено было хозяйственным вопросам (например, эмеритальной кассе и проч.) или внешним проявлениям церковной жизни. Помещение таких статей в Епархиальных ведомостях, конечно, обязательно для Редакции. Однако Епархиальные ведомости должны быть рассчитаны на читателей разных вкусов. Если на страницах Епархиальных ведомостей имеет все права говорить многопопечительная Марфа, то и созерцательная Мария с ее словом не должна быть изгоняема со страниц как всякого духовного журнала, так и Епархиальных ведомостей» [7. 1908. № 39. С. 1238–1239].

Он также отметил слабое освещение в ведомостях различных моментов христианского вероучения, которые в то время подвергались усиленным нападкам и в печати, и в обществе. И призывал духовенство писать на эту тему.

Вновь поднимался вопрос о проповедническом отделе и выпуске в редакцию богословской литературы для перепечаток и отзывов на страницах издания.

Также было предложено заменить раздел «Из текущей епархиальной жизни» разделом «Хроника епархиальной жизни», где помещались бы сведения

о событиях приходской жизни: строительстве храмов, монастырей, часовен, школ, деятельности приходских попечительств, пастырских собраниях и т. д.

Важно подчеркнуть, что к тому времени духовенство епархии начало присыпать свои материалы для публикации в ведомостях, в связи с этим В. Н. Фиников отмечал: «Прежде духовенство лишь редко, редко выступало со своими статьями в своем Епархиальном органе. Теперь, благодарение Богу, почти каждая почта несет статейку, написанную священником, диаконом, учителем церковно-приходской школы, псаломщиком. Дай Бог, чтобы к этим авторам присоединились и рядовые верующие, миряне. Пусть Епархиальные ведомости будут не органом только духовенства, но и органом для всех членов паствы Новгородской, пребывающих в ограде Церкви» [7. 1908. № 39. С. 1238–1239].

Произошедшие изменения говорят о том, что просьбы Финикова на епархиальных съездах не пропали даром – помимо публикаций священников и церковнослужителей, в ведомостях все чаще печатаются статьи и заметки, авторами которых являлись прихожане церквей. Встречались такие псевдонимы как «прихожанин», «православный», «обыватель», «свидетель» и проч.

В 1908 году Фиников вводит рубрику «Старинные дела, хранящиеся в архиве Новгородской Духовной Консистории», где продолжает публиковать архивные документы и статьи, написанные на основе документов Новгородской духовной консистории. В одной из статей используется дело № 2 за 1703 г., согласно которому подьячий Иван Боловенский должен был ехать «в окологородние монастыри и взять именные ведомости за подписью монастырского начальства, о том, сколько в монастырях после переписных книг прибыло или убыло монашествующих, и кто именно принят или пострижен, и по какому царскому указу, и какого числа и месяца, и с каким вкладом, и сколько монашествующих на лицо» [7. 1909. № 3. С. 83].

Сегодня в связи с утратой многих дел и целых архивов Новгородской епархии дореволюционного периода публикации в «Новгородских епархиальных ведомостях» делают последние ценнейшим, а иногда и единственным историческим источником.

Епархиальные ведомости продолжали политику борьбы с пьянством и «разнузданностью» молодежи. Интересной в этом отношении представляется нам публикация «Праздничные смертные казни», помещенная в неофициальной части: «Не пора ли Г. Думе запросить министерство, сколько убитых иувечных приходится в деревнях на всю Россию в “праздники Господни” в течение года.

Судите сами читатель: в одну Устюженскую больницу в праздник Николы привезли 15 избитых (а ведь в одной Европейской России около 700 уездов), четверо из которых умерли, а остальные если и выживут, то ведь удар по голове стягом даром не пройдет, он откликнется или преждевременною кончиною, или сумасшествием, или отразится на потомстве. Не даром нет ни одной деревни, где бы не было дурачков, немых, глухих, эпилептиков и проч. <...> В праздники совершаются заранее обдуманные убийства, чтобы свалить убийства иувечья на “не помню”, “пьяны были”» [7. 1909. № 5. С. 128–129]. Статья содержит эмоциональную оценку автора, который не скрывает своего негодования.

В последующие годы ведомости продолжали на своих страницах вести линию борьбы с пьянством в народе: «Устав епархиального братства трезвости», «Отчет о пожертвованиях братству трезвости», «Вечер братства трезвости» и др.

В декабре 1910 года новгородскую кафедру возглавил архиепископ Арсений (Стадницкий), сменив архиепископа Гурия (Охотина). С этого времени он, как и предыдущий архиерей, сам определял программу издания. Кроме того, напомним, что в 1895–1896 гг. он уже цензировал «Новгородские епархиальные ведомости», т. е. был знаком с изданием и знал его основные проблемы. С 1911 г. ведомости становятся наиболее интересными и разнообразными с точки зрения затрагиваемых тем – из номера в номер публикуются критические статьи по поводу участия церковнослужителей в кооперативах, о низких окладах приходских священников, проблемах пьянства, появления новых сект в Новгородской епархии.

На страницах издания нашли отражение важнейшие стороны деятельности владыки Арсения: участие в сохранении и изучении памятников церковной старины, улучшение церковного пения, забота об учебных заведениях, о преподавателях и учащихся.

Сразу после своего назначения архиепископ Арсений становится инициатором начала работ по реставрации многих новгородских памятников архитектуры: собора Ферапонтова монастыря, так называемого «Лихудовского» корпуса в Новгороде. Ранее там размещалось училище, в котором преподавали братья Лихуды, в 1911 г. после реставрации открытая в Новгороде псаломщицкая школа.

При его непосредственном участии в 1912 году был торжественно открыт Арсеньевский епархиальный дом. В нем разместились консистория, училищный и миссионерский советы, библиотека, иконно-книжная лавка,

епархиальный церковно-исторический музей, гостиница для духовенства и редакция «Новгородских епархиальных ведомостей». В 1913 году в Новгороде по его инициативе открылось церковно-археологическое общество.

В период пребывания на Новгородской кафедре [11], архиепископ Арсений активно участвует в сохранении памятников церковной старины, реставрации древних храмов, фресок, икон. На XV археологическом съезде, проходившем в Новгороде летом 1911 г., владыка выступил с докладом «О современном состоянии собора Св. Софии в Новгороде» [7. 1911. № 32. С. 1014], где были проанализированы результаты последнего ремонта храма, завершившегося в 1900 г. На страницах издания нашли отражение наиболее интересные выступления участников съезда и результаты обсуждения. Но главным итогом съезда было принятие окончательного решения о создании в Новгороде церковно-археологического общества и древлехранилища (церковного музея) при нем.

Продолжая начатые в Пскове дела по улучшению церковного благочиния, в Новгороде были проведены владыкой Арсением два съезда учителей пения – в 1911 и 1913 гг. Он особо отмечал необходимость «дорожить нашим древним церковным пением, в котором отражаются глубина и сила религиозного чувства» [7. 1911. № 4. С. 121]. В ведомостях постоянно публикуются отчеты о том, как обстоят дела с церковным пением по уездам Новгородской губернии, статьи, в которых обсуждаются проблемы, связанные с нехваткой учителей пения и др.

Значительную сторону пастырской деятельности архиепископа Арсения на Новгородской кафедре также составляли забота об учебных заведениях, о преподавателях и учащихся, изучение программ и участие в экзаменах (до этого в 1895–1896 гг. он являлся ректором Новгородской духовной семинарии и помнил с тех пор многих ее преподавателей) [12].

С самого начала своего существования «Новгородские епархиальные ведомости» уделяют большое внимание раскольническим и сектантским движениям. Выступают против этих движений, аргументировано доказывая свою позицию. Материалы, посвященные этой проблеме, по нашим подсчетам, публиковались достаточно часто – по одной статье в каждом номере. Однако с наступлением Первой мировой войны данная тема отходит на второй план и статьи встречаются в среднем раз в три номера.

Важнейшим моментом в укреплении религиозно-нравственной жизни населения своей епархии архиепископ Арсений считал борьбу с пьянством. Он возглавил епархиальное общество трезвости, существовавшее уже с конца

XIX века. В своих проповедях, особенно в дальних приходах губернии, обличал и увещевал в этом направлении паству. Его слова и проповеди, посвященные этой проблеме, печатались в епархиальных ведомостях.

С 1911 года борьба с пьянством в народе становится одной из главных тем ведомостей. В августе 1912 года владыка Арсений возглавил первый Всероссийский съезд практических деятелей в борьбе с алкоголизмом на религиозно-нравственных началах.

Материалы, посвященные теме борьбы с пьянством, публиковались начиная с первых лет существования издания. Сначала это были определения Святейшего Синода с требованиями к священноцерковнослужителям принять меры к искоренению пьянства в народе. С введением неофициальной части стали появляться статьи новгородских авторов, нередко с аналитическим подходом: приводится статистика наиболее «пьющих» уездов губернии, рассказывается о последствиях «пьяных гуляний», о количестве пострадавших от рук пьяных «сорви голов», в особенности, в православные праздники.

Таким образом, с 1906 по 1913 гг. темы противостояния раскольникам и сектантам и борьбы с пьянством в народе становятся центральными темами епархиального издания. Помимо этого, в Епархиальных ведомостях обсуждаются вопросы участия духовенства в политической жизни, сохранения памятников старины, проблемы церковного пения. Кроме того, на страницах епархиального органа представители новгородского духовенства обсуждали высокое значение проповеди в церковной жизни и получали ценные советы и рекомендации по данному вопросу.

К этому времени издание приобретает постоянный формат, объем и структуру, в которую вносятся незначительные изменения в виде переименования рубрик. Особенностью данного периода также является публицистичность издания: многие статьи написаны в публицистическом стиле. Кроме того, в ведомостях все больше начинают публиковаться светские авторы: преподаватели, историки, краеведы.

Отражение событий Первой мировой войны и революции: 1914–1920 гг.

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года Россия вступила в Перовую мировую войну, которую вначале называли Великой, Второй Отечественной. В результате войны более миллиона наших солдат и офицеров были награждены орденами и медалями, потери составили свыше двух миллионов человек [13]. Однако в нашей стране только сейчас появилось несколько памятников павшим в Первой мировой войне.

На исходе XX столетия вопрос о месте Первой мировой войны в общественном сознании стал все чаще привлекать внимание ученых. «Вероятно, ни с одной из великих войн, – писал А. П. Лиферов, – в которых Россия участвовала в последние несколько столетий, не связано такое же молчание и сознательное искажение народного самосознания, как с войной 1914–1918 гг. Несмотря на огромное количество исторической литературы по этому периоду, изданной за последние десятилетия, Первая мировая война в исторической памяти россиян до сегодняшнего дня остается «белым пятном» [14]. Все это говорит об отношении к Первой мировой войне, к ее памяти и к ее героям, господствовавшем в течение многих лет.

Тема Первой мировой войны нашла отражение на страницах «Новгородских епархиальных ведомостей». В этот период ведомости становятся наиболее интересными и информативными.

Редакторами официальной части в период военных действий были: Д. П. Андреев (1903–1915 гг.), П. И. Виноградов (1915–1916 гг.), П. А. Рахинский (1916 г.), И. Вишневский (1916–1918 гг.). Неофициальную часть с 1903–1920 гг. редактировал преподаватель Новгородской духовной семинарии, церковный публицист и краевед В. Н. Фиников. Цензором Епархиальных ведомостей с мая 1913 года являлся ректор Новгородской духовной семинарии архимандрит Тихон.

Во время Первой мировой войны особое значение приобрела военная цензура. Как сообщается в российской и иностранной литературе [15], с началом войны в России вводится «Временное положение о военной цензуре» [16]. На основании ст. 12 «Положения», «Новгородские епархиальные ведомости» этого периода находились под двойным цензурным контролем. С 15 августа (№ 33) 1914 г. на последней странице журнала появляется следующая пометка: «Печать разрешаю. Военный цензор А. Иванов». Со следующего номера военным цензором становится Новгородский вице-губернатор И. Лисаневич. Через год в октябре 1915 г. военным цензором вновь назначается А. Иванов.

На события Первой мировой войны издание прореагировало достаточно оперативно. Первые известия о войне и об организации помощи семьям воинов были опубликованы 25 июля 1914 г. в №№ 29–30. В последующих номерах эта тема становится одной из главных, заполняя собой практически целиком официальную и неофициальную части. Следует уточнить, что в официальной части, помимо обращений государя императора и священноначалия, посвященных военным событиям, сохранялись прежние рубрики «Перемены и движения по службе», «Праздные вакансии».

Важно подчеркнуть жанровое разнообразие публикаций на военную тематику: от коротких заметок до репортажей с элементами интервью. Информация подразделялась на рубрики, которые окончательно оформились к 1915 году.

С первого номера, посвященного военной тематике, появляется постоянная рубрика «Известия о войне», где сведения публикуются в виде коротких информационных заметок. В основном это были перепечатки из других изданий («Новое время», «Русское слово», «Колокол» и др.).

Также в жанре информационных заметок написаны материалы рубрики «Прибытие раненых», которая появляется в 1915 году и становится постоянной. Здесь помещаются сообщения о том, когда и в каком количестве прибыли раненые в Новгород, в какой военный лазарет их отправили. Из статей мы узнаем, что к 1915 году в Новгороде существовало несколько лазаретов. Самые крупные из них располагались в Юрьевом монастыре, при земской больнице, при Общине сестер милосердия Красного Креста.

В 1917 году рубрика «Прибытие раненых» перерастает в раздел «Из Епархиального лазарета», а место заметок статистического характера теперь занимают репортажи. Появление этой рубрики связано с возникновением в Новгороде Епархиального лазарета, который содержался на средства Новгородской епархии.

Репортаж, опубликованный в февральском номере «Новгородских епархиальных ведомостей» 1917 г., рассказывал о том, что 1 января в лазарет прибыла очередная партия раненых – 36 человек. Автор замечает: «Какие все славные, открытые, приветливые лица! С каким удовольствием они рассказывают об успешном своем наступлении около Р.. Передние были одеты в белых балахонах, делавших их незаметными на снегу. Шли без выстрела в глубокой тишине. Первые проволочные заграждения разрезаны русскими незаметно, и первые окопы заняты практически без сопротивления. Выставили было немцы пулемет, но он только начал свою песню и сряду был остановлен. Немцы захвачены были в постелях, неодетыми».

Далее следует повествование о самом лазарете. С помощью глаголов настоящего времени и прямой речи – цитат раненых солдат создается ощущение, словно присутствуешь на месте и видишь все собственными глазами: «Раненые в лазарете по обычаю сгруппировались около стола в юго-западном углу зала, на возвышении; играют в кости и рассказывают отцу диакону Никифоровскому, заведующему лазаретом, о боях, в которых участвовали. Далее на кроватях лежат тяжело раненые. Вот рядовой Узор,

раненый в рот разрывной пулей. Вся голова забинтована, и только смотрит один глаз. Больного питают бульоном с яйцами из чайника. Вот рядовой же Кузнецов. Опять разрывная пуля, и опять рана в челюсть. И сегодня, и завтра подвергается мучительной операции выбирания изо рта раздробленных костей. Благодушнейший Степаненко. Ранен в обе руки. Кормят сестры, но не унывает. Латыш Зиверт, православный, жалуется сестре, что ему «мешает уснуть германец», у него страшная рана разрывною пулею в бок. Когда пуля была извлечена, и ему показали ее, Зиверт сказал: «Я дам им». Он очень хочет выздороветь, чтобы отомстить немцам» [7. 1917. № 3. С. 125–126].

Автор описывает все происходящее настолько реалистично, что мы сопереживаем раненым, чувствуем их боль. Важно подчеркнуть, что в репортажах нет ни одного негативного отзыва о войне, а намерение солдат отомстить врагу и окончательно его победить прослеживается не только в этой публикации.

В статьях на военную тематику акцент ставится на том, чтобы продолжать войну до победного конца. Неоднократно приводятся цитаты раненых с утверждениями, что они будут мстить. Отношение к войне крестьян также выражает четкую политику епархиальных ведомостей: «На войну прихожане смотрят как на наказание, посланное им свыше за их пьянство и грехи» [7. 1915. № 1–2. С. 24].

Но известно, что уже к 1917 году в среде горожан и крестьян недовольство войной все больше усиливалось. Написать об этом «Новгородские епархиальные ведомости» не могли: настроения священноцерковнослужителей были патриотическими и выражали совместное с царем и правительством желание скорейшей победы над врагом.

В этом же номере был опубликован еще один репортаж, посвященный открытию приюта «для детей воинов, убитых, раненых или получивших увечья в настоящую войну» [7. 1917. № 3. С. 126]. Приют находился на станции Любань, Николаевской железной дороги.

В следующем номере хроника прибытия раненых продолжилась: 25 февраля прибыло пятьдесят раненых. Теперь в лазарете на лечении находилось всего семьдесят пять человек. Из репортажа мы узнаем о порядках, существовавших в лазарете. Здесь, как и в прошлом репортаже, используются глаголы в настоящем времени и цитаты. Заведующий лазаретом обратился к раненым со словами: «Каждое утро и вечер мы сообща будем совершать молитву. Пойте молитву все, кто как может. Вы видите в лазарете эту большую икону Новгородских святых. Из почтения к святыне и уважая принятые

порядки лазарета, вы не должны здесь курить, плеваться и прочее» [7. 1917. № 4. С. 193–194].

Следует отметить, что сведения публиковались с опозданием на месяц. Скорее всего, это было связано с сокращением периодичности выхода ведомостей: с 1917 г. они выходят два раза в месяц, ранее с 1906 по 1916 были еженедельными.

Рубрика «Участники войны – воспитанники Новгородской духовной семинарии» появилась 30 января в 1915 г. в № 5 «Новгородских епархиальных ведомостей». Она содержала сведения о воспитанниках Новгородской духовной семинарии, вышедших из нее для поступления «частию в военные училища, частию пожелавших служить рядовыми, частию взятых в армию по набору» [7. 1915. № 5. С. 175]. В этой рубрике публиковались письма родственников бывших воспитанников.

Например, письмо священника Ягановской церкви Череповецкого уезда Виталия Ливанского: «Сын мой, Константин Виталиев Ливанский, с 1914 года состоит на военной службе на радиотелеграфе подводной лодки «...», а потому я почтительнейше прошу Вас, Ваше Высокопреподобие (ректор Новгородской духовной семинарии), как члена комитета по собиранию сведений о защитниках православной веры, Царя и Отечества, питомцах Новгородской духовной семинарии в сию великую вторую отечественную войну включить и моего сына Константина Виталиева Ливанского, в число питомцев защитников Отечества из Новгородской духовной семинарии. Обучался он в семинарии в последнее время в 1912 году и вышел из второго класса» [7. 1917. № 1. С. 37].

В следующем номере было опубликовано письмо диакона Чудской церкви Череповецкого уезда Владимира Мудролюбова, посвященное его брату – фронтовику Павлу Петровичу Мудролюбову: «В августе 1916 г. назначен врачом в пехотный полк на фронте, где первое время был на самой передовой линии, следя за санитарным состоянием окопов, и подавал первую помощь нашим храбрым защитникам» [7. 1917. № 2. С. 89].

Другое письмо также о брате, Борисе Андреевиче Мирославском, присланное в редакцию студентом Казанской Духовной семинарии С. Мирославским: «В чине прапорщика отправлен на Австрийский фронт, в Б. пехотный полк. Во время первого галицкого наступления в августе 1914 г. был контужен, а в октябре того же года после горячей схватки с неприятелем оказался пропавшим без вести. С этого времени уже третий год о нем не имеется никаких сведений» [7. 1917. № 4. С. 179].

Важно отметить значение данной рубрики для издания. Во-первых, через письма осуществлялась обратная связь с читателем. Во-вторых, велась

статистика тех, кто ушел на фронт. По материалам издания можно составить целый список бывших воспитанников Новгородской Духовной семинарии, участвовавших в Первой мировой войне.

На страницах ведомостей публиковались письма, присланные непосредственно из действующей армии. В основном, их пересылали в редакцию родственники или знакомые фронтовиков.

Письмо санитара, опубликованное 10 апреля в № 15 под названием «Величие духа русского воина», было получено его отцом месяцем ранее. По словам отца, это письмо, в котором «в самых теплых словах восхваляется дух, мощь и выносливость нашего русского воина». Говоря о солдатах, санитар пишет: «это действительно чудо-богатыри; мало того, что это громадные вместилища нравственной мощи и красоты душевной, люди, далеко ушедшие от нашей интелигенции в толковании и реализации заповеди Христа о любви... Как тяжело им бывает при переноске, перевязках, извлечении пуль и осколков. И как терпеливо все это они выносят. “Полегче, сестрица, братец”, – перекрестится, закроет глаза, чтобы не видеть лужи крови, в которой лежит».

Санитар говорит о том, что никогда не забудет первый день своего прибытия к месту нахождения раненых, туда, где совсем недавно закончился бой: «Приехали мы туда в течение часа, должны были принять пятьдесят человек раненых, из которых две трети тяжелые... Один из солдат был ранен особенно тяжело. Боже! Как он мучился, как крепко хватался за окружающие предметы и держал их крепко-крепко, боясь отпустить, чтоб хоть как-нибудь чувствовать связь с жизнью. И за все время ни одного грубого слова, ни одного неприятного выпада против всего, что отнимает жизнь». Сын делится с отцом своими впечатлениями, настаивая на том, что выбрал правильный путь: «Как я счастлив, что избрал этот путь, часами горький и прискорбный, но зато единственный, на котором теперь можно стоять смело и чувствовать, что ты не укрываешься за спину ближнего, а всем, чем можешь, до жизни включительно, утоляешь его горькие страдания. Твои и мамины молитвы, Господь даст, сохранят жизнь мне, а если придется умереть, то лучше умереть здесь, чем в мирное время от какого-нибудь воспаления легких или чего-либо другого» [7. 1915. № 15. С. 515–517].

Публикация писем на страницах издания имеет важное значение. Во-первых, это подлинные свидетельства участников войны – благодаря их сведениям спустя практически сто лет можно получить достаточно полную картину тех событий. Во-вторых, несмотря на утрату домашних архивов, некоторые письма родственники фронтовиков могут прочитать в ведомостях.

Публиковались не только отдельные письма, но и переписка между приходскими священниками и солдатами. Например, в № 4 «Новгородских епархиальных ведомостей» 1917 г. была опубликована переписка между священником Старорусского уезда Городецкой церкви Александром Михайловским и солдатом-фронтовиком Степаном Антоновым. Пять писем помещались под общим названием «Просьба с фронта».

Степан пишет: «Благослови нас, батюшка, на святое дело и помолись за нас перед Богом, чтобы Бог помог нам не упасть духом и победить упорного врага немца, да поможет нам Господь Бог! Осмеливаюсь попросить вас, батюшка Александр, будьте настоль любезны и добры, пришлите какую-нибудь душеполезную книгу почтить мне, Степану Антонову, потому что скучно так сидеть в окопах, да и кроме того хочется свободную минуту употребить на душевно полезное чтение, потому что мы смерти ждем каждый час» [7. 1917. № 4. С. 191–192].

Как становится понятно в дальнейшем, священник откликнулся на просьбу солдата и отправил ему книги. Он рассказывает читателям, какой ответ получил от Степана: «Он (Степан) и “даже все крещеные” в окопах шлют за присылку им Евангелий и “крупиц духовной пищи” “большое, сердечное спасибо” и “пламенную благодарность”, просит прислать молитвенник и чего-нибудь еще, так как все присланное Степану “уборали” (т. е. расхватали) у него, очевидно, его товарищи по скучному сидению в окопах» [7. 1917. № 4. С. 191–192].

Эта публикация показывает, что судьба русских солдат на фронте становилась общей судьбой, а деревенский священник, писавший на фронт своим бывшим ученикам и прихожанам, выполнял важную информационную миссию, устанавливая связь между теми, кто на фронте, и теми, кто в тылу. При этом подчеркнем, что круг читателей у «Новгородских епархиальных ведомостей» в начале XX века стал достаточно широким, это были не только священнослужители, но и прихожане, миряне.

Настроения в публикациях, посвященных войне, стали более трагическими к 1916 году, когда число жертв среди новгородцев стало возрастать. Епархиальные ведомости начали вести специальную тему «Передача Георгиевского креста», в регулярных материалах на эту тему сообщалось, где и когда, при каких обстоятельствах и кто передавал Георгиевский крест родителям или родственникам героев, погибших на фронте.

В неофициальной части № 1–2 за 1916 год в епархиальных ведомостях в разделе «Передача Георгиевского креста» сообщалось:

«13 декабря в Новгороде, в церкви св. великомученика Феодора Стратилата, после молебна о даровании победы, была совершена передача георгиевского креста родителям убитого воина Николая Михайловского, ушедшего на войну добровольцем и положившего жизнь свою там за веру, Царя и отчество. Тяжело было слышать рыдания матери, принимающей из рук настоятеля, прот. о. К. Яковцевского, маленький белый крестик; невольно у всех навертывались на глаза слезы, когда о. протоиерей рассказывал столь обычную теперь и столь захватывающую почесть жизни молодого героя. Вот он, воин Николай, движимый порывом своего отзывчивого сердца, идет добровольцем на войну, участвует во многих сражениях и даже среди храбрых выделяется своей храбростью и беззаветным мужеством, так что представлен к “Георгию”. Но награда не застала уже в живых героя. “Вам” говорил о. протоиерей, обращаясь к матери, крест этот не заменит вашего сына, но пусть будет он вам утешением, постоянно напоминая, что сын ваш доблестно исполнил свой долг перед родиной. Он добровольно положил жизнь свою за нас, и мы верим, что Господь за это венчает его венцом мученическим, ибо “нет больше той любви, как если кто положил душу свою за друзей своих” (Иоанн. 15, 13). Должны исполнить и мы свой долг перед ним, должны молиться за него, да простит ему Господь все согрешения его, вольные и невольные, и упокоит, идже несть болезнь, ни печаль, ни вздохание.

После вручения креста была отслужена панихида по убиенному воине Николае» [7. 1916. № 1–2. С. 44].

За годы войны общей становилась и трагедия военных потерь, когда за сухими цифрами статистики официальных сообщений, благодаря публикациям «Новгородских епархиальных ведомостей», вставали личные судьбы тех новгородцев, кто честно и отважно сражался, но не вернулся с поля боя. Горе близких могли разделить все читатели этого церковного издания.

Война, которая начиналась за рубежами России, пришла на ее территорию, и одной из важных тем стала тема беженцев. В хронике «Епархиальной жизни» она получила совершенно неожиданное звучание:

« — *Нашествие волков.* В Боровичском уезде нынешней зимой наблюдается необычайное обилие волков, которых почти каждую ночь видят то в той, то в другой ближайшей к городу деревне и на дорогах. Волки эти тоже, по всей вероятности, беженцы. Грохот артиллерийских орудий выгнал из лесов западного края много всякого зверья, которое переселилось на восток. (М.В.)» [7. 1916. № 1–2. С. 44].

В этой небольшой заметке война представлена как всеобщая драма для всего живого, когда участь беженцев настигает не только людей, но и зверей, которые бегут от места сражений.

Публикациям «Новгородских епархиальных ведомостей» на тему Первой мировой войны были присущи не только патриотические настроения, что было очевидным для официального издания, но и проникновенное чувство личного соучастия в этих трагических событиях мирового масштаба.

Следует сделать вывод о том, что материалы на военную тематику в период с 1914–1918 гг., безусловно, преобладают над другими публикациями.

В этот период епархиальное издание затрагивало актуальные для Новгорода и Новгородской епархии вопросы. На страницах ведомостей публикуются сведения о погибших, об оказании помощи семействам убитых воинов. Издание призывает население жертвовать на военные нужды и регулярно публикует отчеты о денежных и вещевых поступлениях в Епархиальный комитет для оказания помощи раненым и семьям лиц, призванных на войну. Результатом такой работы можно отметить тот факт, что уже в сентябре 1914 в комитет на нужды русской армии было пожертвовано 9087 рублей 82 копейки [7. 1914. № 38. С. 1215], не считая вещевых поступлений.

Статьи на военную тематику в целом носят эпизодический характер. Это связано с цензурными требованиями данного периода: существовал запрет на публикации о составе и численности войск, о вооружении, обмундировании, довольствии, санитарном состоянии, о местах расположения и о передвижении частей, о боевой готовности армии и флота, о потерях в личном и материальном составе и др. В связи с такими требованиями пресса этого периода сообщала общие формулировки и сведения о войне.

Проанализировав материалы 1914–1915 годов, можно отметить, что помимо публикаций на военную тематику также практически в каждом номере в среднем две статьи (в отдельных номерах до пяти статей) освещали проблему пьянства и закрытия винных лавок в деревнях и городах Новгородской губернии.

3 октября в № 40 1914 г. была опубликована статья священника Соснинской церкви Демянского уезда Николая Весского под названием «Трезвенническое торжество». В ней показано отношение к войне некоторых крестьян того времени. Священник пишет: «Я боялся, что встречу на свое предложение закрыть казенку сильный отпор со стороны крестьян, особо предававшихся пьянству, но, к удивлению моему, они-то мне больше всего и

помогли в деле закрытия казенки. «Неужто это будет, батюшка, что все казенки закроют?» – спрашивали они меня. И на мой ответ, что казенок во все времена войны, по приказанию Государя Императора, нигде не откроют, облегченно вздыхали и радовались» [7. 1914. № 40. С. 876].

Автор отмечает, что в подобных разговорах иногда встречались курьезные случаи, которые свидетельствовали о том «ужасе, который пьянство вносит в семейную жизнь крестьянина. Так одна прихожанка, сын которой (семейный человек) алкоголик, в настоящее время протрезвился и начал работать, услыхав от меня о закрытии всех казенок на все времена войны, от души воскликнула: «Господи! Да кабы эта война-то да была подольше!».

Статьи на данную тему практически всегда носили публицистический характер и стремились убедить читателей (среди которых встречались и крестьяне) в правильности политики царя и правительства.

В публикации подобных материалов, безусловно, видится нам заслуга правящего архиерея Арсения (Стадницкого), который в 1914 году являлся членом Государственного совета и участвовал в обсуждении законопроекта об изменении и дополнении существующих правил продажи крепких напитков.

В 1917–1918 гг. архиепископ Арсений был назначен заместителем председателя Всероссийского Поместного Собора и, по свидетельству других участников, фактически руководил почти всеми соборными заседаниями. В октябре 1917 на Соборе был один из трех кандидатов в Патриархи (наряду с владыками Антонием и Тихоном), при голосовании был вторым после архиепископа Антония – однако по жребию церковь возглавил московский архиерей Тихон.

Одна из тем, затрагиваемых в издании этого периода, была связана с нестроениями, существовавшими на тот момент в Православной Церкви. Материалы публиковались в жанре проблемных статей. Если проблемы были особо значимы, то иногда это перерастало в полемику и статьи публиковались из номера в номер.

В течение нескольких месяцев на страницах Епархиальных ведомостей обсуждался вопрос об отношении участия духовенства в кооперативных учреждениях. Первая статья на данную тему под названием «Духовенство и кооперативные учреждения» была опубликована в № 50 «Новгородских епархиальных ведомостей» за 1913 г. и содержала критику такого участия. Следующее письмо с положительной оценкой данного вопроса было опубликовано спустя четыре номера в № 1–2 за 1914 г. Далее полемика продолжилась в № 6, № 10, № 13, № 14, № 18, № 28, № 35 «Новгородских епархиальных ведомостей».

Другой проблемой, обсуждаемой на страницах издания, стало пособие, которое выплатили новгородскому духовенству «ввиду дороговизны жизни». Статья имеет кольцевую композицию. Начинается и завершается поговоркой. По ходу статьи автор, подписавшийся инициалами С. М. З., расшифровывает, почему именно эту поговорку он выбрал в качестве начала: «Существует поговорка: «Из муhi сделали слона». Оказывается, и «из слона можно сделать муhi». Отметим, что целый пласт публикаций отражал проблемы, существовавшие среди священноцерковнослужителей епархии и касающиеся низкого жалования, несправедливо полученных церковных наград и др.

Февральская революция 1917 года положила конец царской цензуре. Временное правительство объявило свободу слова, свободу выпуска периодических изданий, свободу торговли ими. С мая 1917 – декабрь 1918 гг. в издании перестала существовать военная цензура.

В связи со сложным материальным положением с августа 1917 ведомости выходят два раза в месяц. Со страниц ведомостей В. Н. Фиников обращался к читателям: «Отцы и братия, судьба Епархиального органа <...> в ваших руках. Положим себе за долг, ради взаимного осведомления, сообщать в редакцию о всех радостных и печальных, больших и малых событиях в нашей приходской жизни, и мы будем осведомлены о течении епархиальной жизни так, как не осведомит нас никакой другой орган» [7. 1917. № 31. С. 1102].

Издание ведомостей в послереволюционные годы было необычайно сложным. Типография отказалась печатать их без разрешения властей. С большими трудностями В. Н. Финикову удалось достать бумагу из губернского бумажного фонда.

В следующем, 1918 году хроника епархиальной жизни приобрела телеграфный стиль. Здесь сообщения о голоде, арестах и расстрелах духовенства, реквизиции монастырского имущества и земель и т. п.

Обратимся к публикациям епархиального издания в 1918 году, посвященным судьбе Новгородской духовной семинарии, в последнем году ее существования.

Год начался с трагических событий: Новгород оказался на грани гражданской войны, причем события непосредственно разворачивались в стенах Антониева монастыря, где располагались корпуса семинарии. Об этом сообщалось в трех публикациях первого номера епархиальных ведомостей от 15 января 1918 года.

В тексте «В Антониевом монастыре» без подписи, что позволяет предположить авторство В. Н. Финикова, преподавателя семинарии и очевидца

событий, сообщалось: «В Антониевом монастыре помещаются остатки ударного батальона, заявившего себя защитником Учредительного собрания. Ударников немногих: человек 40. Они ждут нападения захвативших в свои руки власть большевиков. И вот картина, которую мы наблюдали в Антонове, например, 8 января.

На колокольне, на всех этажах, вооруженные солдаты. Здесь и командир батальона. Все ворота монастыря, кроме святых, заперты. Солдат со штыком за святыми воротами, – там, где дорога делает поворот на восток. Ударники, среди которых мы заметили учащуюся молодежь, вооруженные, с запасом патронов, группируются около святых ворот, готовые встретить и отразить нападение.

Около св. ворот братия монастыря. В здании семинарии воспитанники-сироты, человек 40, оставшиеся на каникулы. 8 января, на педагогическом заседании, в 2 часа дня, постановлено: «признать участие семинаристов в вооруженной междуусобной борьбе недопустимым». Воспитанникам семинарии на случай опасности предложено спасаться у городских знакомых и в квартирах их воспитателей, преподавателей семинарии».

Но самый большой текст об этих трагических событиях назывался «На страже мира» и был посвящен миротворческой деятельности новгородского митрополита Арсения и епископа Тихвинского Алексия. В статье рассказывается, что 9 января в городе распространились слухи о неизбежности вооруженного столкновения между силами Совета Солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и вооруженным отрядом сторонников Учредительного собрания, засевших в Антониевом монастыре.

В этой ситуации Владыка Арсений и Преосвященный Алексий «решились обратиться к обеим сторонам с христианским призывом не доводить дело до братоубийственной борьбы, грозящей многими жертвами, а также угрожающей целости Антониевой обители, хранящей в себе святые мощи своего основателя, Преподобного Антония Римлянина, и являющей собою одну из древних и чтимых святынь Новгородских».

В три часа дня они отправились в Совет, который находился в здании Дворянского собрания, и встретились с председателем Совета. Владыка, не высказывая своего отношения к сущности политического конфликта, «просил и умолял» о мирном решении конфликта, чтобы «не омрачать и без того тяжелой и скорбной годины народных бедствий». Речь Митрополита Новгородского Арсения, вероятно, возымела действие, и его заверили в том, что «для Совета крайне нежелательно доводить дело до оружия», но он не может не требовать от засевших в монастыре разоружения и «ликвидации задуманного мятежа». В

итоге Совет согласился встретиться с представителями мятежников, чтобы сообщить им условия, при которых им будет сохранена жизнь.

В статье сообщается, что «Владыка выразил желание переговоров и с начальником отряда, дабы его убедить мирным образом разрешить вопрос», с этой целью он приехал вместе с Преосвященным Алексием в Антониев монастырь. «Поклонившись св. мощам Преп. Антония, Владыки в покоях настоятеля дали надлежащие указания братии». Было решено перенести раку с мощами в нижний храм Преп. Сергия и Серафима. Владыка одобрил решение начальства семинарии о недопустимости участия семинаристов в вооруженном конфликте, как сообщается в статье: «ибо как Архипастырь, так и семинария ответственны перед родителями учеников за жизнь их детей, несмотря на трудное время отправленных в семинарию для учения, а не для боевых действий». Также оставшихся в семинарии воспитанников решили на следующий день отправить в Хутынский монастырь, где настоятель монастыря Преосвященный Алексий обещал «дать им приют и прокормление».

Затем Владыки имели долгую беседу с руководителем мятежного отряда. Главные аргументы, которые они выдвигали: важность сохранить жизнь тех, кто в отряде, а там было немало молодых людей, учащейся молодежи, и конечно же, сберечь от разрушения святую обитель, которая оказалась под угрозой в этом конфликте. Митрополиту Новгородскому Арсению удалось убедить руководителей отряда воспользоваться предложением Совета и для этого Владыки вновь отправились в Совет, чтобы получить для мятежников свидетельство «на право свободного пропуска двух представителей отряда в Совет для переговоров...», при этом переговорщикам гарантировалась полная безопасность.

Как сообщается в тексте, в 7 часов вечера Преосвященный Алексий передал свидетельство в Антониевом монастыре руководителям отряда и вновь имел с ними продолжительную беседу о недопустимости здесь в обители вооруженной борьбы.

В том же первом номере опубликован текст с лаконичным названием «10 января». В нем сообщается: «10 января состоялось заседание Правления семинарии. Правление было осведомлено, что воспитанники семинарии выселены в Хутынский монастырь. Опять был разговор о том, как бы предупредить разгром Антониева монастыря и семинарии. О. Ректора, приехавшего 9 января вечером, но не впущенного ночью в свой монастырь, корпорация просила еще раз съездить в Совет рабочих и солдатских депутатов с просьбою не подвергать монастырь и семинарию опасности разгрома. Кроме

того, предложено обратиться к гражданам Новгорода с возванием не допустить до разрушения древнюю обитель.

12 января утром ударники оставили монастырь преподобного Антония. Они рассеялись, неизвестно куда. Семинаристы возвращаются в семинарию и с ними с 15 января предположено начать занятия».

Таким образом, вооруженного столкновения в стенах Антониева монастыря в январе 1918 года не произошло.

В этом трагическом эпизоде, как в призме, отражается заботливо-ответственное отношение преподавателей семинарии к своим питомцам. Поэтому неудивительно, что летом этого же года в № 11 от 1–15 июня было опубликовано трогательное своей искренностью письмо выпускника семинарии, которое называлось «Настоящим и бывшим питомцам Новгородской духовной семинарии»: «На днях я посетил по своим личным делам Новгород, – писал автор. – Никогда раньше я не испытывал такого тяжелого чувства, как теперь, когда страшный голод наложил свою беспощадную руку на все проявления жизни обитателей города. Среди слабеющих от голода людей я увидел своих бывших наставников, принужденных на старости лет искать себе иногда самой непосильной и черной работы, чтобы найти средства для пропитания своих голодных семей.

Дороговизна необычайная (картошка 360 руб. мешок, муки не найти), а за июнь не выдано и жалованье.

Мы питомцы Семинарии, живя по селам и деревням, не думали, что наши наставники в таком бедственном положении. А посему настал час, когда сердце наше должно побудить нас оказать им посильную помощь. Пусть же каждый прочтя эти строки, доставит своим наставникам самое необходимое из предметов продовольствия, не стесняясь количеством, кто что может, ну фунт, 3–5 муки, крупы, картофеля. Этим мы доставим великое утешение тем, кому обязаны своим воспитанием, и выполним пред ними свой нравственный долг». Подпись: Студент Московской Духовной академии, бывший питомец Семинарии *И.Р.*

К этому письму в епархиальных ведомостях было помещено примечание редакции: «Помещаем письмо, как изображение действительного положения вещей, и с благодарностью доброму сердцу бывшего питомца Семинарии. Если бы письмо это нашло отклик, преподаватели были бы рады посильно оплатить продукты и возместить почтовые расходы».

Летом 1918 года одна из «печальных» тем публикаций в «Новгородских епархиальных ведомостях» – это тема закрытия Новгородской духовной семинарии.

В № 12 за 15–30 июня помещена заметка: «На Епархиальном Собрании». В ней идет речь о том, как и по каким причинам было принято постановление «временно закрыть, семинарию и духовные училища». Автор писал с трагической нотой, что «история осветит и оценит это деяние Епархиального собрания». Одна из причин: «за недостатком средств», но помимо этого подчеркивалось, что «предержащая власть, издавшая декрет о подчинении всех школ ведению государства, не могла согласиться и не соглашалась на дальнейшее существование семинарии... в прежнем виде».

Далее ведомости публиковали различную информацию о том, где и как бывшие воспитанники семинарии смогут продолжить свое образование, как богословское, так и светское.

В Хронике находили освещение новые решения властей в сфере образования. И несмотря на новостной характер публикаций, в них все равно прослеживалась негативная оценочность происходящих событий.

Неслучайно история новгородской семинарии – одна из важнейших страниц в содержании губернского епархиального издания, ведь это образовательное учреждение воспитало много поколений новгородской интеллигенции, которая была ориентирована на традиционные ценности, где вера является конституирующей. Например, по сообщениям издания новгородские родители готовы были по личной инициативе за собственные средства организовывать уроки Закона Божия для своих детей, вопреки решениям властей.

В 1918 году и оформление, и содержание издания стремительно меняются вслед за трагическими переменами в стране. В февральском номере «Новгородских епархиальных ведомостей» 1918 г. на первой странице в последний раз была напечатана фотография Софийского Собора. В неофициальной части три статьи посвящены обсуждению декрета народных комиссаров об отделении церкви от государства. Критика этого постановления с точки зрения того времени была слишком смелой. Впоследствии на суде Финикову припомнят публикации подобного рода.

В мартовском номере ведомостей критика правящего режима и действий местных властей продолжилась. По поводу расстрела священника Павла Кушникова сообщалось: «Убиенному предъявлено было обвинение в сношениях с белой гвардией. Покойный, как передают, на коленях молил пощадить его жизнь. Убийцы, видимо, колебались. Дважды вожак их давал им команду для расстрела, но они не слушались. Наконец отцу Павлу велено идти. Он перекрестился и направился из дома... Когда о. Павел был в воротах, в

спину ему последовал залп. О. Павел упал и застонал. Револьверная пуля, выпущенная главарем в рот, докончила мрачное дело» [7. 1918. № 5. С. 92].

Неофициальная часть следующего номера практически полностью заполнена статьями об арестах священнослужителей: «На муки за Христа», «Около Св. Софии», «Гонения на Церковь в Боровичах», «За веру».

С 1 июля 1918 г. В. Н. Фиников назначается редактором и официальной части ведомостей.

Июльский номер ведомостей 1918 г. открывался объявлением: «От редакции. Типография Дорофеева, где печатаются Епархиальные ведомости, реквизирована и была временно опечатана и закрыта, почему и задержался выпуск очередного номера» [7. 1918. № 14. С. 493].

В 1919 году удалось выпустить лишь 8 номеров: «Не только неимение средств, но и другие обстоятельства не позволили сделать очередных выпусков Ведомостей за 1919 г. 1919 год закончен № 7–8» [7. 1920. № 1-2. С. 1].

Как сообщала газета «Новгородские епархиальные ведомости», возобновленная в 1995 году, в 1919 году епархиальные ведомости, как и большинство изданий того времени, были закрыты «за контрреволюционную направленность» [7. 1905. № 1. С. 3].

Но через несколько месяцев в том же 1919 году при тщательном просмотре дел Государственного архива Новгородской области удалось найти номера, датированные 1920 годом. Их было всего четыре: за январь – февраль (№ 1–2), март – апрель (№ 3–4). «Тираж последних номеров колебался от 900 до 1000 экземпляров» [17].

Печатались номера во второй Новгородской Государственной Типографии. Цена с пересылкой составляла 50 рублей. Отдельно № – 5 руб. Выходили раз в месяц.

В официальной части в разделе «От редакции» помещалась информация, объясняющая задержку с выходом январского номера: «На выпуск нужно было получить разрешение Государственного Издательства. Разрешение дано 29 декабря 1919 г. Потом начались хлопоты о бумаге, ордера на ее приобретение от Государственного Издательства, несмотря на двукратную просьбу, долгое время не было получено. Спасибо представителям Власти на месте, которые отпустили бумагу для выпуска № 1–2 Ведомостей. Будем хлопотать, где нужно, и дальше; дай только Бог, чтобы эти хлопоты увенчались надлежащим успехом» [7. 1920. № 1-2. С. 1].

В послании «Божию Милостию» Патриарх Московский и всея России Тихон писал: «Указывают на то, что при перемене власти служители Церкви

иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устроением торжественных богослужений разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви, которые по своему сану должны стоять выше всяких политических интересов» [7. 1920. № 1–2. С. 2–3].

Также в номере помещен список священнослужителей, удостоенных награждения ко дню святой Пасхи 1920 года. Раздел «Праздные вакансии» содержал вакансии священнические, диаконские, псаломнические. В разделе «От Епархиального братства» публиковали информацию о денежных сборах, рукоположении псаломщиков в сан диакона, объединении архивов всех правительственные учреждений, монастырей и церквей в единый государственный архивный фонд.

Следующий – объединенный № 3–4 «Новгородских епархиальных ведомостей» 1920 г. – начинается заметкой редакции о том, что епархиальные ведомости разрешены к изданию Государственным Издательством под условием помещения в них лишь официальных известий по епархии. Таким образом, неофициальная часть не может быть выпускаема.

Номер содержит текст молитвы на литургии после сугубой ектении, циркуляр Губисполкома об отделении церкви от государства, указ о снятии церковного благословения и о венчании разведенных, новости от Епархиального совета, праздные вакансии.

На каждой странице этого номера стоит печать: «разрешено Военной Цензурой», тогда как в предыдущих № 1–2 данная печать поставлена лишь на первой странице. Этот факт свидетельствует об ужесточении цензуры, что также повлияло на закрытие издания.

С 1914 по 1918 год в новгородском издании Епархии материалы на военную тематику, безусловно, преобладают над другими публикациями. Кроме этого, продолжают публиковаться материалы, посвященные борьбе с пьянством, рассказывая о закрытии винных лавок в уездах и о собраниях братств трезвости. Также издание продолжало осуществлять миссионерскую и просветительскую функции с целью недопущения отпадения от православия, критиковать раскольничество и другие «около православные» и сектантские течения.

Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) также привнес ряд новых тем – именно он определял программу издания этого

периода. В частности при нем Епархиальные ведомости начинают освещать проблему сохранения памятников церковной старины.

Таким образом, центральными темами данного периода были противостояния раскольникам и сектантам, борьба с пьянством в епархии, забота о сохранении памятников церковной старины, Первая мировая война и революционные события 1917 года.

Характерной особенностью данного периода становится публицистический стиль многих статей, опубликованных на страницах «Новгородских епархиальных ведомостей». Ведущими публицистами этого времени становятся о. Варсонофий и В. Н. Фиников. Основные публицистические работы В. Н. Финикова посвящены темам борьбы с пьянством в народе, Первой мировой войне, революционным потрясениям. Его публикации отличает эмоциональность, красочность, насыщенность фактами, иногда излишний пафос.

Отметим, что авторами публикаций все чаще становятся не только духовные, но и светские лица.

«Новгородские епархиальные ведомости» этого периода содержат достаточно ценные сведения и с точки зрения разнообразия затрагиваемых тем, и с точки зрения злободневности и своевременности публикаций для того времени. Именно в этот период епархиальный орган становится актуальным и интересным уже не только для священноцерковнослужителей, но и для православного населения епархии. Особенность данного периода состоит еще и в разнообразии жанровых форм, представленных на страницах журнала (заметка, проблемная статья, репортаж, интервью).

Заключение

В первый период 1875–1905 гг. в «Новгородских епархиальных ведомостях» публиковалось достаточно большое количество официальной информации. В начале периода издание было устойчиво по форме и содержанию, однако к 1905 году в нем начинают происходить существенные изменения, которые определяют дальнейшее более успешное существование издания.

Второй период существования «Новгородских епархиальных ведомостей» 1906–1920 гг. связан с историческими событиями: революционными потрясениями 1905 г., 1917 г., Русско-Японской, Первой мировой войнами и началом войны Гражданской. В Епархиальных ведомостях появляется четкая структура, расширяется тематика публикаций. Сокращается количество перепечаток из других изданий, появляются новые рубрики, постоянные авторы, расширяется аудитория. В рубриках помещались материалы о распространении христианства, миссионерской деятельности, борьбе с пьянством в епархии, о поверьях, обрядах и обычаях, из истории местных приходов, монастырей, церквей и т. п.

Несмотря на свою религиозную направленность, «Новгородские епархиальные ведомости» затрагивали актуальные для Новгорода и Новгородской епархии вопросы. Помимо стремления поднять патриотические чувства паствы в годы Первой мировой войны, «Новгородские епархиальные ведомости» продолжали выполнять служебную функцию, публикуя официальную информацию Церкви, Синода, церковных иерархов, тексты и материалы, необходимые для богослужения, отчеты церковных ведомств, местных организаций и учреждений. Помимо этого, они в той или иной степени вели духовное воспитание паствы, определенную культурную, просветительскую работу.

Даже в условиях революционных потрясений «Новгородские епархиальные ведомости» выполняли важную функцию – стремились сохранить православные ценности и донести их до читателя, словом пытаясь противостоять революционному террору.

Многие моменты, начиная от преобразования издания и заканчивая подбором тем и материалов для очередной статьи, зависели от правящего архиерея. В этом смысле достаточно успешной по отношению к Епархиальным ведомостям можно считать политику, которую осуществлял архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) в содружестве с

редактором неофициальной части В. Н. Финиковым. Вместе за несколько лет им удалось найти такие темы и подходы, которые позволили «Новгородским епархиальным ведомостям» стать достаточно успешными и выделиться из ряда однотипных изданий того времени.

Издание публиковало на своих страницах мнения читателей, нередко противоположные редакционной политике, что может оцениваться как элемент новаторства в журналистской практике Епархиальных ведомостей.

«Новгородские епархиальные ведомости» – это уникальный исторический свидетель тех событий, что происходили в Новгородской губернии. А в период революции и гражданской войны издание вовсе вышло за рамки строго «епархиальной жизни», так как кардинальная ломка социальных институтов, мировоззрения, быта стала общей судьбой всего народа.

Литература и источники

1. Летенков Э. В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости 1838–1917 гг. Санкт-Петербург, 2005.
2. Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. Санкт-Петербург, 2008. 268 с.
3. РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 1505.
4. РГИА. Ф. 797. Оп. 45. Д. 48. Л. 1–2.
5. РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 43. Л. 1.
6. Алфавитно-предметный указатель к Новгородским Епархиальным Ведомостям за 25 лет (1875–1899). Новгород: Губернская типография, 1900. С. 1.
7. Новгородские епархиальные ведомости. Великий Новгород, 1875–1920.
8. Епархиальная цензура. Статья первая // Церковно-общественный вестник. 1880. 7 мая. № 54. С. 3.
9. Епархиальная цензура. Статья третья // Церковно-общественный вестник. 1880. 21 мая. № 60. С. 2.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 7027.
11. Здравомыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Великий Новгород, 1897. С. 237.
12. Жерве Н. Н. На духовной страде // Церковь и государственная власть России в XX в.: Пятые Арсеньевские чтения. Великий Новгород, 2006. С. 35.
13. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Москва, 2001.
14. Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты. URL: http://bankrabit.com/work/work_71997.html
15. Charles A. Ruud. Censorship // Encyclopedia of Russian History. James R. Millar, editor in chief. New York, 2004. P. 218.
16. Громов Н. А. Цензура и шпионство по законам военного времени. Петроград: Библиотека военного времени. Издание Б. А. Суворина, 1914. С. 8.
17. Моисеев С. Из истории «Новгородских Епархиальных ведомостей» // Новгородские Епархиальные ведомости. 1995. Октябрь. № 9. С. 3.
18. Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии: Вып. 1. Петроград, 1917. С. 71.

Цензура

«Новгородских епархиальных ведомостей»

Подробно изучить, каким образом осуществлялась цензура издания, не представляется возможным, так как архив редакции не сохранился. Однако для получения общего представления о цензуре, осуществлявшейся в епархиальном издании, можно выделить основные вехи биографии цензоров в период их сотрудничества с ведомостями.

Предварительную цензуру с 1 января 1894 – 15 июня 1895 г. осуществлял ректор Новгородской духовной семинарии и настоятель Новгородского Антониева монастыря, архимандрит Михаил (Темнорусов) (1854–1912 гг.). В 1881 г. он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и на момент назначения его в Новгородскую духовную семинарию уже имел опыт преподавания в Архангельской и Кишиневской духовных семинариях и опыт ректорства Ставропольской духовной семинарии.

С 21 июня 1895 г. в связи со сменой ректора Новгородской духовной семинарии (архимандрит Михаил был перемещен на должность ректора Могилевской духовной семинарии) № 13 издания цензировал исполняющий должность ректора семинарии П. Спасский.

С 9 июля 1895 г. цензором ведомостей становится новый ректор Новгородской духовной семинарии, архимандрит Аркадий (Карпинский) (1851–1913 гг.). В 1877 г. он окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия и на момент назначения в Новгородскую духовную семинарию уже дважды был ректором – в Волынской и Могилевской духовных семинариях. Имел множественные правительственные награды. Указом Святейшего Синода от 14 июня определен настоятелем Новгородского Антониева монастыря. В 1896 г. он получил серебряную медаль на Александровской ленте в память царствования Императора Александра III, а 14 мая был Всемилостивейше награжден орденом св. Анны 2-й степени. 6 октября 1896 г. хиротонисан в епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии.

После отъезда архимандрита Аркадия в Нижний Новгород, Новгородскую семинарию возглавил архимандрит Арсений (Стадницкий) (1862–1936 гг.). До назначения в Новгородскую семинарию архимандрит Арсений преподавал в Кишиневской духовной семинарии, совмещая эту работу с редактированием «Кишиневских епархиальных ведомостей». С октября 1896 по январь 1897 гг., имея звание магистра богословия, он цензировал

«Новгородские епархиальные ведомости». В конце января 1897 г. он был назначен инспектором Московской Духовной Академии.

После архимандрита Арсения (Стадницкого) предварительную цензуру двух февральских номеров епархиального издания 1897 г. временно осуществлял исполняющий должность ректора семинарии, инспектор семинарии, иеромонах Евдоким.

С марта 1897 и до конца 1902 года цензором епархиального органа являлся ректор семинарии, архимандрит Димитрий (Сперовский). Он увлекался церковной историей и был почетным членом Новгородского общества любителей древностей. При его непосредственном участии были раскрыты фрески в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря. В его бытность построен и освящен придел Тихона Задонского в церкви Сретения. Он нашел и опубликовал в «Трудах XV археологического съезда» описание Антониева монастыря 1696 года. Впоследствии становится епископом Сухумским [15, с. 71].

Тексты из «Новгородских епархиальных ведомостей» (1875–1920)

№ 14. 31 июля. 1889 год.

С. 214–215.

Рапорт священника Соколова

В текущем 1889 году некоторым моим прихожанам, по преимуществу состоятельным, присланы пригласительные письма к пожертвованиям на различные Афонские обители с вложение в каждое письмо иконы Божьей матери или кого-либо святого, печатанной на полушелковой материи. По наведенным мною справкам таковые письма разосланы в большом количестве состоятельным крестьянам, купцам, чиновникам и других приходов Демянского уезда. 15 сего июня получено и мною пригласительное к пожертвованиям письмо от Иеромонаха Иннокентия, настоятеля Афонской Рождества Св. Иона Предтечи обители. Судя по безграмотности прилагаемого при сем письма, по печати, скрепляющей письмо, очевидно русского происхождения, по неопределенности адреса для корреспонденции, по конверту с немецкой маркой, и принимая во внимание неоднократные газетные предостережения, извещавшие, что в Одессе существует шайка обманщиков, рассылающих приглашения к пожертвованиям на Иерусалимские и Афонские обители, у меня явилось подозрение, что как мне, так и прихожанам письма рассылаются недобросовестными людьми с целью эксплуатировать в свою пользу святое и дорогое религиозное чувство православного русского человека – благотворительность. Предостережение с недоверием относиться к подобным письмам, делаемые со стороны священника прихожанам, и советы отсыпать свои жертвы на Афон и Иерусалим более верным путем, часто не достигают своей цели: простой человек, в особенности купец и крестьянин, подкупается тем, что его знают как благотворителя так далеко – на Афоне и в Иерусалиме, лично посыпают к нему письмо с изображением Афонских обителей, скрепленное печатью, и благословляют еще иконой с Афонской горы, да и сам сельский священник без авторитетного разъяснения высшей духовной власти не имеет средств как самому убедиться, так убедить и прихожан в подлинности или подложности рассыпаемых пригласительных к пожертвованиям писем. Со своей стороны, сомневаясь в подлинности рассыпаемых приглашений к пожертвованиям на Афонские обители и нуждаясь в подтверждении своих сомнений, честь имею представить при сем на рассмотрение Духовной Консистории письмо, присланное на мое имя вместе с иконой Божией Матери и

два письма: 1) Приставу 1 стана Демянского уезда Г. Поспелову с иконой Божией Матери и 2) Учителю Молвотицкого училища Г. Орлову (икона св. Иоанна Златоустого, присланная с письмом, Г. Орловым удержанна у себя), и вместе с тем покорнейше прошу у Духовной Консистории руководственных распоряжений относительно сих и подобных писем.

№ 1. 1 января. 1903.

С. 7–8.

Что значит крестный ход на Иордании?

Это не простой, хотя великолепный обряд. Церковь не занимает никого и не занимается праздными зрелищами; она совершает святой воспоминательный обряд, вызываемый потребностью самой природы, или естества стихий – воды и воздуха, оскверняемых и растлеваемых непрестанно грехами человеческими, и потребностью самих людей, живущих в воздушном пространстве на оскверненной грехами земле и имеющих непрестанную нужду в здоровой воде.

Вся природа и все стихии, повторяю, постоянно оскверняются человеческими грехами и лукавыми духами, живущими в воздухе и производящих в нем всякие тлетворные веяния и болезни. И потому является неотложная потребность церковного освящения и оздоровления этих зараженных стихий, благо на это Церковь имеет от Бога власть и илу. Не замечаете ли, что особенно в нынешний год что то неладное творится в подлунном мире, т. е. у на нас земле? То – совершенная беззимица и идут дожди, когда им не надо быть, или расстилаются вредные туманы или выпадает глубокий снег, становится зима и вдруг начинается южное веяние, и растопляет весь снег, то и дело смена явлений в природе, неподходящая ко времени года. А отсюда сколько острых болезней, сколько умирающих внезапно или очень скоро? Слабые телесные или даже и сильные организмы падают часто в борьбе с таким вредным непостоянством в природе. Конечно она изображает наше непостоянство, нашу неверность Богу, наше шатание житейское и наказывает нас за то.

Гряди же, гряди, церковь Божия, Святая и освящающая всех и все, на воды – и освяти их вместе с воздухом, данную тебе от Бога благодатию и очисти и оздрави их, даруй нам в окроплении и питии освященной воды очищение и освящение нам жилища с нашим и здравие душам и телам нашим. Всеблагий и всемощный Освятитель мира, Душе Святый, от Отца исходяй, и в Сына почивай, всех нас очисти, освяти, просвяти, уврачуй, обнови и утеши чудным, живописным, святым и пресладким Твоим осенением.

№ 41. 1914.

С. 1354–1355.

Религиозно-нравственные чтения в Арсениевском Епархиальном Доме.

5 октября в Арсениевском Епархиальном Доме открылись религиозно-нравственные чтения. Владыка Архиепископ был в отъезде, в Череповецком уезде, а поэтому на первом чтении присутствовал только Преосвященный Епископ Алексий.

Православные с усердием посещают религиозно-нравственные чтения; и первое чтение прошло при весьма многочисленных слушателях, наполнивших зал. На хорах, на всех трех сторонах, также собралось очень много народа. Применительно к обстоятельствам времени, епархиальный миссионер проповедник о. Иоанн Виноградский говорил на такую тему: «Христианский взгляд на любовь к отечеству».

Во вторник, 7 октября, начались в Епархиальном Доме и еще чтения, заведенный предшественником о. Виноградского в должности епархиального миссионера священником Николаем Чепуриным. Эти чтения состоят в следующем. Лектор читает одну или две главы из Нового Завета, а потом предлагает посильное разъяснение их. В прошлом году таким образом прочитана была кн. Деяний Апостольских соборные послания. Ныне о. миссионер начал это чтение Слова Божия посланием к Римлянам, с первых двух глав.

12 октября в Епархиальном Доме, теперь уже в присутствии

Высокопреосвященного Архиепископа, состоялось второе очередное религиозно-нравственное чтение. Лекторами выступали: 1) священник Николай Екатеринский, говоривший на тему «Божие промышление в военных событиях настоящего времени»; 2) преподаватель духовного училище В. И. Билибин, говоривший на тему «Начало Русского Государства».

Нет никакого сомнения, что подобные же религиозно-нравственное чтения откроются или уже и открыты духовенством и по другим городам Епархии. И мы ждем когда интересные сообщения об этом будет помещены на страницах нашего епархиального органа.

№ 50. 1914. 12 декабря.

Неофициальная часть.

С. 1658–1659

Письмо солдата

Нам доставлено письмо солдата на имя протоиерея Покрово-Мологской церкви Устюжского уезда, Петра Лаврова. Приводим его:

«Батюшка, отец духовный! Сердечно Вас благодарим за Ваше посланное благословение на поле брани.

Мы, недостойные вами духовные сыновья, приняли ваше благословение с великой, неоценимой радостью. Радуемся и о том, что неверно не забыла нас наша святая православная церковь – Покрова Пресвятой Богородицы, в которой мы крестились и приняли все таинства православной веры.

Вы, настоятель святого храма сего, благословляете на поле брани, духовных чад своих. Сим благословением свидетельствуете вам о незабвенности о нас нашей церковью и нашим учителем и отцом духовным. По сему божественному благословению усиится в нас дух воинства и увеличится сила мужества на одоление упорного нашего врага. Просим ва, батюшка, помолитесь всемилосердой Заступнице, Царице Небесной, Покровительнице нашей – Покрову Пресвятой Богородицы, о нас грешных, дабы помиловала нас сражавшихся на поле брани и покрыла бы святым своим омофором от пули вражей и помогла бы победить упорного врага.

С верным почтение и искренней преданностью, ваш духовный сын и ученик Григорий Ефимов крест. д. Погорелова»

1914 года ноября 20 дня.

Батюшка, прошу вас: передайте мое искреннее желание добрых благ моим родственникам; может, они не получают от меня никаких известий. Сердечно благодарят вас за наше благословение Матвей Никифоров и Андрей Трифомов. Адрес мой: Действующая армия, бригада, батарея, старшему фейерверкеру Григорию Ефимову Белозерову»

Приведенное выше письмо получено в редакцию при письме уважаемого о. протоиерея Петра Лаврова такого содержания:

«Посылаю в Ваше распоряжение одно письмо из Действ. Армии. Оно мне более понравилось между другими письмами моих бывших учеников. В молодости и был вместе и священником и учителем своих ц-прих. школы; теперь мне через 25 л. приятно убедиться, что мои ученики, хотя грамматику и забыли, но зато сохранили твердую веру в Бога, мужество и христианскую настроенность. Да поможет им Господь»

№ 1-2. 1916. 1-8 января

Часть неофициальная.

С. 44.

Передача Георгиевского креста.

13 декабря в Новгороде, в церкви св. великомученика Феодора Стратилата, после молебна о даровании победы, была совершена передача

георгиевского креста родителям убитого воина Николая Михайловского, ушедшего в войну добровольцем и положившего жизнь свою там за веру, Царя и отчество. Тяжело было слышать рыдания матери, принимающей из рук настоятеля, прот. о. К. Яковцевского, маленький белый крестик; невольно и всех навертывались на глаза слезы, когда о. протоиерей рассказывал столь обычную теперь и столь захватывающую почесть жизни молодого героя. Вот он, воин Николай, движимый порывом своего отзывчивого сердца, идет добровольцем на войну, участвует во многих сражениях и даже среди храбрых выделяется своей храбростью и беззаветным мужеством, так что представлен к «Георгию». Но награда не застала уже в живых героя. «Вам» говорил о. протоиерей, обращаясь к матери, крест этот не заменит вашего сына, но пусть будет он вам утешением, постоянно напоминая, что сын ваш доблестно исполнил свой долг перед родиной. Он добровольно положил жизнь свою за нас, и мы верим, что Господь за это венчает его венцом мученическим, ибо «нет больше той любви, как если кто положил душу свою за друзей своих» (Иоанн. 15, 13). Должны исполнить и мы свой долг перед ним, должны молиться за него, да простит ему Господь все согрешения его, вольные и невольные, и упокоит, идже несть болезнь, ни печаль, ни вздохание».

После вручения креста была отслужена панихида по убиенном воине Николае»

Хроника Епархиальной жизни. С. 56–60.

С. 59.

– *Нашествие волков.* В Боровичском уезде нынешней зимой наблюдается необычайное обилие волков, которых почти каждую ночь видят то в той, то в другой ближайшей к городу деревне и на дорогах. Волки эти тоже, по всей вероятности, беженцы. Грохот артиллерийских орудий выгнал из лесов западного края много всякого зверья, которое переселилось на восток. (М.В.)

№ 4. 22 января. 1916.

Часть неофициальная

С. 119–120

Ужели опять пьянство?

Не так бы самый сильный громовой удар потряс мой организм от зачитанного мною оповещения, появившегося в № 95 за 12 декабря (суббота) в Новгородских губернских ведомостях: «Росписание местностей внегородских поселений Новгородской губернии на разряды по взиманию патентного сбора с заведений для продажи крепких напитков, утвержденное Г. Новгородским

Губернатором на трехлетие с 1 января 1916 года по 1 января 1919 года». Неужели зеленый змий опять поднимает свою голову? И снова начнет жалить и душу и тело человеческое? Неужели опять вспыхнет этот винный пожар и снова будет истреблять все святое, все дорогое для нравственного, духовного и физического благосостояния человека! Усердно прошу тех, кто это знает, разъяснить мне все это, успокоить; а если показалось зарево пожара, то все мы должны ударить в набат, чтобы не быть захваченными врасплох и предпринять какие-либо меры к спасению!..

Быть может, я пропустил бывшие какие-либо распоряжения по сему событию, а по сему и не приготовился к этому нравственному потрясению. Еще раз прошу сведущих людей поделиться своими суждениями и мнениями... Просто страшно становится за свой родной край. Как радо все население-то было своему отрезвлению. Как легко оно вздохнуло, и вдруг опять напасть. Как обогатилось, вышло из тряпья и приоделось, - и старый и малый весело глядел на жизнь. А нравственно как повысился люд крещенный?! И всему сему крах!!.. О! что-то страшное и ужасное!...

Демянского уезда, Сухонивской церкви,
Священник *Николай Озеров»*

№ 11. 1916.

Часть неофициальная
С. 344–345

Макарьевское совещание о трезвости

Из письма участника. 1916 г. 29 февраля.

Сегодня как избитый. Вчера очень устал. Но на душе сознание исполненного долга. Совещание происходило так. После моего отчета о совещании 19 января, чтения телеграмм и приветствий (между прочим и от о. А. Ваучского) был заслушан доклад о. П. Кедрова «Народ без водки», произведший сильнейшее впечатление на слушателей. За ним следовал мой «Отстоимте трезвую Россию», а в заключении о. Игумен обратился к присутствующим с призывом «последовать за своими пастырями».

В результате вся аудитория целиком хотела записаться в Макарьевское братство. Пришлось делать разъяснения и выбор.

В конце концов 51 душа дала обещание всеми силами стоять за трезвость и получила грамоты из рук самого о. Игумена...

Спевка и беседа прошли хорошо. Раннюю пели всею церковию и даже по «Спутникам», которых в Макарьеве 5 экз.

Устал, но за то и вознагражден и за труд, и за бессонную ночь. В деле Божьем мне убогому место находится. Жизнь так и учит нисколько на себя не надеяться.

На 12 июня на совещании предложено устроить общий крестный ход со всех окружных церквей. Будем живы – опять потрудимся и … утешимся и общей верой и общим упованием.

И.А.Б.

№ 16. 15-31 августа. 1917.

Часть неофициальная

С. 570–571.

В защиту монастырей

Кто хоть раз отдыхал душою в святой обители от житейской суеты и в тиши имел возможность поговорить, тот не может не чувствовать благотворного значения этих тихих пристанищ. Недаром тысячи богомольцев ежегодно притекают к святым местам. Чудотворные святыни, усердные службы, благоговейное молитвенное настроение сошедшихся с разных сторон богомольцев – все это невольно располагает к молитве, захватывает душу, отрывает ее от земных забот, возвышает к вечному, небесному; и благодать Божия согревает измученную душу, вознаграждает за смиренные труды. Мы здесь обновляемся и возвращаемся на свои труды, которые уже не будут казаться такими тяжелыми, – добрыми, способными переносить все горести, ниспосланные Господом.

Не напрасно усердием благочестивых людей устроены эти дорогие для душевного спасения обители. Больно слушать неосновательные, легкомысленные на них нарекания. И хочется сказать всем тем, кто по неведению, конечно, критикует жизнь монастырскую: постарайтесь испытать сами плодотворное значение святых обителей.

Мирянка

№ 1. 1918. 15 января

Часть неофициальная

С. 4–5.

Братская кровь

7 января, в воскресенье, пролилась невинная кровь и на улицах тихого Новгорода, который давно привык слушать лишь звон колоколов, но никак не выстрелы и не стоны раненых и умирающих. В этот день к вечеру толпы граждан при участии чинов штаба снабжения северного фронта направились к бывшему дворянскому собранию, где помещается исполнительный комитет рабочих и солдатских депутатов. Граждане шли, во-первых, выразить протест против

странных обысков населения, о которых ниже, и, во-вторых, просить об освобождении арестованных накануне представителей общественных организаций, выступивших защитниками Учредительного Собрания. Но лишь толпа вступила на площадь, где стоит памятник 12 года, она была обстреляна из пулеметов, которые помещались в дворянском собрании и на пожарной каланче. Из дворянского собрания пули летели в расположенный против него цирк, где в это время шло представление, и на находящийся за цирком каток. В результате убитые и раненые. Убит начальник почтового отделения на Софийской стороне, юноша реалист, женщина, мать семейства, солдат служивший в штабе снабжения северн. Фронта и др.

Что же население? Должны сказать, что нервы у нас притупились. Мы «привыкли», по-видимому, и к произволу и к крови. На следующее утро, правда, в городе началась всеобщая забастовка. Бастовали — почта, все правительственные учреждения, все учебные и торговые заведения, кроме продовольственных лавок. Бастовал даже городской водопровод. Но разве так выражается глубокое, от сердца идущее, охватывающее все существо человека возмущение?

Припоминаются страницы Библии с ее негодованием против подобного кровопролития. *Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей.* (Быт. IV, 10–11). *Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божиу* (Быт. IX, 6). *Кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее* (Чис., XXXV, 33)

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

Волховский листок. 1903–1917.
Ильмень. 1906–1907.
Новгородская жизнь. 1909–1911.
Новгородская неделя. 1906.
Новгородские епархиальные ведомости. Великий Новгород, 1875–1920.
Новгородские губернские ведомости. 1838–1918.
Новгородский листок. 1881–1882.
Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 50. 2 марта.
Памятная книжка Новгородской губернии. 1858–1917.

Литература:

Архивные материалы:

ГАНО. Ф. 630. Оп. 1.
РГИА. Ф. 776.
РГИА. Ф. 796.
РГИА. Ф. 797.

Сборники законодательных актов и документы:

Власть и пресса в России: К истории правительственного регулирования отношений: (1700–1917): хрестоматия / под ред. Т. С. Иларионовой. Москва, 1999. 237 с.

Русская журналистика в документах: история надзора / [О. Д. Минаева]; под ред. Б. И. Есина, Я. Н. Засурского. Москва, 2003. 397 с.

Свод законов Российской Империи / [Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг]; под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. Санкт-Петербург, 1912.

Определение Консистории от 1–6 марта 1875 г., утверждено Его Высокопреосвященством // Новгородские Епархиальные ведомости. 1875. 15 августа. № 17. С. 16.

Определение Консистории, утвержденное Его Высокопреосвященством 31 марта 1873 г. // Новгородские Епархиальные ведомости. 1875. – 15 сентября. № 19. С. 19.

Определение Святейшего Синода от 28 июля – 15 августа 1871 г. о непременном исполнении духовенством Старорусского училищного округа // Новгородские Епархиальные ведомости. 1888. 1 февраля. № 3. С. 87.

Определение Святейшего Синода от 20 октября – 5 ноября 1876 г. № 1821 относительно учеников, несвоевременно являющихся в училище из отпусков // Новгородские Епархиальные ведомости. 1876. 1 декабря. № 23. С. 13.

Определение Новгородской духовной консистории от 21–30 Новгородские Епархиальные ведомости. 1882. 1 июля. № 13. С. 12.

Распоряжение по IV судному столу // Новгородские Епархиальные ведомости. 1889. 30 марта. № 6. С. 37.

Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / сост. А. В. Блюм. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004.

Исследования и статьи:

Акопов А. И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). Иркутск, 1985. 96 с.

Акопов А. И. Некоторые вопросы журналистики: история, теория, практика (публикации разных лет). Ростов-на-Дону, 2002. 368 с.

Андронова Н. И. Публицистика в провинциальной газете XIX в.: аспекты изучения // I-формат: Журналистика провинции. 2008. Вып. 4. С. 122–129.

Арсений. На духовной страде. Слова и речи. Т. 1–2. Новгород, 1914.

Арсений. Настоящее состояние Софийского собора в Новгороде. Новгородская и Псковская области в сношениях с южными славянами. Новгород, 1914.

Арсений. Новгород и Псков в сношениях с южными славянами. Реферат на 15 Всероссийском археологическом съезде в Новгороде 29 июля 1911 г. Новгород, 1911.

Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. Санкт-Петербург, 1904. 833 с.

Ахмадулин Е. В. Пресса политических партий России начала XX в.: Издания консерваторов. Ростов-на-Дону, 2001. 132 с.

Бакина О. В. Современная православная журналистика: Опыт региональных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001.

Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: сводный каталог-репертуар. Санкт-Петербург, 2008. 645 с.

Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. Москва, 1971. 316 с.

Бартенев П. И. Заметка о сельских типографиях в России // Библиографические записки. 1858. Т. 1, № 9. С. 281–283.

Бережной А. Ф. Русская периодическая печать в годы Первой мировой войны. Ленинград, 1975. 152 с.

Боричевский И. Обозрение губернских ведомостей с 1842 по 1947 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1848. 4. 58. № 5, 6; 4. 59. № 8; 4. 68. № 10; 1957. 4. 69. № 2; 4. 72. № 10.

Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX – 1914 г. Москва, 1984. 152 с.

Булацев Х. С. Пионеры провинциальной печати (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Ленинград, 1981. 142 с.

Бурмистрова Л. П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985. 140 с.

Варсонофий, иеромонах. На молении у сектантов и обличение их. Новгород, 1907. 11 с.

Вахрушев А. А. Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX в.). Ижевск, 1994. 109 с.

Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Санкт-Петербург, 1999. 569 с.

Вопросы истории журналистики / под ред. А. И. Курасова. Свердловск, 1974. 140 с.

Вопросы истории, теории и практики местной печати: тезисы докладов науч.-практ. конф. / под ред. Н. И. Ховрич. Воронеж, 1969. 76 с.

Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Москва, 2001.

Гордеева Н. М., Станько А. И., Чичкина Н. Д., Корнилов Е. А. Из истории журналистики Дона. Ростов-на-Дону, 1977. 252 с.

Гормин В. В. Из истории местной периодической печати // Ориентир. 1991. № 9. С. 28–31.

Гормин В. В. Из истории новгородской прессы // Чело. 1995. № 1.

Гормин В. В. Новгородская частная // Время новгородское. 2003. № 3.

Гормин В. О чем писали «Епархиальные ведомости» 15 декабря 1895 г. // Новгородские Епархиальные ведомости. 1995. Февраль. № 2. С. 2.

Гормин В. О чем писали «Епархиальные ведомости» 15 января 1895 г. // Новгородские Епархиальные ведомости, 1995. Январь. № 1. С. 3.

Гормин В. В. Первая местная газета // Новгородский комсомолец. 1983. № 84.

Гормин В. В. Сон новгородца // Новгородская правда. 1966. № 207.

- Гормин В. В. «Страж» начала века // Новгород. 1991. № 48.
- Громов Н. А. Цензура и шпионство по законам военного времени. Петроград: Библиотека военного времени. Издание Б. А. Суворина, 1914.
- Движение повременной печати 1904–1906 гг. // Книжная летопись. 1908. № 1. С. 7.
- Дейч Г. М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IX. 1978. С. 236–253.
- Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840–1850 гг. Москва; Ленинград: Художественная литература, 1951. 501 с.
- Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Санкт-Петербург, 2007. 327 с.
- Духин Я. К. Кто был автором статьи «Из Сибири» в герценовском «Колоколе» // История СССР. 1966. № 6. С. 219–220.
- Есин Б. И. Путешествие в прошлое: Газеты, мир XIX в. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1983. 160 с.
- Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). Москва, 1981. 132 с.
- Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. 1702–1917 гг. Краткий очерк. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1971. 88 с.
- Есин Б. И. Русская журналистика 70–80-х годов XIX века / под ред. проф. А. В. Западова. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1963. 191 с.
- Есин Б. И. Триста лет отечественной журналистики (1702–2002). Москва, 2002. 224 с.
- Епархиальная цензура. Статья первая // Церковно-общественный вестник. 1880. 7 мая. № 54. С. 3.
- Епархиальная цензура. Статья третья // Церковно-общественный вестник. 1880. 21 мая. № 60. С. 2.
- Жаворонков А. Новгородские стихи И. П. Можайского // Новгородская правда. 1960. № 293.
- Жирков Г. В. Духовная журналистика: история, традиция, опыт // Журналистика. Церковь. Просвещение. Санкт-Петербург, 2002.
- Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. Санкт-Петербург, 2003. 206 с.
- Журналистика и журналистское образование в современном мире: идеи, концепции, технологии / под ред. Ю. В. Лазарева. Рязань, 2009. 200 с.
- Журналистика и краеведение: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б. Н. Назаровского и А. П. Гайдара / [Т. И. Быстрых]. Пермь, 2004. 112 с.

Журналистика. Церковь. Просвещение / под ред. Г. В. Жиркова. Санкт-Петербург, 2002. 141 с.

Жэрве Н. Н. На духовной страде // Церковь и государственная власть России в XX в.: Пятые Арсеньевские чтения. Великий Новгород, 2006.

Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / отв. ред. Д. Н. Замятин. Москва: Институт Наследия, 2008. 760 с.

Здравомыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Великий Новгород, 1897.

Ильинский П. Новое торжество в с. Оксочах Крестецкого уезда. Поучение о св. братьях Кирилле и Мефодии. Великий Новгород, 1899.

Истомина Э. Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.). Ленинград: Лениздат, 1972. 622 с.

Кашеваров А. Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. Санкт-Петербург, 2004. 162 с.

Кашина Л. В. Печать русской православной церкви: периодизация и перспективы // Типология периодических изданий: учеб. пособие. Москва, 1995.

Кашинская Л. В., Реснянская Л. Л., Лукина М. М. Религия в информационном поле российских СМИ. Москва, 2003. С. 14–21.

К-ий М. Губернская пресса // Новое слово. 1896. № 12. С. 161–168.

Книга в России. 1881–1895 / под ред. Н. Р. Бочкаревой. Санкт-Петербург, 1997. 430 с.

Круглов А. В. Из литературных воспоминаний // Исторический вестник. 1895. Т. L XI. С. 626–636.

Костикова Н. Типологические характеристики православной печати. Москва, 1996.

Куприянов И. К. Новгородские губернские ведомости в 1852 году // Москвитянин. 1853. Т. II. № 7. Отд. V. С. 93–98; Т. IV. № 10. Отд. V. С. 159–181.

Куприяновский П. В. Газета как источник литературно-краеведческих разысканий // Роль Поволжья в развитии отечественной литературы и фольклора: краткие тез. докл. на XXI Межвуз. науч. конф. литературоведов Поволжья. Кострома, 1988.

Курбакова Е. В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Нижний Новгород, 2008. 375 с.

Леготина О., Варенцов В. Первая газета губернии // Новгородская правда. 1988. № 6.

Лепилкина О. И. История ставропольской журналистики. Ч. 1: XIX – начало XX вв. (дооктябрьский период). Ставрополь, 2005. 168 с.

Лепилкина О. И. Партийная пресса в российской провинции в начале XX века: становление и типологические характеристики // I-формат: Журналистика провинции. 2008. Вып. 4. С. 146–162.

Лепилкина О. И. Периодизация в историко-журналистских исследованиях как теоретическая проблема // Современные проблемы журналистской науки: ежегодный сб. науч. ст. Воронеж: ИД «Квarta», 2009. С. 51–63.

Лепилкина О. И. Условия и факторы зарождения провинциальной журналистики в России // Вестник Иссык-Кульского университета. Каракол, 2010. № 26. С. 181–186.

Лерхе Э. В. // Калужская энциклопедия: сб. материалов. Калуга, 1994. Вып. 1.

Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России конца XIX – начала XX вв. Ленинград, 1988. 176 с.

Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг.: материалы для истории русской журналистики. Репринтное издание 1915 г. Санкт-Петербург, 2007. 1098 с.

Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX вв. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / под ред. Б. А. Бялика. Москва, 1982. 372 с.

Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX вв. Социал-демократические и общедемократические издания / под ред. Б. А. Бялика. Москва, 1981. 390 с.

Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. Санкт-Петербург, 1997. 134 с.

Макашин С. А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860 годов. Москва, 1972. 599 с.

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. Москва, 2005. 496 с.

Мандрика Ю. Л. Губернские ведомости в научной парадигме // Журналистика и массовые коммуникации. 2010. № 3. С. 169.

Мандрика Ю. Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. 104 с.

Мандрика Ю. Л. Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 1 (71). С. 85–93.

Методика изучения периодической печати / под ред. Б. И. Есина. Москва, 1977. 109 с.

Митин И. И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004. 160 с.

Михаил, иеромонах. Как молится истинный пастырь? (Практическая руководственная заметка для священнослужителей). Новгород, 1900.

Моисеев С. Из истории «Новгородских Епархиальных ведомостей» // Новгородские Епархиальные ведомости. 1995. Сентябрь. № 8. С. 5.

Моисеев С. Из истории «Новгородских Епархиальных ведомостей» // Новгородские Епархиальные ведомости. 1995. Октябрь. № 9. С. 3.

Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // Дело. 1875. № 10. С. 1–28.

Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70 гг. XIX в. Москва, 1999. 511 с.

Мохначева М. П. Из истории цензурирования «Новгородских губернских ведомостей» (по материалам РГИА) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1995. С. 110–111.

Мохначева М. П. Новгородская периодика о социально-экономическом развитии края в XIX в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1993. С. 66–68.

Нетужилов К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия. Санкт-Петербург, 2008. 268 с.

Новгородское епархиальное братство святой Софии, Премудрости Божией. Седьмая годовщина Новгородского епархиального братства. Новгород, 1893.

Очерки русской культуры XIX в. Т. 1: Общественно-культурная среда / под ред. Л. В. Кошман. Москва, 1998. 384 с.

Павленков Л. Н. Книжное дело и периодические издания в России в 1891 г. (приложение к «Историческому вестнику»). Санкт-Петербург, 1892. 44 с.

Павлов В. А. Лики «свободы печати». Власть и пресса. Урал. 1905–1907 гг. Екатеринбург, 2002. 52 с.

Петров М. Н. Крест под молотом / Новгородский гос. ун-т им. Я. Мудрого. Великий Новгород, 2000.

Петровская И. Ф. Театр и зритель провинциальной России второй пол. XIX в. Москва, 1979. 248 с.

Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: материалы 3-й Всерос. летней школы «Провинциальная культура России: Подходы и методы изучения истории повседневности» / под ред. С. Ю. Малышевой. Казань, 2002. 330 с.

Покровский А. М. Знаменский роспев (большой). Техническое построение роспева на древнегреческих ладах и разбор мелодических строк (лида и фиты). Новгород, 1897.

Покровский А. М. Хоровое церковное пение, его значение и постановка. Новгород, 1898.

Покровский М. А. Церковное осмогласие и его теоретическое основание. Новгород, 1897.

Проблемы журналистики / под ред. А. Ф. Бережного. Вып. 5. Из истории русской журналистики и публицистики XIX в. Ленинград, 1975. 76 с.

Проблемы истории общественной мысли и историографии / под ред. Л. В. Черепнина. Москва, 1976. 388 с.

Провинциальный город: культурные традиции, история и современность: тезисы докладов / под ред. А. А. Сундиевой. Москва, 2000. 165 с.

Провинция как реальность и объект осмысления: материалы науч. конф. / под ред. М. В. Строганова, А. Ю. Сорочана. Тверь, 2001. 228 с.

Прохоров Е. П. 1838 // Русская периодическая печать (1702–1894): справочник / под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепахова. Москва, 1959. С. 255–271.

Пушкин И. Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях. Санкт-Петербург, 1844. 331 с.

Рождественский П. Слово к заключенным в тюрьме в день Божией Матери всех скорбящих радость (Произнесено протоиереем Новгородской тюрьмы Петром Рождественским 24 октября 1907). Новгород, 1907.

Российская провинциальная частная газета / под ред. Л. Е. Кройчика и Ю. Л. Мандрики. Тюмень, 2004. 432 с.

Русская журналистика 18–19 веков. Тексты / под ред. Б. Есина. Москва: Изд-во МГУ, 1986. 320 с.

Русская провинция. Культура XVIII–XX вв.: сб. статей / под ред. С. О. Шмидта. Москва, 1993. 136 с.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т. / под ред. П. А. Николаева. Т. 1. Москва, 1989. 672 с.; Т. 2. Москва, 1992. 626 с.; Т. 3. Москва, 1994. 592 с.; Т. 4. Москва, 1999. 704 с.; Т. 5. Москва, 2007. 800 с.

Савинова И. Д. Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть. 1917–1991. Великий Новгород, 1998.

Светлов Г. И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Вып. 1. Петроград, 1917.

Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762–1800). Москва, 1983. 49 с.

Секретарь Л. А. Дома, события, люди (Новгород XVIII – начало XX вв.). Великий Новгород: Кириллица, 1999. 252 с.

Сергий. Слово о святом Иоанне Златоусте по случаю исполнившегося 1500-летия со дня его блаженной кончины. Новгород, 1907.

Слезскинский А. Эдуард Васильевич Лерхе (К характеристике его деятельности) // Русская старина. 1898.

Становление и развитие местной печати России / под ред. Г. В. Антюхина. Воронеж, 1985. 117 с.

Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX века. Ростов-на-Дону, 1969. 202 с.

Тепляшина А. Н. Типологическое развитие и жанровые тенденции конфессиональной прессы // Типология печати: Проблемы теории и практики. Санкт-Петербург, 1995.

Типологическое развитие журналистики / под ред. А. И. Станько. Ростов-на-Дону, 1993. 176 с.

Типология журналистики. Вопросы методологии и истории / под ред. Е. А. Корнилова. Ростов-на-Дону, 1987. 160 с.

Типология периодических изданий / под ред. Е. А. Корнилова. Ростов-на-Дону, 1984. 160 с.

Типология периодической печати / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. Москва, 2007. 236 с.

Типология печати: Проблемы теории и практики: материалы науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов». Санкт-Петербург, 12 марта 1998 г. / под ред. Б. Я. Мисонжникова. Санкт-Петербург, 1999. 122 с.

Типология развития журналистики / под ред. А. И. Станько. Ростов-на-Дону, 1993. 176 с.

Тихомиров А. Л. На празднике трезвенников в Великом Новгороде. Новгород, 1907.

Томингас Т. Что писали о Новгороде сто лет назад // Новгородские ведомости. 2009. № 8. С. 7.

Торжество открытия Успенской Рдейской общежительной пустыни. Старая Русса, 1894. С. 4.

Торопова Е. В. Археологическое изучение Новгородской земли в начале XX века: указатель памятников археологии И. С. Романцева // Вестник НовГУ. 2006. № 38. С. 24–27.

Торопова Е. В. Из истории археологического изучения Новгородской земли (Руф Гаврилович Игнатьев, 1819–1886) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Великий Новгород, 26–28 января 1999 г. Великий Новгород, 1999. Вып. 13. С. 337–342.

Успенский С. Н. О домостроительстве спасения людей чрез Господа нашего Иисуса Христа. 13 бесед. Новгород, 1896.

Феогност. Слово его высокопреосвященства, высокопреосвященнейшего Феогноста, архиепископа Новгородского и Старорусского, произнесенное в неделю восьмую по пятидесятнице. Новгород, 1898.

Феогност. Слово высокопреосвященнейшего Феогноста, архиепископа Новгородского и Старорусского, произнесенное в неделю о расслабленном. Слово высокопреосвященнейшего Феогноста, архиепископа Новгородского и Старорусского, произнесенное в неделю о самарянине. Новгород, 1896.

Фиников В. Н. Беседа преподавателя семинарии В. Н. Финикова, сказанная во время освящения храма у «Заблудших родителей», 16 сентября 1907 г. Новгород, 1907.

Фиников В. Н. Екклезиаст. Обзор содержания с переводом затруднительных мест славянского текста и объяснениями применительно к программе духовных семинарий. Новгород, 1899.

Фиников В. Н. Справедливо ли во имя будто бы науки отвергать сказание Библии о сотворении мира. Новгород, 1910.

Фиников В. Н. Справедливо ли говорят, будто ученые люди не веруют в Бога. Новгород, 1909.

Фойницкий И. Я. На досуге: сб. юридических статей и исследований с 1870 г. Т. 2. Санкт-Петербург, 1900. 574 с.

Фрумкин Л. «Литературное гнездо» в Новгороде // Новгородская правда. 1979. № 136.

Хайле И. А. П. И. Пузино и его записки, касающиеся сельского хозяйства // Вестник НовГУ. 2004. № 29. С. 25–28.

Чапнин С. Проблемы роста // Фома. 2008. Май. № 5 (61). С. 15.

Черепахов М. С., Фингерит Е. М. Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917). Москва, 1957. 352 с.

Шангин В. В. Сельские типографии в последней четверти XVIII в. Рузаевские издания Струйского. Санкт-Петербург, 1903. 29 с.

Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. Санкт-Петербург, 1997. 316 с.

Эйдельман Н. Я. Свободное слово Герцена. Москва, 1999. 527 с.

Якимов О. Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: От возникновения до наших дней. Новосибирск, 2000. 192 с.

Charles A. Ruud. Censorship // Encyclopedia of Russian History. James R. Millar, editor in chief. New York, 2004.

Авторефераты и диссертации:

Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой пол. XIX в.: по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2004. 695 с.

Болтуц О. А. Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру (на материалах кубанской периодики рубежа XIX–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 156 с.

Гуторова Н. А. Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): становление и типология: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009.

Иванова Е. В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики 1838–1917 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 229 с.

Ишкин Б. С. Представление о провинциальном городе в российской культуре XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2007. 26 с.

Карева А. В. Развитие социокультурной среды губернского города Центральной России в конце XIX – начале XX вв.: провинциальное своеобразие: на материале Рязани: дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2007. 254 с.

Лепилкина О. И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 37 с.

Ляхова С. С. Провинциальный город как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2006. 23 с.

Мандрика Ю. Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (На материале «Тобольских губернских ведомостей»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 24 с.

Мандрика Ю. Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (На материале «Тобольских губернских ведомостей»): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 159 с.

Масальцева Т. Н. Литературная критика газеты «Пермские губернские ведомости»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 24 с.

Михайлова М. Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии (1838–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. 32 с.

Полусмак Т. Л. Цензурное законодательство революционной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 27 с.

Савенков С. В. «Орловские губернские ведомости» (1865–1905 гг.) в формировании общественного мнения губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. 26 с.

Тимофеева Е. С. «Церковные ведомости» 1888–1918. История издания: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007.

Шурупова Е. Е. «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 24 с.

Интернет-источники:

Большая советская энциклопедия // Словари. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse> (дата обращения: 23.01.2009).

Замятин Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение // Вестник гуманитарной науки. URL: <http://vestnik.rsuu.ru/article.html?id=60235> (дата обращения: 06.07.2009).

История Великого Новгорода. URL: <http://www.vnovgorod.info/istoria.html> (дата обращения: 08.06.2011).

Клубкова Т. В., Клубков П. А. Русский провинциальный город: стереотипы и реальность // «Отечественные записки» – журнал для медленного чтения. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=32&article=1352> (дата обращения: 09.08.2010).

Кучук Мирослав Александрович // Деятели революционного движения в России. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Революционеры/Кучук%20Мирослав%20Александрович/> (дата обращения: 24.08.2010).

Митин И. И. Мифогеография: пространственные миры и множественные реальности // Communitas. 2005. № 2. URL: http://communitas.narod.ru/3-Communitas_2_2005_Mitin.pdf (дата обращения: 08.08.2011).

Мосин О. В., Мосина С. А. Маленький Зевс на высоких каблуках // Авторский проект Librero.ru. URL: <http://www.librero.ru/article/author/letopisy/zevs.htm> (дата обращения: 17.05.2010).

Новгородские митрополиты продолжают традиции своих знаменитых предшественников // Новгородские страницы. URL: <http://www.pages.nov.ru/Russian/History/hist3.html>

Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: этические и эстетические аспекты. URL: http://bankrabit.com/work/work_71997.html

Русский час // Сайт православного телеканала «Спас». URL: www.spastv.ru

Шевцов В. В. Становление и развитие «Томских губернских ведомостей» в 1854–1881 гг. // Алтайский региональный исторический портал. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/22.html> (дата обращения: 21.08.2010).

Электронное научное издание «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», основанное на одноименном словаре И. Ф. Масанова // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/masanov/default.asp> (дата обращения: 07.10.2010).

Юдин А. В. Концепты «провинция» и «регион» в современном русском языке // «Отечественные записки» – журнал для медленного чтения. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=32&article=1332> (дата обращения: 04.04.2011).

Справочная литература:

Алфавитно-предметный указатель к Новгородским Епархиальным Ведомостям за 25 лет (1875–1899). Новгород: Губернская типография, 1900. 344 с.

Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: сводный каталог-репертуар. Санкт-Петербург, 2008. 645 с.

Беляева П. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России 1901–1916. Ленинград, 1959. Т. 2. С. 457.

Вальденберг Д. В. Справочная книга о печати всей России. Санкт-Петербург, 1911. 656 с.

Летенков Э. В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости 1838–1917 гг. Санкт-Петербург, 2005. 148 с.

Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900 гг.: материалы для истории русской журналистики. Репринтное издание 1915 г. Санкт-Петербург, 2007. 1098 с.

Рункевич С. Г. Епархиальные ведомости // Православная богословская энциклопедия. Т. 5. Стб. 451–454.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / под ред. П. А. Николаева: в 6 т. Т. 1. Москва, 1989. 672 с.; Т. 2. Москва, 1992. 626 с.; Т. 3. Москва, 1994. 592 с.; Т. 4. Москва, 1999. 704 с.; Т. 5. Москва, 2007. 800 с.

Русский биографический словарь: в 25 т. Т. 24 / А. А. Половцов. Москва, 1918.

Сводный каталог русской книжной гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. II. Москва, 1964. 514 с.

Статистический сборник Новгородского земства / под ред. А. Н. Боголюбского. Новгород, 1895. С. 107.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Сведения об авторах

**Козлов
Сергей
Александрович**

кандидат филологических наук,
ОАУКИ «Новгородское областное театрально-концертное
агентство».
E-mail: blackgrifon@bk.ru

**Василенко
Ирина
Васильевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры
журналистики, Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого,
SPIN-код РИНЦ: 9452-8499, ORCID: 0000-0002-9493-6437.
E-mail: niv05@mail.ru

**Кавецкая
Оксана
Сергеевна**

ООО «Торговый Дом «Эдельвейс».
E-mail: oksana.kaveckaya@gmail.com

**Семенова
Александра
Леонидовна**

доктор филологических наук, Новгородский
государственный университет им. Ярослава Мудрого,
SPIN-код РИНЦ: 2129-7763, AuthorID: 432692,
ORCID: 0000-0002-8963-3888.
E-mail: alsemenova@mail.ru

**Васильева
Дарья
Николаевна**

аспирант, ассистент кафедры журналистики,
Новгородский государственный университет им. Ярослава
Мудрого, SPIN-код РИНЦ: 9476-5084,
ORCID: 0000-0002-0234-1015.
E-mail: D181016@ya.ru

Сведения о рецензентах

**Каминская
Татьяна
Леонидовна**

доктор филологических наук, доцент,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
SPIN-код РИНЦ: 5974-1246, AuthorID: 336577,
ORCID: 000-0002-8371-787X.
E-mail: tlkam1@mail.ru

**Терешкина
Дарья
Борисовна**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
кадровой политики и управления персоналом, Российская
академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Новгородский филиал,
SPIN-код РИНЦ: 8928-3482, ORCID: 0000-0002-2079-1116
E-mail: terdb@mail.ru

Научное издание

Козлов Сергей Александрович
Василенко Ирина Васильевна
Кавецкая Оксана Сергеевна
Семенова Александра Леонидовна
Васильева Дарья Николаевна

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ
НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ:**
**«НОВГОРОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ
ВЕДОМОСТИ» (1838–1918)**
**«НОВГОРОДСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ
ВЕДОМОСТИ» (1875–1920)**

Монография

Редактор *В. Г. Павлов*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 10.10.2024. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,1. Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 500 экз. Заказ № 10102024.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.

Отпечатано: ИП Копыльцов П.И.,
394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.
Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru